

Вещь

1(9)/2014

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Проза

Нина Горланова, Вячеслав Букур

Ольга Роленгоф

Поэзия

Елена Баянгулова

Вадим Балабан

Дневники

Любовь Мульменко

Архив

Марк Квинтольский

Вещь

1(9)/2014

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

2014

ГОД КУЛЬТУРЫ

ПЕРМЬ 2014

Содержание

- 3 **Елена Баянгулова** *Если бы Ева могла говорить (стихи)*
- 6 **Нина Горланова, Вячеслав Букур** *Две равно уважаемых семьи; Ведунов; Мать, мать! (три рассказа)*
- 18 **Римма Аглиуллина, Вадим Балабан, Елена Меньшенина, Павел Новиков, Роман Япишин** *Молодая поэзия Челябинска*
- 25 **Алексей Лукьянов** *Разрешите вам... (рассказ)*
- 29 **Стефан Савелли** *Мама не спит (странная комедия)*
- 49 **Владимир Бекমেетьев** *На сетчатой спирали зрячей (стихи)*
- 55 **Ольга Роленгоф** *Космические тетради (рассказ)*
- 61 **Любовь Мульменко** *Центры (из дневников 2011-2014 гг.)*
- 80 **Марк Квинтольский** *А еще я люблю уютюги (архив ОДЕКАЛа)*
- 86 **Лев Авилкин** *Флотская «покупка»; Третий том «Капитала»; Экзамен по философии; Шарлатан; «Писатель» (мемуары)*
- 96 **Юрий Асланьян** *Деловая игра (публицистика)*
- 101 **Сергей Ивкин** *Иная речь «ГУЛа» (хроника литературной жизни)*
- 115 **Кристина Суворова** *Паруса над Компросом (хроника литературной жизни)*
- 120 **Юлия Баталина, Кристина Суворова, Екатерина Симонова, Юлия Подлубнова, Юрий Асланьян** *Рецензии («Уникум Потеряева»; «Ангелы над Израилем»; «Дом для одной свечи»; «Исчезнувшие»; «Чусовой литературный», «Кот Несмеяны»)*
- 134 **Авторы номера**

Елена Баянгулова

Если бы Ева могла говорить

Е.С.

меня учили — если ты знаешь цену словам
ты всегда будешь честным
а все эти заповеди —
свод правил для аморальных личностей
я могла это только выучить наизусть
и никто и ничто
ни церковно-приходская школа
ни шахаду
не переубедили меня в обратном

а сейчас я дарю тебе одно воспоминание
единственное одноразовое уникальное на двоих
потом мы придумаем продолжение

каждый отдельно придумает свое
будет его представлять
увидит его во сне
одно воспоминание на двоих
и годы выдуманной жизни
на противоположных сторонах света

если бы Ева могла говорить
она говорила бы просто —
Адам мой брат
у нашей любви не может быть глаз
она глуха как камень и водолаз
беззуба и безъязыка — вода
конечно же в жидком ее состоянии
так как лед способен кусать и жалить
Адам мой муж
ты одинок забыт всеми кроме меня
помни кроме меня

Е.С.

когда тебя отказывается любить один конкретный человек
в то самое время когда ты его всей душой
одновременно чересчур возвышенной и низменной
одновременно
в общем что он думает когда я не пишу ему
что он думает когда пишу
когда вижу значок онлайн рядом с его именем
во мне закипает волна радости
вот сейчас в этот самый момент рядом
рядом настолько что достаточно положить пальцы на клавиатуру
это как прикоснуться
кровь пульсирует в пальцах
пульс — вибрация стенок сосудов — единственное что я помню еще с экзамена
по биологии

пульс в направлении одного человека

когда ты рядом мне кажется я способна на все
все самое хорошее и плохое
самое хорошее и самое ужасное
потому что тогда все это безотносительно

бессмысленно нелепо не достойно внимания
эти катастрофы и вероятность смерти
любовь — генератор случайных чисел
т.е. любовь это совсем не выбор а случай
случай тотального поражения

умер шотландский писатель
а собственно какая разница
к какой стране он принадлежал
главное тут не это
и не это хотелось сказать на самом деле
но отвлекают всегда социальные сети
так вот
человекоподобный скорпион
нет человекоподобный слон
скат скаут скакун
слова как органические соединения
взрыв в горле

давай займемся подводным танго
ты протягиваешь мне руки я в ответ ноги
мы легче воды песка глины
легче крови бегущей по телу
кажется мы одни в этой бездне
но тысячи органов чувств чужих наблюдают
и ловят каждое наше движение
мы для них слайды

всего лишь какие-то слайды
которые можно прокручивать бесконечно
или пока не надоест слушать музыку
приложив к уху раковину-стакан
надоест ли тебе?
в какой из тысяч жизней
кто-то из нас отпустит

Нина Горланова, Вячеслав Букур

Две равно уважаемых семьи

В приемной сидела женщина с лицом беды — глаза, как у минойской статуи. Он собрался мгновенно перенаправить ее к заму. Но в этот миг увидел картину — автопортрет?

Мелколесье морщин, на руках игрушечный лев с малиновой гривой, а из кармана синего халата торчит зеленоватый угол сто-долларовой купюры.

Иоганн (так Ивана на первом курсе прозвали за аккуратный почерк), вооруженный зрением коллекционера, сразу понял, что перед ним чудо из чудес, гений наивной красоты, явление души народа, всюду чистое горенье и так далее. Его сухое лицо потекло и стало мягким, мягким.

Забыв, что является мэром Фиалохолмска, что у него проблемы с тестем — гу-

бернатором («Я умножу тебя на ноль, если не вернешься в семью!»), любимый ньюф остался у бывшей жены... а еще и депутаты плетут... они всегда плетут, а еще кто-то подал в суд за взятку, хотя взятку он не брал, так — пару картин в качестве подарков, дано разве нельзя взять подарки... в общем, на минутку он взметнул, полушепотом от волнения спросил фамилию у «минойской статуи».

— Черемухина? Я что-то хорошее уже слышал... Проходите!

Помочь в ремонте канализации сразу и аляповато обещал («как брат — брату!») — павлиний хвост свой даже почти видел сзади... Ручку целовал! Она и растаяла. Он сторговал портрет с долларовой купюрой — за тысячу рублей! И наконец просил разре-

шения навестить — купить для своей кол- лекции с десяток вещей. Снова ручку...

Он часто даже и по часу разговаривал с художниками, записывал на мобильник историю картин, истоки дара.

Один наивист, например, (впрочем, номер один среди собратьев, без скидок — по фамилии Перебейнос) когда-то был оформителем в клубе железнодорожников и — выйдя на пенсию — стал скучать по работе, писал пейзажи с поездами, а в окнах — от- решенные лица путешественников... небо всегда жемчужное, глаз ныряет туда и об- ратно не хочет! Не хочет, и баста.

Другая (кстати, тоже талант сверх- сверх... звали: Ганнибаловна) была дизай- нером в оранжерее, любовалась даже во сне виденными и невиданными цветами, а в пятьдесят лет написала первый натюрморт... с черными астрами.

— зуб болел ночью, вот и с черными — у внучки других цветов к тому же не было почти!

А как зуб вырвала, так с радости стала писать людей с цветами вместо волос. А над цветами — пчелы, бабочки. И даже у кос- монавта на шлеме цветочки какие-то ино- планетные, у Пушкина — сирень вместо бакенбардов. На крышах в ее Фиалохолм- ске — цветы, кустарники, ульи. И даже зи- мой в сугробах растут какие-то морозостой- кие цветочки.

Когда же Ганнибаловна пару раз пожа- ловалась, что невозможно дешево покупают ее картиночки, ее прозвали за глаза... с вы- четом первых четырех букв.

Но всех перебила история этой Чере- мухиной! Когда он помог с ремонтом ее дома — приехал в гости.

Девочка на шаре явилась ей в 30 лет! Явилась и говорит: «Вставай, золотце, брил- лиантовая ты наша, возле сада имени Гоголя, там твои картины купят». Проснулась, ска- зала себе:

— Как хорошо! Наконец-то будут деньги. Но... никаких картин у меня еще нет!

И стала с дрожью писать одну за другой, так что не было времени выйти к саду имени Гоголя. Картины: балерина стоит на пуан-

тах и протягивает пачку денег для детского дома; драка на свадьбе, тут же на полу валя- ются деньги; рэкетеры на «стрелке» беш- но палят друг в друга, везде летают деньги; новый русский в белой горячке рвет деньги.

И хотя деньги она писала в картинах с особой любовью, так и хотелось их заиметь, все-таки лица людей были еще желаннее!

У всех почти примитивистов — услов- но-человеческие лица, хотя прически и одежды разные... а у Черемухиной каждое лицо — Моцарт! Не оторваться! Стар и млад, мужи и жены, худые и толстые — все, как на подбор, уникальны, в сердце ужалят, и ты пропал, коллекционер!

Когда она бросила три листа лавровых в суп, который варила, когда Иоганн пришел, он хотел крикнуть:

— Какой суп! Зачем в суп? Нужно сделать лавровый венок и увенчать тебя. У древних греков лавр был деревом Аполлона.

Но ничего не сказал, чтоб не сглазить, не спугнуть, не пошел чтоб талант в коммерче- скую сторону, не пропал бы художник — то есть художница...

На втором курсе он был влюблен в поэ- тессу Валентину З... Да все историки были от нее без ума! Рифмы поразительные: да- ма-гиппопотама! Ходила по коридорам, по- ложив голову на руку! С ума можно сойти! Сам классик Драка называл ее надеждой русской поэзии!

А на даче, в саду родителей, она ходила, останавливалась и рассказывала ему о ро- зах, о камнях... руки молитвенно впереди сложив... дома — над горшками фиалок — так же сложила руки... а потом выпрями- лась и отказала Иоганну.

Он долго пил горькую, хотел выпрыгнуть из окна общежития (он жил в общегае, так как был из села), но в конце концов настал тридцатник (тридцон, как сейчас говорят). И он женился на... ну, от которой сейчас ушел. Сусанчиком звал ранее.

А поэтесса — что поэтесса... получила своего косоглазого Петруню (говорила, что косина его украшает, что у него два взгля- да — один умный, а другой еще умнее)...

вырвала у судьбы! Петруня — тогда аспирант — был женат, но Валентина поехала за ним в Тарту на конференцию, в общем, вернулись они вместе...

Было там все и неплохо сначала, двое сыновей и одна дочь... Валентина во время перестройки звучала на всех телеканалах, в том числе и федеральных! Толстые журналы без нее и не выходили! Сборники стихов назывались наречиями: «Светло», «Горячо» и т.п.

И вот в это время ее Петруня ушел к одному аспиранту, от него — к студенту, дети же их росли непростые, дочка сначала подалась в нарики, потом родила в пятнадцать — от китайца. Прелестного, кстати, китайчонка, впрочем, он русский, русский. Иоганн сам был крестным отцом. В двадцать родился брат китайчонка — уже от палестинца. Все внуки на Валентине, а Петруня хотя и называл себя интердедушка, деньги тратил не на внуков ...

У поэтов же в двухтысячные не стало ни гонораров, ни читателей — эпоха рынка, то есть у всех, кто читает в Интернете, по-прежнему объем легких увеличивается, а объем личного счета у авторов не увеличивается... Иоганн помогал Валентине, разумеется, но рывками: то давал много и без отдачи, то вспоминал, как она ему отказала, он тогда валялся по кюветам... и в такие моменты он говорил, что все средства уходят на строительство музея наива... Впрочем, музей он действительно двигал к завершению.

В это время Ангел-хранитель, который и не вылетал из стихов Валентины, позаботился о ней. Сначала дали большую премию в столице, потом Петруню в шестьдесят отправили на пенсию. Интриги, батюшка-читатель, интриги! А без денег он стал никому из нежных друзей не интересен и вернулся в семью.

Интердедушка помогает с внуками — на выходные даже берет их в походы на лыжах, то-се... Валентина может посидеть над поэмой, хотя часто говорит, что время не для поэм... отец-палестинец хотел недавно критиковать их семью: мол, тут не учат арабский и прочее. Петруня закричал:

— Живи с ним и учи! Кто будет учить, как не отец!

И «отец» исчез, как тень отца Гамлета.

При имени Иоганна, конечно, Валентина до сих пор томно взбивает волосы... Он ей иногда звонит — вот вчера звонил. Когда произошло...

Предшествовало все хорошее.

Сусанчик, жена Иоганна, родила одного ребенка, очень поздно. Еще они усыновили двух удмуртских мальчиков-двойняшек, родители которых погибли в ДТП. И все было хорошо, но недавно она написала на берегу реки (где была их вилла): «Частное владение. Приставать запрещено. Пропорю вилами катамаран». Это кто-то из проплывающих сфотографировал, поместили в газете, разгорелся неприятный скандал...

А на днях вообще три репетитора по математике уволились, потому что Сусанчик вышла к ним в одних шортах и не весьма трезвая, заявив:

— Все бесполезно! Я училась на тройки, а живу лучше всех!

Да, она живет лучше всех, потому что ее отец стал губернатором, зять же провел в мэры. Иоганна прям тошнило от подобных заявлений жены.

Когда он посватался, Сусанчик была не поэтесса, но хотя бы с гаремными родинками — в каждой родинке вся ночь Багдада! А в последние годы жена уже безумствовала, после пятидесяти сделала из своего лица какие-то силиконовые пузыри. Губы — плотоядные устрицы.

А тесть был некогда завлабом, теща — домохозяйкой. Губер и сейчас любит говорить об инновациях, и даже реденькая бородка напоминает о нанотехнологии. Но зять на днях назвал: «сучий сын»! Они думают, что он ушел к любовнице или к Валентине. Но он ушел просто — не к кому-то, а от...

Любимый ньюф так скучает, что почти перестал ходить. Суставы! До Иоганна доносились эти новости — через охранников, приставленных к близнецам.

Обо всем этом он поведал Валентине — насчет тестя выразился так:

— Он же брутало у нас — саранча его заешь! Подожди. Сейчас добавлю сто грам-

мов (на миг повеселел). А завались оно за комод!

— Что: от Парижа до Находки с водкой лучше, чем без водки?

— Обижаешь. Это был молдавский коньяк!

— Не зря Рим завоевал Дакию.

— А при чем тут Рим?

— Иоганн! Ты вспомни: виноград-то откуда! — она положила трубку.

Вот всегда так — неожиданно кладет трубку. А еще поэтесса! Никакой деликатности.

Он снова набрал:

— Вспомнил! Молдавский язык называли: прокисшая латынь, ломовая латынь, ржавая латынь. Послушай, Валентина, еще какой-то пьяный мужчина бродил под окном и жалобно всю ночь стонал: «Я не знаю адреса! Адреса!» — и так двадцать раз.

— Как ты думаешь, который час? — и она снова бросила трубку.

Но на другой день сама позвонила: во всех вузах ото всех, включая вахтеров, требуют справки об отсутствии судимости. Валентина приняла это неожиданно позитивно:

— Да, толкучка! Зато увидела всех одноклассников и пару однокурсников... Помнишь Валерку Варенникова? Он за тебя переживает! Любят тебя в Фиалохолмске! Понял?

— Ну, так я ожоговый центр построил... не баран чихнул.

— Иоганн, вот с другой стороны, смотри: судим Параджанов, судим Солженицын — а кто лучше снимал-писал? А как тебе: справка, дана гр. Сократу в том, что он осужден на распитие чаши цыкуты. Справка выдана предьявителю ... Народ там шутить изволит.

— Так ты не в курсе? А в одном нашем институте преподаватель убил студентку. Оказалось: он еще ранее — десять лет назад — убил в другом городе, купил новый паспорт...

— Как же его вычислили?

— Так она в «Фейсбуке» написала, что идет к нему на свидание... с которого не вернулась.

— Понятно. Так что держись, тебя любит город! Ты хотя бы знаешь: все стронулось в природе после ухода твоего из семьи. В

лесах под Фиалохолмском нашли зеленую обезьяну. Сообщают по ТВ, что она жила всю зиму в лесу.

Иоганн бросился в подготовку открытия музея — запланировал надевать на любимых художников лавровые венки. Только как быть с Черемухиной? Она дала всего одну картину! Мечтающая по-детски о деньгах, написала автопортрет в венке из долларов. Как бы пошлостью не окрестили из-за долларов. Или гламуром! Кто понимает, что Черемухина — звезда! Деньги тут не главное, а мираж, мечта, никогда она не разбогатеет, потому что над каждой картиночкой полгода сидит...

Там еще он проведет конкурс самодеятельных дизайнеров. Одна девушка в Фиалохолмске — направляема тихим лучом — делает платья из ковриков для хомячков. Ей, голубушке, точно нужна премия!

Океюшки. Все будет. Но дети снятся! Как без них?

И засудят еще. ОНИ все могут...

Он стал смотреть подолгу утрами в зеркало. Лицо теперь состоит из неровно установленных плит плоти. Еще какие-то лезвия горя исчеркали его лицо, прибавив морщин. Он поворачивался, стремясь по-старому завораживающе отблескивать головой, которая у других называлась бы откровенно лысиной. А у него не так — у него словно благородный лоб завоевывал новые позиции... Так говорила Валентина. Иногда. А теперь что-то темное из-под кожи шло, подходящее к его фамилии. Фамилия — Нечитайло.

А между тем Нечитайло был весьма начитан. Недавно прочел интервью Ройзмана: мол, наивное искусство — душа нации... видимо, имелась в виду доброта народа?

Но народ — мечтатель, а мечтатели не очень добры.

Перебейнос, например, принес на выставку новую серию работ. Белые песцы на белом снеге, на бледном небе тоже они. По-хозяйски распоряжаются в своем мире: поправляют луну, добавляют звезды... Как картины — волшебны, но какая тут душа народа, где доброта?

Появилась одна новая старушка, ранее работавшая на ткацкой фабрике в Иваново, но вот прочла про Фиалохолмск, про музей наива, переехала сюда — в дочке. Она оригинал — разбивает плоскости на квадратик-экраны — в каждом свое действие. У нее словно изначально всем знакомое лицо. Простая фамилия — Сидорова. А говорит тоже просто, но так и кажется, что немного наигрывает эту простоту. Для продаж. «Наверно, так и надо, а умные люди знают, что я делаю. Они все и объяснят». И так ее картинка нравились журналистке Фекле Холмовой, что она даже брала ее за щеки и приговаривала: «Красавица».

Друг-читатель, мы долго могли описывать подробности всей этой непростой истории, но — во-первых, ты уже все знаешь из газеты «Новые холмы». А во-вторых, ты уже и сам предположил, чем дело кончилось. Еще до газет, до сайтов...

Ведунов

Майское солнце приглашало из его сияния развернуть любую жизнь, и Ведунов рванул из Перми в Чердынь.

Давно он мечтал поставить здесь памятник Манделштаму! Я молю как жалости и милости... В Чердыни Осип Эмильевич был в ссылке за стихи о Сталине, выпрыгнул из окна больницы... Памятник об этом миге полета — края пиджака сзади развеваются, как крылья!

Достоевского вот отказались к юбилею поставить в Перми... деревянный серый высохший Федор Михайлович, проездом миновавший Пермь... так и остался в мастерской Ведунова. На каторгу по дикому морозу ехал мимо — по письмам, счастлив был безмерно... жив остался!

Ведунов сам отсидел за диссидентство... Во время перестройки это — скажем так — учитывали, все-таки брали его работы... а

Еще вчера Иоганн был мэром этого славного города, кстати — и зятем губернатора. А сегодня он под судом... да, так. На него завели уголовное дело! Хотя всем ясно, что он просто ушел от своей женульки... от Су-санчика.

И вот что случилось: губер внос колоссальный залог (цифра скрывалась долго, но в конце концов мы вам ее сообщим, когда разведем по своим каналам).

Затем Иоганн — да, вы сами догадались — попал под амнистию. И он вернулся в семью.

Открытие музея прошло на ура. Там надевались на художников лавровые венки с вкраплениями долларов, рекой лилось шампанское, а торты испекла сама Черемухина! Перебейнос выпустил стенгазету. Там он поместил свою карикатуру: Иоганн рассказывает инопланетянам о гениальных наивных художниках Фиалохолмска. Руки у него раскинуты, глаза у инопланетян выпучены...

потом даже картины и те министр культуры выкинул из кабинета:

— Твои красные картины выселили меня! Так и сказал!

В общем, снова: мы живем, под собою не чуя страны... к власти пришли контрразведчики, а им нужна тишина.

Это даже не разведчики — тем какой-нибудь да результат нужен — они хоть украдут, да вперед.

Погибший на каторге Осип Эмильич, выживший Федор Михайлович...

— Ах если б еще знать, добра ли она... Настасья Филлиповна! Ах, тритон тебя за ногу — мать-и-мачеху растоптал нечаянно!

А Ведунов этого не любил.

— И кровь зеленую растений... не проливал, — запел он.

Недавно позвонили ему: предложили размещалово за деньги! Памятник жертвам

репрессий поставить в лагерном бараке. В том, где Ведунов сидел. И отсидев, должен заплатить за то, что свой памятник там устанавит! Он тогда мысленно пробежал пять километров и успокоился.

...Наконец удалось ему взгромоздиться на берегу, на отвесном краешке — пара эскизов — это больше, чем ноль! Надо жить, молчать... А лица здесь какие! Вот прошел тигр... и тут же брюнетка со своим вневременным лицом! Из нее можно и графиню сделать, и купчиху — шаль в розочках накинь, и будет тетя Мотя! Хорошо! Как хороши люди!

«Тигр» вдруг стал ему говорить:

— Мы должны поехать и проверить водоохранные зоны! Очень давно мы не проверяли водоохранные зоны!

Сели в моторку и поплыли. Скорее всего сбежали с работы на пикник. А ему как приедем сочли нужным что-то объяснить. Вдруг он ревизор или другой какой чиновник! Ну а с этюдником стоит — для маскировки...

Тут бабушка пришла звать козу. Козу по имени Девка!

— Девка! Девка!

Как хорошо!

У Девкиной хозяйки средневековое выражение лица: то аскетическое, то сладострастное...

Вот прошла молодая мама. А ребенок такой толстый, словно выпал из рук Мадонны Возрождения. И в руках у него синие цветочки, мышинный лук. Сама Мадонна по мобильнику разговаривает. Быстро он набросал ее лицо. Получилось, что она с Богом по мобильнику разговаривает...

На днях во сне Ведунов видел двух блондинок из своей юности, и во сне же думал: написать этих девушек в виде двух сиреней.

На багровом тревожном закате он побегал в гостиницу. Его встретил кот без уха — кошачий Ван Гог.

— Наш кот не любит кактусы, выбрасывает их из горшков... все остальные цветы не трогает, — сказал старик-дежурный

(непревзойденной красоты лицо — мощная морщина идет сверху вниз по правой щеке — как трещина на дереве).

— Да он славянофил, ваш кот, — захохотал Ведунов.

Ему семьдесят, недавно сделал шунтирование, но больше шестидесяти не дают. Налив стакан сока, Ведунов долго стоял у окна, очки держал в руке, они плюсовые. И бумага задымилась. Он все же начал набрасывать портрет дежурного (вылитый Астафьев!), но вдруг боль в спине сковала все. Потрогал рукой — там этот... этот аспид! Ну, в переносном смысле — ядовитые змеи здесь не живут. Клещ, одним словом!

Позвонил в больницу.

— А вы идти можете?

— Я не только могу идти, я бегаю!

А сам трубку положил и вдруг понял, что встать не может! Снова позвонил — прислали за ним мотоцикл с коляской.

Мотоциклист: у него два лица на лице. Глаза хитрые, а улыбка детская. Рома (да, Ведунова звали Роман) ему:

— Потом можно ли встретиться? Я бы набросал ваш портрет... я приехал делать памятник Мандельштаму.

— Пока лечитесь, там посмотрим! Если туристы будут покупать — я могу продавать из гипса мандельштампов, для начала десятка полтора.

А про себя думал: с этим брюсуиллисом делиться придется.

Год назад Рома приезжал сюда с журналистом Гранитовым — они опрашивали чердынцев — имя Мандельштама те слышали, но одни уверяли, что это знаменитый врач, другие — знаменитый путешественник...

Сонная красавица в медсанчасти:

— Меня в Пермь зовут, предлагают место писателя.

— Кого?

— Ну, терапевта. Терапевтов у нас зовут писателями. Пульс считали?

— Сейчас, — стал пульс считать.

— Вы в командировку?

— Памятник хочу поставить — Мандельштаму.

— А он как раз вот из этой комнаты выпрыгнул!

— Это что — намек?

Стали вводить гаммоглобулин. Рома посмотрел: на ампуле срок годности... закончился в апреле!

— Я позвоню начальнику райздрава!

А тот:

— У меня есть еще одна ампула, я ее посылаю. Но такая же — срок годности закончился.

Ввели две. Сыграли в русскую рулетку.

Как Мандельштам остался тогда в Чердыни жив, так и Рома наш в большом порядке. Мы встретились вчера на поминках по И., где и услышали эту историю про Чердынь. А когда я сказала Роме, что пора уже перестать водочку наливать — давление подскочит, он искренне удивился:

— Разве это влияет на давление? Впервые слышу... Я сейчас готовлю памятник Михаилу Романову и его секретарю. Их в Перми убили.

— Да, знаю... а как дела с Осипом Эмилевичем?

— Все твердят знаешь что? «Ваши кваки о Мандельштаме уже достали».

— Кто это говорит?

— Все. Вчера в министерстве какая-то Люба с «Ютуба»... Хочу написать «Изгнание бесов»... и чтобы свиньи — в черных костюмах чиновников. Они выбегают из машин и бросаются в реку. Река быстрая, северная, чешуйки солнца в гофрированной воде. Солнце в разрывах.

Я посмотрела на Рому: его маленькие глазки сияли с исключительной силой!

— Но я верю: поставят в конце концов твоего Осипа!

— Нет, слухи, что утвердили уже другого... скульптор откуда-то из Сибири... Мандельштам у него похож на статую Командора. Статуя Командора — это статуя Командора!

— А Мандельштам был — свежий ветер и рукопожатье культур! — говорю я.

— Через двадцать лет поставят памятник Венедиктову — в виде статуи Командора!

Кому это понравится! Ведь «Эхо Москвы» — это и свобода, и интеллигентность Бунтмана, и...

А рядом находился в это время еще один Рома — журналист и мой старый знакомый по универу. Он спросил, как я отношусь к спорам вокруг мемориала «Пермь-36». Я:

— Музей должен быть.

— Но там ведь сидели не только Щаранский и Ковалев...

— Вот Ведунов там сидел... после политического процесса.

— Но большинство были бандеровцы, «лесные братья» и подобные им, у которых руки были по локоть в крови, в том числе еврейской.

Тут мой муж сказал:

— А Спаситель был распят между двумя разбойниками.

Тут Ведунову предложили что-то сказать, и он начал про дружбу с И. «на почве любви к философии Гегеля»...

Вдруг эстетическое чувство его оказалось оскорблено огнетушителем в таком современном зале. Я успокаивала:

— Безопасность дороже эстетики. Огнетушитель должен бросаться в глаза. А ты что — опять наливаешь? Смотри, если тебе будет плохо...

— Ты как фурия!

— А еще есть эринии и гарпии, — добавил другой Рома, журналист. — Дадим отпор проискам клаки абстинентов!

Когда мы в автобусе ехали с поминок, у кого-то из пассажиров с мобильного донеслось: «А нам все равно...»

Тут к двум блондинкам юным повернулся мужчина, похожий на милого динозавра:

— Хотите, покажу обезьянку?

И показал лицом.

— Вот как нереализованные творческие способности томят человека, — сказал Роман.

Мелькнула надпись на заборе: «Свободу политзаключенным!». Из чьего-то мобильного снова донеслось «А нам все равно»...

Мать, мать!

Гоня перед собой волну морозных духов, ГорА надвигалась. Гора — прозвище Фаины Гринберг (так ее звали близнецы Лера и Юра Лисовы).

— Юрец! Лерушик! Видела я вашу мать!
— Мать? Мать!

Мать близнецов нечаянно, но раздольно запила двадцать лет тому назад, отец был не известен. Лисовы оказались в детском доме.

— Лисятки! — сразу затрубила над ними няня Андреевна.

Это их еще больше испугало, чем то, что в детприемнике мыли и кормили досыта. Они яростно поглядели в выцветшие от долгих лет глаза Андреевны, надеясь, по доброй коммунальной привычке, запугать ее. С трудом удалось расцепить их костлявые руки, которыми они обхватили друг друга.

И вот, когда уже миновала отметка «тридцатник», эта встреча на кладбище с подругой по детдому. Оказалось: она в больнице видела их Светулечку-мамулечку, которая пережила клиническую смерть, и сейчас ищет детей. Она всегда требовала, чтоб ее называли Светулечка, эта мать их.

Близнецы поняли, что подарила она им прекрасную наследственность. Двадцать лет не просыхала, но жива и даже клиническая смерть — это не смерть, а вроде перезагрузка.

Они кое-что помнили о ней. Во-первых, любой разговор она начинала со слов:

— Что я вам скажу!

И дети так начинают любой разговор, когда встречаются со своей Стаей.

Во-вторых — она часто начинала такую сказку:

— У Синей птицы был любимый сынок. И звали его Синяк. И сманил его Иван-царевич... (далее она впадала в привычный коматоз с выхлопом, и они так и не узнали никогда, вернулся ли сынок к маме).

Мелькала еще такая реплика:

— Любую мою позу сразу можно помещать на коробку конфет.

И близнецы иногда перебрасывались:

— Филимонов сейчас стал такой качок.

— На коробку конфет!

Бывают люди, которые попадают на Землю, чтобы любить. Такой оказалась в детдоме нянечка Андреевна. Лисовы — Юрец и Лерушик — встав на ноги, навещали ее последние годы. Она тряслась навстречу им по блочному коридору, шарила белыми от старости зрачками — уже ничего не видела, тискала руками с пятнами возраста и трубила:

— Мои лисятки!

Навещали, привозили фрукты и торты, которые она особенно ждала, но ничего не смогли поделаться: все равно сначала похороны, а потом заказали панихиду. Иногда ездили на кладбище в родительскую субботу.

Вот там и встретили новость о Светулечке — про реанимацию природной матери.

Гринберг сказала, Фаина, она на кладбище, потому что навещает могилу приемной матери:

— Возила на консультацию своего Арона. Так там говорили про одну бомжиху, а фамилия у нее тоже Лисова. Лежит она, как глиста белоснежная! Скрыловая жила на змеиной шее, зуб всего один... Но кусает им прекрасно! Одно ухо у нее прижато, а другое на отлете. В общем, как у тебя, Юрец.

— Да уж, красотища из меня так и хлещет. Пора на коробку конфет!

— Еще она бормотала: мол, передайте моим детям, а то они совсем мать бросили, не понимают, как трудно их было рожать, близнецов! А запах такой!.. Но все равно вам повезло. Я сколько запросов о своих послала. Отец под машину попал, а про мать — тишина. Вот такая ситуёвина!

Ее лет в десять усыновили Гринберги, но в тринадцать сдали обратно: стала нюхать клей и из дому все таскать. Потом Фаина как-то дожила до двадцати и вышла замуж за поляка, как это случилось, она не говори-

ла. Но года три прошло — развод... только до сих пор польский акцент проглядывает у Фаи: например «митИнги» вместо «митинги»... дальше так: Гринберга парализовало, жена его умерла от инфаркта, теперь Фая ухаживает за приемным отцом, словно он самый родной. Недавно привозила Арона Арьевича к близнецам на дачу.

К этому времени все друзья Фаины, которые не умерли от наркоты, встали на ноги. Помогают друг другу. Филимонов вот привез ее с отцом и достал из машины коляску, блендер и кислородный концентратор... Весь обед, который приготовили, был пропущен через блендер, подтирались все капли...

Ну, близнецы сейчас же представили, что все это придется делать, когда заберут из больницы мамулечку-Светулечку. А тогда, двадцать лет тому, она кокаинчиком закидывалась при них, они же — голодные и в чесотке — стучат соседям по коммуналке: ну дайте же хлеба! А то, суки! (Но это шепотом. Уже тогда были светлые головы, соображали.)

— Мать. Мать! — проскрежетала Лерушик (весь организм будто внутри зубами стал набит).

— Твою!.. — сплюнул Юрец.

— Косорыльство какое! — доскрежетала Лерушик.

А Петя (это ее друг) вздохнул и сочувственно лизнул в ухо.

Все-таки на другой день позвонили в больницу. Пообещали заплатить, если приберут вокруг матери. Вскоре приехали. Лежит в коридоре белое существо, будто совсем без крови, уже отмытое персоналом (нате вам деревянных в халатные карманы). Улыбается. Вокруг такие же маргиналы, мгновенно начали шмыгать носами и завидовать.

Чтобы детей втянуть в разговор, Светулечка рассказала про свою клиническую смерть:

— Тоннеля я не видела... а видела: в занюханном, холодном зимнем автобусе едут эти... люди. И будто дремлют. Вдруг один вышел — он будет жить. Остальные поехали дальше — до конечной остановки.

С трудом они эту историю разобрали. Дикции никакой. Дальше были такие слова: «йййесссли быббыб-отмммооо-та-та»!

— Если бы отмотать на год назад! Я еще была здоровая, я бы с вами... — перевела Лерушик брату и скрежетнула: — А нужно отмотать не на год, а на двадцать лет!

— Точняк! — усилил ее слова Юрец.

Еще подогнали санитаркам денег немало за уход. Лерушик:

— Надо было купить им коробку конфет!

Ее друг Петя подтвердил: потерял о плечо.

— Конфеток с полонием, — кивнул Юрец и стал звонить Филимонову:

— Слушай, сможешь подменить меня завтра возле матери? У меня как раз на этот день командировка. (Он имел на рынке два киоска обуви).

— Хоп.

Назавтра Мамулечка уже капризничала. Кричала: «Обмен веществ! Обмен веществ!», но не хотела знаться с горшком. Когда Филимонов катил ее в туалет, поманила белой рукой. Он наклонился. Жаркими слизистыми брызгами она начала обличать детей:

— В три месяца сын мой Юра пытался кусать медсестру, которая ставила укол...

— Жизнь твоя прошла от чифира до кефира, — расплывчато отмахивался Филимонов. — Как ей будете чистить бивни? (это он уже по телефону — пересказывал слова Светулечки).

Для начала мать (мать!) перевезли домой. И там Светулечка сразу заболела гриппом. Знакомый врач был, привезли, и он твердил, что состояние тяжелое, посоветовал интерферон внюхивать в сухом виде.

— Правда, я на работе сделал «дорожку» из интерферона и стал втягивать через бумажную трубочку — входит зав.отделением. Немая сцена. Он сразу: «Кокаинчиком закидываемся?»

И вдруг Лерушик почувствовала, что жизнь, как большая птица, трепещет у нее в руках. Что-то происходит! Если мать умрет от гриппа, будет уже не то, то есть, конечно, светло, но как будто от болотных огней...

А в детдоме... после того, как мать часто твердила, что родилась в год Змеи... близнецы ненавидели сухое дерево возле детдома, словно состоящее из одних змей, пытались его поджечь пару раз... казалось: это она, она!!!

А тут как-то (в другой год этой гадюки) Лерушик видела на рыбном магазине новогодний плакат: «Змея подарит вам улыбку, в придачу — золотую рыбку» — и вдруг стала ногтем царапать бумагу... хоть немного оторвала!

Но тут Юрец обнаружил, что ему изменяет жена. Дело было так: жена ходила в гипсе вокруг шеи после травмы, а Юрец зашел на сайт «Яндекс-пробки», чтоб посмотреть, сможет ли быстро доехать до Стахановки. И что: видекамера угодливо преподносит, как жена его идет в обнимку с мужчиной, дорогу переходят они — вместо того, чтоб попасть под колеса и решить все проблемы.

Он сразу позвонил:

— Ты в поликлинике?

— Да.

— А с кем ты на «зебре» целуешься сейчас, в рот ему ноги?!

Она даже не стала отпираться, изворачиваться...

Он кричал сестре:

— Кранты семейной жизни! Меня мать предала, жена предала! И ты хочешь тоже? — Он раньше не мог обжечь сестру взглядом (обжечь взглядом — осталось как один из способов выживания в детдоме), а тут вдруг почти сделал это.

— Юра! Ты что? Почему?

Сдадим эту мумию в дом инвалидов! Не хочу я тратить силы и бабки на эту! Каши-размазюхи ей, видите ли, варить нужно! Трусы ей покупать? А в детдом нас без трусов привезли, вспомни! Для себя будем жить... Конец Светулечке, конец однозубой!

— Давай перейдем на серьезку! На крайняк только сегодня вечером посиди, а? Мне с Фаиной идти на концерт Жванецкого.

— Зачем?

— Арона она везет... любит он Жванецкого. Она уже купила три билета. А они дорогие!

— Я не останусь, и точка.

— А вспомни: летехе по морде ты дал — в парке. Лейтенант бы в суд... а я на колени перед ним встала.

Юрец сходил за бутылкой виски и остался с матерью, выражаясь редуцировано:

— Мать! Мать!

Или:

— Твою! Твою!

Фаина-Гора сказала: будет называть Лерушика «Рахилью».

— Зачем?

— Затем.

И вот они покатали коляску с Ароном по проходу — прямо за кулисы. Лерушик ничего не понимала, но молчала. Мысли у нее были о матери. Вот бы под руку прийти могли на концерт, как белые люди... а то что — лежит она там, Юрец, наверно, изливается («лупа конская» и и еще что-нибудь урезанное). Фаина уверенно охраннику объяснила: «Михаил Михайлович нам назначил, он с папой давно знаком». И в уборную Жванецкого вкатывается инвалидная коляска вместе с Фаиной и «Рахилью». Жванецкий не посмел вспылить, а Фаина напевно начала:

— Это мой папа Арон Михайлович, а это друг нашей семьи — Рахиль. Папа всю жизнь мечтал сфотографироваться с Вами, — она протянула подруге фотоаппарат.

«Рахиль» их втроем сфотографировала. Фаина поклонилась:

— Вы теперь самый драгоценный человек для нашей семьи, потому что выполнили папину мечту.

И выкатила Арона.

Лерушик спросила у нее:

— Ты на что надеялась? Что Жванецкий тебя влюбится?

— Да нет, что ты! Просто увеличу фотографию и в рамку. Приходит врач — видит Жванецкого с папой, папу со Жванецким — уже другое отношение! Приходит социальный работник, видит меня со Жванецким, и так далее.

Когда брат это услышал, заявил, что Фаина больна.

— Нет! Она вот подарила не только «спасибище», но и коробку мацы. И здраво рассказала про преемственность... чего-то... а, Песаха и Пасхи! Христос на Тайной вечере ел мацу. Маца до сих пор имеет такое значение: свобода — это бедность. Из тучного Египта вышли они в пустыню — уже не рабами. До сих пор называют мацу «хлеб бедности» и «хлеб свободы».

— Больные тоже умеют притворяться здоровыми.

— Хорошо бы все так были больны — любя своих близких... А на тротуарах города встречаются через трафарет накатанные надписи «Позитивчик».

— Да, это довольно сильная и вштыривающая штука.

Юрец повел сестру в кафешку напротив — отпаивать капучино.

— Я капучинею, — закатила глаза Лерушик.

Это было почти что счастье.

Но через неделю мать хотела встать с унитаза сама, схватилась за трубу, та лопнула, и вода хлынула со всей силой! На все этажи старой пятиэтажки! А внизу магазин! Не расплатиться!

Лерушик отключила воду, схватила телефон:

— Петя, скорее сюда! И слесаря! — Рыдая, умоляла она, тут же схватила полотенце и бросилась вытирать, умоляя кого-то, чтоб вниз не все протекло...

Мать — как назло — обделалась, затем пыталась отползти, но только все размазала по полу... лужа воды тут же подхватила «обмен веществ», разнесла на большую площадь... Лерушик в голос завывала, левую руку больно схватило... Мать завывала тоже:

— Ондрюхо! Ондрюхо! Спаси!

Кто был этот «Ондрюхо», Лерушик не знала и знать не хотела. Она даже не поняла, когда приехал брат, звонила ли она ему... или нежный друг Петя позвонил, тихо улыбаясь.

Близнецы долго лили слезы вперемешку с черными словами, отмывая Светулечку от коричневых комьев. Вдруг Юрец сказал:

— Надо же — от слез обильных насморк прошел у меня! Не мог избавиться много дней. А у тебя тушь потекла!

— Да? Это праздник! Несколько дне не могла смыть, купила что-то поддельное, вроде... И вот смывается!

Они вытерли мать новым полотенцем цвета солнца, уложили, вложили в руки ей яблоко. Она бросила его удивительно метко. Юрец потер плечо и сказал:

— Скоро ты с коляски сойдешь, повезем к нам на дачу... рыжики там, как солнечные зайцы на поляне...

Лерушик вздохнула:

— Сейчас соседи прибегут — всем надо платить за ремонт... перекрытия такие, что этажа на три, а то и на все четыре протекло. Если магазин задело, то рабство на всю жизнь.

— Кредит возьмем, Стая поможет, не горюй, сеструха!

В дверь позвонили. Ну все, затопленники снизу.

Но это вошла Милица, жена Юры. Она жалобно трогала свой гипс на шее и молчала.

— Что? — крикнул Юрец.

— Надо, — безнадежно ответила Милица.

— Помириться? — спросила Лерушик.

— Вроде того...

Близнецы переглянулись, увидели в глазах друг у друга запись с видеокамер на «Яндекс-пробках», но ничего не сказали. Милица частила:

— У меня есть кузина в Москве, уже ищет пути! Это... в лабораторию — там выращивают нейроны из клеток! Из клеток стволовых — Светулечке... дешево. Конечно, надо долбить череп, кажется... нейроны подсаживать. Да еще бы они не переродились в опухоли... эти клетки. Нужно там что — согласие родных.

— Действуй, — почти хором ответили близнецы.

Но — видимо — ничего не получилось с этой мечтой. Лерушик и Юрец выплатили соседям все долги, а Милица не позвонила и не появилась.

Прошло почти полгода. Мать понемногу приходила в себя, начала сама ходить в туалет, могла вымыть голову под краном.

— Она вся, как обтекаемая субмарина, — сказал Юрец сестре.

— Ты про жену? — поняла Лерушик (брат когда-то служил на подлодке).

Дело было после дня рождения Арона — там Фаина рассказала, как возила отца в паломническую поездку куда-то недалеко...

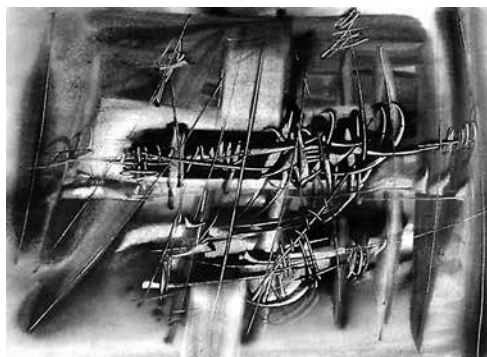
в храме очистили старую икону Богородицы, и в ней стало биться сердце. Бум-бум, бум-бум...

— Но батюшка потом отслужил молебен, и стало тихо.

— Как субмарина, говоришь?

Лерушик поняла, что примирение стало возможно, и пошла звонить Милице. На ходу молясь, чтоб та согласилась. Теперь. А если уже снова замуж вышла... или не вышла?

На сквозном языке серебра

Римма Аглиуллина

Песни о любви и Родине

1.

насквозь седой мужчина
говорит
нам нужна война
на войне куются лучшие люди
говорит
в стальных характерах
нуждается страна

(мама говорила
что лучшие
не вернулись с фронта)

2.

этот язык не создан
для любви
эта земля не годится
чтобы жить

я вывернулась из неё
и она мне вслед
тянет пустые глазницы

эта земля для того
чтобы за неё умереть

я вывернулась с корнем
и он истекает кровью

3.

и тебе удобрять эту почву
каменистую и сухую
и тебя не похоронят
а закидают камнями

ложатся на веки
две медные монеты
двухметровыми столбами

4.

если каждый первый мужчина этой страны
хочет мне зла

есть
у меня
дом?

не каждая песня о Родине — это гимн.

в детстве я рисовала птиц без ног
не понимая, зачем им ноги нужны

5.

это ряд для отцов
чья единственная вина
в том
что они не умели любить

(эта тяжесть тенью под сердцем твоим легла
нужно вынести из горящего дома
выносить позже на жизнь

что страшнее
чем быть любимой
тем
кто не умеет любить)

здесь матери
что всего лишь
не умели быть нелюбимыми

(шрамы твои велики

перечёркивают

тебя целиком

они были меньше
они росли с тобой)

в этом месте ляжешь ты
когда твоя маленькая
тлеющая любовь
закончится

пой

Вадим Балабан

Ящик

сыграем в ящик деревянный
на все четыре стороны
просвета нет но есть просфора
накат и катышки слюны
у берегов косых Босфора
огонь свободно говорит
огонь доходит до предплечья
и разливается иприт
при первых признаках увечья
на все четыре стороны
слезоточивые просторы
сыграем в ящик из страны
в которой «скорая» не скоро
при нарастающей луне
деревья ползают корнями
сквозь глину жёлтую — по мне
сквозь глину жёлтую с камнями...

поезжай в берлин. куда там.
не бывать такому но
в расщеплении этот атом
с вероятностью заодно.

где трамвай прозвенит ключами
заливая ночное дно
я в бреде говорю ночами
что к конкретике сведено.

между нами недуги рельсов
и сплошная ручная кладь
открываю подобье кейса
биографию доставать.

я прощаю тебя прощайся
это новый абзац но часть
остаётся не меньше часа
на столетия разлучась.

в психиатрическом саду
трещит на ветке какаду

и тропки вьются вдоль травы
не разжимая головы

в траве солдатиков настой
бьёт муравьиной кислотой

а у забора по кустам
шуршат различные места

по отличительной черте
белеет ангел в высоте

и монотонно говорит:
болит...

на сквозняке оживают шторы.
радиоточка. сигналы точного
времени. будто шоры
надели на мысли срочно...

и поползли по линейке звуки
пение в опере садоводов

мать ребёнка берёт на руки
и всхлёпывает секретные коды

пластилиновая ворона
наподобие карантина
спи гражданская оборона
и не скрипи перина

самолётная стюардесса
весть — папирусная бумага
по судебному — ни процесса
и ни флага

жгут костры по распилу леса
по степи костяные перья
и от всей домовой завесы
скрипы дверью

Елена Меньшенина

Ты умрешь в сентябре, то есть выйдешь
из дома живым
И с лица отряхнешь пустоты стрекозиные
крылья.
Ветер режет повдоль сухожилия раскосой
травы
И становятся пчелы живой позолоченной
пылью.

Упираясь дыханием в небо (читается «не-»),
Ты по-птичьи ложишься в себя поперек
тяготения,
И растешь, как вода, параллельно
прокисшей земле,
Как крыло тополей в геометрии лиственных
перьев.

Птица в профиль похожа на слепок с ее языка,
Твоего — моего — то есть между- и
среднеязычья,
Это с мертвых деревьев стекает сухая река,
Это войлочный зной истончается в воздух
тряпичный.

Ты умрешь в сентябре — и наутро
 не вспомнишь, в каком —
И туман расползется в разбитом небесном
 корыте,
Будто рыбы, напоены плоским своим
 молоком,
Между пальцев моста натянули стеклянные
 нити.
И по ним проплывают вслепую, как речь и
 слюна,
Из гортани реки вынимая белесые кольца...
Между высохших век распрямляется
 бабочка сна,
Пуповину дождя намотав на свое
 веретенце.

Сквозь тебя прорастает луна оловянным
 зрачком,
И сухая гроза обнажает шершавые ребра...
Когда голос изогнут тупым рыболовным
 крючком,
Промедление имени смерти уже не
 подобно.

Берег верхний и нижний, начало речного
 разлома —
Так ломается взгляд об отвесную груду
 воды...
Не на эту ли смерть выходить обреченно
 из дома
И морозной росы вытирать восковые
 следы?..
Оттого по ночам воздух тесен, как облаку
 горы,
По углам и в груди, знай, слепая рябит
 мошкара...
И обрывок окна, наполняясь пространством
 и взором,
Говорит с темнотой на сквозном языке
 серебра.

Прорежется царапина свечная,
И комната распухнет, как десна,
Опилками пространства наполняя
Прорехи неевклидова окна.

В них роешься, как в легких перед вдохом,
Как в вязкой речи рыбьим языком...
И пустота за пазухой у Бога
Свернулась самолетным узелком.

Здесь птицы, распрямляясь в облака,
Роняют крылья цвета белены.
И с мертвого земного молока
Снимают пенку липкой тишины.

Еще ползет дырявая смола
По скомканной изнаночной воде,
И берега, сомкнувшись добела,
Бескостный воздух носят в кулаке.

А он растет плашмя, чтоб налету
В речное горло вмерзнуть удалось...
Как мякиш, растворившийся во рту,
Земля собой пропитана насквозь.

Роняет ночами морозное эхо мужик,
Да стынет округа, безгласая, как филомела,
Где в устье обрубков реки, будто скользкий
 язык,
Навстречу земле выпадает из старого тела.

Лепечет в зобу муравьиная поступь дождя,
Изогнуты рты, начиненные рыбьим
 наречием.
Нутро тишины слюдяным языком тербя,
Густеет вода, говорящая по-человечьи.

Мучишь горло именем прободным,
И, когда не сможешь произнести,
Четвертуя, вытащишь из воды,
Зажимая гулкую кровь в горсти,

Или воздух вытащишь из стекла,
Размыкая жабры оконных рыб...
И ложится дерево, как смола,
Поперек беспалой его коры.

Дождь ворочает скомканным языком,
Раздирая влагу в ничейном рту,
И окно, распорото рыбаком,
Полосует ребрами пустоту.

От неба до нёба прошиты белесой
Морозною нитью, господней иглой,
Деревья с землей говорят безголосо
О том, как ознобом им плечи свело.

Река, задохнувшись разладом, разрывом,
Как щука, щетинится пастью моста,
Зевает и жаждет наживки — наживы...
И молча «вы живы» твердит неспроста.

Бескостную речь ее, ангельский лепет
Впечатать в гортань, пережить, пережать...
Зиме научиться, как учатся дети
Живое по мертвым склонять падежам.

Павел Новиков

я арестован фонарем
помилован дымом люка
я перетоптан декабрем
до первого чистого звука

проводов нотная полоса
серых столбов конвои
зяблых ворон голоса
наледь бордюры кроит

мне что ли здесь снегирем
с бычком под еврейским носом
стоять под фонарём
как под вопросом

есть воспоминания
похожие на трещины
в потолке
я помню как в свои
темные пятнадцать
в два ночи сидел
на бордюре глотая
вишневый ликер и дымил
сигаретой из пачки отца
а вокруг стоял сильный
туман такой что даже
высотный дом через
дорогу не было видно
только одно окно
наверху сочилось
желтым сквозь синий дым
казалось дом начинался
в небе
алый ликер капал мне на футболку
чуду нужна дымка думал я
но до сих пор не
знаю кто я
туман
окно
или бухой сопляк
на сером бордюре

Под козырьком остановки,
возле блинного ларька,
ко мне подошел

мужчина в
грязном кепи
и улыбнулся
челюстью,
похожей на коленчатый вал:
«70 копеек не одолжишь на
проезд, ну или
сколько не жалко?»
Я, не вынимая наушников,
дал ему рубль.
Он обдал меня винным паром:
«Что слушаешь? Рок?».
«Да».
«Пикник?»
«Нет»
«А что?»
«Пинк Флойд»
«А, «Пинк Флойд»!
«На обратной
стороне луны!»
Только мятая кожа его
удивлялась,
глаза были мертвы.
«Рафа, —
он протянул коричневую
руку. — Рафаэль,
египетский бог».
Он показал черно-золотым
ногтем на серое небо.
Подошел человек
с лиловой щекой
и шепнул ему что-то на ухо.
«Слушай, нам бы
девять рублей на хлеб».
Я смотрел в их глаза —
плоские как монеты.
Они бы могли их вынуть
и купить свой «Тоник».
Я достал золотую десятку
и положил ему
на шершавую ладонь:
«Купи белый горячий».
«Спасибо, мы
тебе вернем», —
говорил он, уходя.
«Я знаю, — ответил ему,
глядя вверх, — на
обратной стороне луны».

Роман Япишин

Зима

Змеиная зима.
Податливая тень
Струится с потолка.
Меня не обнимай.
Уже который день
Я мягче молока.

Пролей меня скорей
На тонкие слои
Кристалльных метастаз.
В объятых пустырей,
В статичные ноли,
В мой двадцать пятый раз.

Наждачные точь-в-точь
Зацокают дожди
Шершавым языком.
И вывернется ночь
Рассветом позади,
Прокишим молоком.

Тогда наверняка
Кривой круговорот
Закончится зимой.
Согнувшись у ларька
Февральский небосвод
Откашляется мной.

Река

Щенки рассмеются в мешке,
И смех под водой расслоится.
Укрытая рыба в реке
Потащит на дно колесницу.

Туда, где прорыта дыра
Отпущенными червяками.
Где ты так давно умерла,
Что небо покрылось песками.

И остервеенеет река,
Впиваясь в засохшие русла
Теплом своего молока,
Мычаньем немого искусства,

И станет как счастье тверда,
Как время текущее в камне.
Целуя собой города
И плач превращая в молчанье.

Прозрачная сущность твоя,
Едва загустевшая в тело,
Вернется в речные края,
В которых она обмелела.

Когда ты стеклянной рукой
Натянешь речные поводья,
Весь мир обернется водой,
Влюбившись в твое половодье.

Нельзя

Люди копятя, как мыши
На зернистых фотоснимках.
Я стараюсь думать тише
Об ацтеках, майя, инках.

Ты кусаешь серый полдень
Самой праведной зевотой,
Пополняя грозный орден
Проживателей судьботы.

Я живу за счет поблажек
От начальства всех зачатых.
Значит, я предельно важен,
Значит, я могу быть частым

Гостем негостеприимных
Улиц, жаждущих морозов,
Растекающихся длинно
В позапрошлогодных позах.

Где тебя нельзя не встретить,
Ждущую трамвайный ветер
На почти пустой планете.
Где нельзя, но я не встретил.

Конфорка

Молоко закипает. На медленной скорости
Пробирается к краю железного мира,
Выпускает молочные щупальца-лопасти
И хватает плиту, обрамленную жиром.

Только есть огонек в этом белом стремлении
Состояться вне рамок привычной кастрюли.
Выражая пассивное сопротивление
Я сижу на ободранном кошками стуле

И не стану мешать. Посреди этой утвари,
Всех немислимых стен, молоку некомфортно.
Я бы тоже сбежал. Но зачем-то отсутствует
Подо мной красный круг раскаленной
конфорки.

Алексей Лукьянов

Разрешите вам...

Вот как это у некоторых мужиков получается — намекнуть бабе, что он не прочь её завалить, и при этом по рылу не схлопотать? Ну, вот как они выбирают ту, которая действительно не против мимолётного перепахона? Когда ничего личного, только голая физиология. Ну вот как? Поручик Ржевский утверждал, что сразу предлагает: разрешите вам запердолить, и, хотя за это можно и по морде, обычно он запердоливает. Но ведь это же просто похабный анекдот, а как они на самом деле это проворачивают? На ухаживания времени нет, времени вообще в обрез — только на «сунул-вынул, и бежать».

Борис совсем не собирался кому-то запердоливать, его интересовал сам алгоритм. Жена — это жена, и у тебя всегда есть время её уговорить, а то вдруг она и сама как накинется (ну, такое ведь тоже бывает). Она,

конечно, не сознается — на самом деле ей захотелось, или просто тебя в тонусе поддерживает, потому что по радио услышала, что мужчинам обязательно нужно раз десять в месяц заниматься любовью, а то простатит, аденома, полшестого и мучительная смерть от пожизненного хождения по театрам и музеям вместо разнузданного голого секса. Борис и сам несколько раз был участником такого коллективного прослушивания. Рекламировали гель-удлинитель, и когда тётка по радио озвучила количество жизненно необходимых мужчине половых актов в месяц, все пассажиры закатали глаза, подсчитывая, сколько же у них выходит? И не то чтобы Борису не хватало. Но когда друзья и знакомые начинали рассказывать, как, где и с кем, Борис чувствовал, что чего-то в жизни недопонимает.

Блин!

Спрашивать у друзей он не решался. Во-первых — засмеют. Во-вторых, половина их успеха и так ясна — алкоголь. Неясно одно — то ли они знали дозу, когда бабы без всяких просьб из трусов выпрыгивают, то ли знали дозу, когда сами становились чертовски желанными и притягательными, то ли все напивались до такого состояния, когда ни стыда, ни чести, ни совести не оставалось. В-третьих, Борису казалось, что если он узнает этот великий секрет соблазнения, брак его тут же даст трещину и развалится, потому что Борис не утерпит и попробует, а жена узнает, и сердца у всех будут разбиты. Сердце Борис разбивать не хотел, и готов был ради этого прожить в неведении до самой смерти.

Но понять всё равно хотелось.

Соседка по дачному участку была замужней, время от времени на участке копалась вместе с мужем, но чаще — одна, потому что супруг её то ли слишком занятой, то ли неприспособленной для работы на земле. Борис тоже был один, потому что Лера с сыном уехали по путёвке «Мать и дитя» на пару недель в профилакторий. Жара стояла страшная, поэтому, дабы не загубить посевы, он тоже взял отпуск и поселился на даче: поливать, пропалывать, подкармливать и окучивать.

Первые три дня Борис не отвлекался от садоводческих проблем. С водой были серьёзные перебои, поэтому он катал на тележке до ближайшей колонки огромный бидон, наполнял, катил обратно, выливал в цистерну, вновь ехал до колонки, и так с утра до вечера, потому что цистерна большая, а наполнять её чертовски неудобно. По вечерам, когда солнечная активность спадала до приемлемой, он выползал на участок и начинал копать, и вот тут соседка, как показалось изголодавшемуся по женскому обществу Борису, стала подавать весьма недвусмысленные сигналы. Вернее, Борис считал это недвусмысленными сигналами, на самом-то деле всё, наверное, можно объяснить вполне целомудренно.

Соседка ходила по участку в коротком ситцевом (или как такие называются?) ха-

латике, и во время прополки всегда норвила встать спиной к соседу и наклониться так, что из-под халатика вот-вот должны были показаться её белые кружевные трусики. Борис не знал, какого именно цвета бельё соседки, но ему почему-то казалось, что они белые и кружевные. Поэтому он сначала замирал на месте, осматривая ладные загорелые ноги чужой женщины, затем стыдливо отворачивался и даже убежал в садовый домик. При этом днём соседка ходила по участку в очень смелом купальнике, и это Бориса ничуть не смущало, он и сам ходил по воду в одних плавках и ни капли не стеснялся. Но под вечер воздух наполнялся негой и истомой, Борис тосковал по жене и шёл работать в огород, а там соседка всё в том же ситцевом халатике стоит, нагнувшись, и стоит присесть чуть-чуть, и тайна трусиков будет разгадана. Но существовал риск того, что стоит ему присесть, как соседка, не разгибаясь, посмотрит на него и скажет что-то вроде: «Куда это вы смотрите?», и оправдаться он не сможет, и переломится от стыда и страха пополам, и рухнет в кучу высохших сорняков, которая образовалась возле штакетника, и все потом будут говорить, что, де, лысый очкарик с девятнадцатого участка помер, заглядевшись на то, что у бабы с двадцать первого под юбкой.

Блин!

Такой бесславной кончины Борис себе не желал. И поэтому опять отворачивался и убежал.

Пытка тайной продолжалась неделю. Борис немного осмелел, и теперь, хоть и не приседал, но не без удовольствия следил за ногами соседки, в уме рисуя точку схода симпатичных (да что там — симпатичных! махнём на всё рукой и скажем — прекрасных) конечностей. Осмелев, он начал думать, что, в общем, сам поводов не подавал, и если уж соседка так активно его соблазняет, то, возможно, он не совсем ещё непривлекателен для женщин, возможно, в нём даже есть какой-то шарм и, чем чёрт не шутит, даже сексуальность! Надо только набраться смелости, подойти и сказать:

— Разрешите вам...

— Ой, как вы меня напугали! — соседка резко разогнулась, полы халатика взметнулись, и Борису на мгновение показалось, что трусики у неё и впрямь белые. Правда, кружев он в сумерках, да ещё и в очках, не разглядел.

— Э... простите... Борис... я на соседнем участке работаю... разрешите вам...

«Запердолить», — подумал он. Но вслух выдал:

— Помочь?

— Ой, да, пожалуйста! — обрадовалась соседка. — Я Эльвира.

«Как в порнофильме», — подумал Борис.

— Муж под крыльцо куда-то сковородку большую засунул, чтобы бомжи на металл не сдали, а я найти теперь не могу.

Кряхтя, упираясь локтями и коленями во что-то твёрдое и острое, Борис минут пять копался под крыльцом, и действительно — нашёл невообразимых размеров дюралевою сковородку. Высунув из-под крыльца голову, он упёрся в ноги Эльвиры. От ног пахло мылом, были они гладкие и блестящие, и взор сам по себе полз, поскальзываясь, по их, будто отполированной нежными прикосновениями, коже: всё вверх и вверх.

И упирался в белые, хотя и без кружев, трусики.

— Ой, вот и сковородка! Если вы потеряете полчаса, я вас ужинать позову.

Блин!

Борис ушёл к себе, окатился из ведра, сменил бельё, переоделся в «городское» и отключил мобильный. Странно, но он ничего не чувствовал. То есть теоретически он должен сейчас испытывать хоть что-то, но был спокоен, будто ему и впрямь не адюльтер только что предложили, а всего лишь поужинать. Хотя, с другой стороны, адюльтерато как раз и не предлагали, а вот поесть — да. Но ведь это намёк? Или нет?

Вот как это у них с Леркой получилось? Хоть убей, он не помнил. Весь тот период как в тумане: как он хвост распускал, как токовал. Вот как целовались впервые — помнил. Совсем не как в кино. Лерка его сначала по щеке погладила, потом они долго

не могли придумать, куда девать носы, ещё дольше не могли разобраться, что с зубами делать. С тех пор они целовались бессчётное количество раз, и всё получалось куда ловчее, но в памяти остались те, неловкие, с клацаньем челюстей.

Он попытался вспомнить, как же в первый раз произошло то самое, ради чего, в общем, эти брачные игры и затевались. И опять не смог. Может, природой так устроено, чтобы самец не помнил, как самку привлекать, чтобы кризиса перепроизводства не возникало?

— Вы здесь? — услышал Борис жаркий испуганный шёпот Эльвиры.

Он сидел на перевёрнутой кастрюле, накрытой разделочной доской, и совсем забыл об ужине и адюльтере. Они пришли сами, с одуряющим запахом жареных овощей.

— Да, я здесь.

Эльвира не уронила сковородку, видимо, с нервами у неё всё было в порядке. Такая в экстремальном случае поможет любовнику и штаны с носками найти, и верёвочную лестницу с балкона сбросит.

— А я вас зову, зову... А вы тут один, в темноте.

— Эля... можно вас так называть?.. Эля, я вот думаю — секс без чувств возможен?

Честное слово, это само собой вылетело. Борис даже испугался. Испугался одновременно двух противоположных реакций: что Эльвира ему сейчас сковородкой по башке съездит, или накинется на него и изнасилует с отягчающими обстоятельствами.

— Не знаю, — растерялась соседка.

А я ведь её на десять лет старше, подумал Борис. Он встал с кастрюли, зажёл лампу над столом, поставил доску, протерев не первой свежести полотенцем, и предложил гостю табурет.

Ели прямо со сковороды: Борис — ложкой, Эльвира — вилкой, обжигаясь, вытирая жирные губы кусочками ржаного хлеба. Запивали обычной водой.

— Одиноко, да? — спросила соседка.

— Не то чтобы совсем, — пожал плечами Борис. — У меня скорей теоретический интерес.

— Только теоретический?
— Ну, раздвайтесь, если вас теория не устраивает...

Зубы клацнули о ложку, язык и щека оказались прикушены до крови, Борис едва не поперхнулся, из глаз брызнули слёзы.

— Блин!

Эльвира испугалась. Сосед утёр слёзы запястьем, раскрыл глаза, кое-как проглотил то, что осталось во рту. Резкая дамочка, чуть что — и по физиономии. А чего он сказал-то? ну, глупо, конечно, так ведь и она...

— Ой, извините...

— Ничего, я сам напросился, — Борис мужественно отвёл в сторону руку Эльвиры. Ему показалось неправильным, что кто-то, кроме Леры, может погладить его щёку. Ударить — пожалуйста, но гладить — нет.

— Больно?
— Уже нет.
— Я пойду?
— Да, конечно. Вас проводить?
— Только теоретически.
— Извините, не хотел вас обидеть.
— Вы тоже извините... я не хотела, так само получилось.

Гостя ушла.

Сам же всё и испортил, подумал Борис. Уже о сексе разговор зашёл, и она так ласково разговаривала... С другой стороны — ему-то ведь ни капли не хотелось, ему просто интересно было: как?

Ну вот, теперь, кажется, ответ нашёлся.

Никак.

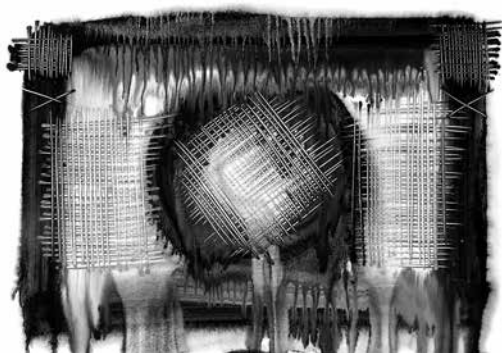
Без Лерки — никак.

И слава богу.

Стефан Савелли

Мама не спит

Странная комедия

Действующие лица

МАМА — Алла Сергеевна, одинокая женщина лет сорока, в разводе, мать Ольги

ОЛЬГА — молодая девушка, дочь Аллы Сергеевны

АНТОН — близкий друг, затем жених, затем муж Ольги

МИХАИЛ — бывший муж Аллы Сергеевны

МАТВЕЙ — молодой любовник Аллы Сергеевны

Вся история разворачивается в маленькой квартире с тонкими стенами, принадлежащей Алле Сергеевне, которая живет в ней со своей дочерью Ольгой. Сюжет заключен в несколько ночей из совместной жизни героев. Каждая сцена являет собой событие одной ночи. Сцены происходят в хронологической последовательности.

Первая ночь

Спальня Ольги.

На сцене Мама.

МАМА. Сколько можно так жить? Как долго может это продолжаться? Почему я каждый раз должна дожидаться своей дочери? Она молода — я понимаю. Но почему она позволяет себе возвращаться домой так поздно?! Ведь она знает, что я не смогу уснуть до ее возвращения... Это издевательство! Я тоже не старуха, но отчего же свои ночи я провожу всегда дома?! Я по-другому воспитана... А она! Совершенно не уважает свою мать... Ах, это новое поколение! Что они несут в мир? Что это за люди? Они погубят нас всех!

Входит Ольга.

ОЛЬГА. Доброй ночи, мама! Почему ты до сих пор не спишь?

МАМА. Что за идиотский вопрос?! Тебе прекрасно известно, что я не могу заснуть до твоего прихода! И почему ты явилась так поздно?! Что ты себе позволяешь?!

ОЛЬГА. Мама, я предупреждала, что вернусь домой поздно!

МАМА. Чем ты это объяснишь? Где ты была? Отвечай сейчас же!

ОЛЬГА. Я не обязана перед тобой отчитываться! Мне не тринадцать лет!

МАМА. Ты... Ты не уважаешь свою мать. Совершенно. Ты уважаешь меня хоть немного?

ОЛЬГА. Мама, что за странные вопросы!

МАМА. Так ответь же хоть на один!

ОЛЬГА. Ну прекрати уже!

МАМА. Не смей говорить мне «прекрати»! Дрянь!

ОЛЬГА. Вообще не буду с тобой говорить!

МАМА. Хамка! Подойди к зеркалу и посмотри, какую хамку я воспитала! Позор мне на всю жизнь!

Раздается звонок в дверь. Ольга выходит.

МАМА (*рыдая*). Она убивает меня... Не считает меня своей матерью! Иначе разве можно было бы так говорить со мной? Невообразимо! А вдруг она думает, что ее подменили в роддоме? Что ее настоящая мать — эффектная преуспевающая телка с богатым престарелым болваном-мужем и кучей любовников? Гос-по-ди! Как она, должно быть, разочарована во мне! Еще немного, и она начнет меня бить. Мое сердце этого не выдержит!

Ольга возвращается с Антоном.

ОЛЬГА (*по-доброму со смущением*). Мама, познакомься, пожалуйста — это мой друг Антон.

АНТОН. Рад с Вами познакомиться, Алла Сергеевна.

МАМА (*возмущенно*). Друг? Что за друг приходит к тебе в такое время?! И чем вы собираетесь здесь заниматься? Нет! Ты — моя дочь! Я не могу позволить тебе этого! Ты не так воспитана! Опомнись, дура! Взгляни на себя! Ты погибаешь!

ОЛЬГА (*шепотом*). Мама! Антон — не просто мой друг... Он... Не только друг...

МАМА. Что?! На что ты намекаешь?! Уже «не только друг»?! И я ничего не знаю об этом?! Сколько? Сколько времени ты от меня скрываешь детали своей личной жизни? Ведь я твоя мать! Мать! Я имею право знать все!

О Л Ь Г А. Мама, ты сама меня ни о чем не спрашиваешь! Я имею право на личную жизнь! Это моя, моя жизнь!

М А М А. Не кричи на мать, дрянь! *(пауза)* Проститутка!

Ольга в слезах выбегает.

М А М А. Итак... Антон... Хорошее имя у Вас, Антон! Простоватое, но мне нравится.

А Н Т О Н. Спасибо.

М А М А *(кокетливо)*. Антон, не обращайтесь внимания на мою дочь! Такая обидчивая! Она слегка не в себе. Вы еще не сходите с ума от ее капризов? Она умеет заставить нервничать, не правда ли?

А Н Т О Н. Да... Да... Иногда...

М А М А. «Иногда»! Не скромничайте. Вот видите, я все о ней знаю! Она такая несносная! Это все потому, что я избаловала ее! Я воспитывала ее одна! Слышишь, Антон? Одна! И какой монетой она мне платит? Я постоянно вижу лишь полное отсутствие уважения с ее стороны! Ну что ты так смотришь, Антоха? Думаешь, я не поняла, что ты ее любовник? Поняла сразу! Откуда ты, Антон?

А Н Т О Н *(замявшись)*. Я из области...

М А М А *(про себя)*. Пфу... Деревенщина вонючая!

А Н Т О Н. Что, простите?

М А М А. Ничего! Вы давно занимаетесь этим с моей дочерью?

А Н Т О Н. Чем?

М А М А *(грубо)*. Не корчи из себя младенца!

А Н Т О Н. Чем конкретно? Мы много чем занимаемся. Не понимаю я ваших вопросов!

М А М А. Каков стервец! Дурить меня вздумал! Я на лоха похожа, что ли?

Входит Ольга.

О Л Ь Г А. Мама, о чем вы здесь разговариваете?

М А М А. Как это о чем? О тебе. Твой дружок — редкий сукин сын! Портит репутацию моей дочери и еще имеет смелость выставить меня дурой!

А Н Т О Н *(недоумевая)*. Я ничего не делал! Я всего лишь сижу здесь!

О Л Ь Г А. Мама! Что случилось?

М А М А. Отвечайте прямо, голубки: как давно вы позволяете себе спать в одной постели?

А Н Т О Н. Вы имеете в виду спать или...

М А М А. Я имею в виду другое!

О Л Ь Г А. Что за вопросы, мама!

М А М А. Тихо! Молчи! Пусть котенок ответит.

А Н Т О Н. Думаю, около двух месяцев...

М А М А. Он «думает»! Два месяца... Два месяца! И я ничего не знаю уже два месяца! А ведь наверняка он врет! Полгода! Не меньше... И я полгода ни слова не слышала о твоей жизни! Леля, доченька! Какой удар... Какой удар...

О Л Ь Г А *(виновато)*. Мама, не расстраивайся! Я не хотела тебя обидеть!

М А М А. Не хотела обидеть? Вот как? А почему же ты ничего мне не сказала? Молчишь... Вот и молчи... Знали б вы как я страдаю от вашей черствости... От вашей жестокости!

О Л Ь Г А. Мама!

М А М А. Мама? Что «мама»? Я всю жизнь свою посвятила тебе. Да, тебе! Знай, Антоша, я все для нее делала! Каждый ее каприз немедленно бежала исполнять!

А Н Т О Н. А кем был ее отец?

ОЛЬГА. Антон!

МАМА. Спокойно! Вопрос правильный. Раз ты сама ничего о себе не рассказала, придется мне за тебя отдуваться. Ее отец был полным кретином!

ОЛЬГА. Мама!

МАМА. А что? Я правду говорю. Я таких кретинов, как он, никогда нигде больше не встречала.

АНТОН. Зачем же вы за него вышли замуж?

МАМА. Не хами мне в моем доме, придурок. Во-первых, замуж за него я не вышла. Потому что он не предложил. Замуж я вышла потом, но это не имеет значения. Вот кретин! У него даже нормальной работы не было.

АНТОН. Он вас любил?

МАМА. Тебе сколько лет? Ты такие глупости несешь, ей-богу! Ну как меня можно было не любить?! Но он нас бросил. Не потому, что не любил. Не ради каких-то молодых пышногрудых девок. Ради дешевых сигар! Кретин! Он эмигрировал на Кубу! Сбежал без предупреждения! Только записку оставил.

АНТОН. А вы уверены, что он сейчас на Кубе?

МАМА. Конечно, уверена! Он прислал фото с подписью «Я и Куба». Стал похож на негра. И ни слова кроме, и, конечно, никаких денег.

ОЛЬГА. Мама, зачем ты рассказываешь все это?

МАМА. Как это зачем? Твой любовник должен знать историю твоей семьи.

ОЛЬГА (*возмущенно*). Антон мне не любовник!

МАМА (*издеваясь*). А кто же? Может быть, жених? Ха-ха! Разве он сделал тебе предложение? А, Антон?

АНТОН. Все впереди.

МАМА. Правильно. Сначала денег пусть подкопит. Эх! У вас все впереди, а у меня все позади... Я уж знаю, что раз он тебе не жених, значит — любовник.

АНТОН. У нас все совсем по-другому.

МАМА. Конечно! У вас «по-другому», а я ничего не понимаю! Видимо, я дура! Эту песенку от своей дочери я много раз слышала. Оленька! Ради твоей чистоты, твоего воспитания я столько лет хранила целомудрие. Знала бы ты, с каким трудом я это делала! Иногда мое тело бросало в дрожь, зрачки становились шире глаз, я дышала громко как зверь... Да! Были такие моменты! Ооох... Но я выстояла! Я не запятнала свою репутацию. Все ради того, чтобы ты гордилась мной, Леля!

ОЛЬГА. Я ведь так люблю тебя, мама!

Ольга и Мама обнимаются.

МАМА (*нежно*). Леля, если бы я вдруг узнала, что ты позволила себе распущенность, то я прирезала бы тебя собственноручно! Тебя спасает лишь то, что Антон кажется мне симпатичным и вполне приличным парнем.

ОЛЬГА. Мама, я рада, что Антон тебе понравился.

Ольга и Мама обнимаются.

МАМА. Антон! Не подведи меня. Леля — мой единственный ребенок. Не обмани моих надежд.

АНТОН. Будьте уверены, Алла Сергеевна, на меня можно положиться.

МАМА. Хорошо... Я страшно устала сегодня, и от всех переживаний у меня разболелось сердце. Нельзя так ссориться, дорогие мои. Мы все — одна семья... Мы должны беречь друг друга...

ОЛЬГА. Ты права, мама!

МАМА. Я отправляюсь спать. Не держите зла на меня. Приятных вам снов.

ОЛЬГА. Спокойной ночи, мама!

АНТОН. Спокойной ночи, Алла Сергеевна!

Мама уходит в свою спальню.

АНТОН. Черт, ну и дамочка твоя мама!

ОЛЬГА. Антон, она не всегда такая! Наверняка мы разозлили ее своим поздним приходом... Она оказалась не готова к знакомству с тобой. И говори тише — она может все слышать.

АНТОН. Но неужели она думала, что ты до сих пор проводишь время одна или с подружками?

ОЛЬГА. Возможно, она именно так и думала! Ведь она в моем возрасте была совершенно другой. Они тогда все, наверное, были другими. Им нас не понять...

АНТОН. А, по-моему, она просто истеричка.

ОЛЬГА. Антон, не говори так! Она ведь моя мать! Она очень хороший человек! Сегодня был не лучший день.

Ольга ложится в постель.

ОЛЬГА. Антон, что ты стоишь? Ложись спать!

АНТОН. Не могу так я! Она меня полностью обескуражила! Весь день мне реально хотелось при каждой мысли о тебе, а теперь у меня из головы не выходит весь этот цирк.

ОЛЬГА. Не ищи проблем на пустом месте! Ложись, все будет хорошо. Нам нужно рано встать!

Антон ложится в постель рядом с Ольгой.

АНТОН. Может, стоит запереть дверь?

ОЛЬГА. Она не запирается!

АНТОН. Приехали... А если твоя мама войдет к нам?

ОЛЬГА. Перестань! Она никогда не позволит себе ничего подобного!

АНТОН. Ты уверена?

ОЛЬГА. Конечно!

Пауза.

АНТОН. Оля, почему ты не легла спать голой?

ОЛЬГА. Антон! Ты с ума сошел! Мама утром увидит нас! Мы не можем спать голыми!

АНТОН. Но что же тогда мы сейчас будем делать?

ОЛЬГА. Спать, Антон, спать!

АНТОН. Ты издеваешься?! Я весь день жду этого момента, а ты мне предлагаешь спать?!

ОЛЬГА. Подождешь еще. Кровать все равно ужасно скрипит. Ты же знаешь! Мама за стеной все будет слышать! Я этого не вынесу! Она ведь моя мать!

АНТОН. Оля, она прекрасно понимает, чем мы здесь занимаемся. Чем ты ее боишься удивить?!

ОЛЬГА. Антон, мы взрослые люди. Нужно соблюдать какие-то приличия!

АНТОН. Так, я сейчас же разденусь!

О Л Ь Г А. Спи!

Пауза.

А Н Т О Н. Так, повернись ко мне спиной!

О Л Ь Г А. Зачем?

А Н Т О Н. Не задавай лишних вопросов. Повернись.

О Л Ь Г А. Хорошо...

Гаснет свет.

Вторая ночь

Спальня Ольги.

Горит свет. Мама поправляет постель Ольги.

Входят, весело смеясь, Ольга и Антон.

М А М А. Вы собираетесь спать? Я уже с ног валяюсь.

О Л Ь Г А. Мама, конечно! Совсем скоро.

А Н Т О Н. Алла Сергеевна, вы могли бы лечь уже сейчас.

М А М А. Вам прекрасно известно, что я не смогу заснуть, пока вы здесь не погасите свет! Я могу задать вам вопрос?

О Л Ь Г А. Что случилось, мама?

М А М А (*спокойно*). Объясните, пожалуйста, почему мне приходится убирать за вами постель?

О Л Ь Г А. Мама, ты же знаешь, что мы утром опаздывали на важную встречу.

М А М А (*возмущенно*). Какая «важная встреча»? Откуда? Ведь вы оба нигде не работаете!

О Л Ь Г А. Мы пытаемся найти работу! Это не так-то просто!

М А М А. Конечно, не просто найти работу, на которой не нужно работать!

А Н Т О Н. На что вы намекаете?

М А М А. Я намекаю на то, что вы живете здесь за мой счет!

А Н Т О Н. Послушайте, мы не просили вас убирать за нами постель...

М А М А. Спасибо, что напомнил! Леля, свари мне кофе, пожалуйста.

О Л Ь Г А. Ну... Хорошо...

Ольга выходит.

М А М А. Антон, скажи мне, пожалуйста, когда же ты найдешь жилье?

А Н Т О Н. Алла Сергеевна, вы ведь понимаете, пока я не работаю... Без денег найти жилье непросто. А точнее — невозможно.

М А М А. Но, надеюсь, ты понимаешь, что нам втроем довольно тесно в этой квартире.

А Н Т О Н. Но ведь вы сами хотели, чтобы мы жили вместе.

М А М А. Конечно, я была не против. Но разве я обязана вас обслуживать? Уже несколько месяцев продолжается одно и то же!

А Н Т О Н. Вы вовсе не обязаны нас обслуживать!

М А М А. Ну нет... Вся эту грязь, которую вы после себя оставляете, я терпеть не собираюсь!

А Н Т О Н. Ну так выгоните нас на улицу тогда! Это лучше, чем постоянно капать нам на мозги.

Входит Ольга.

ОЛЬГА. Мама, твой кофе готов.

МАМА. Я давно заметила, что не слишком нравлюсь вам... По-моему, я вас раздражаю. Конечно, я была рада, что вы остались жить здесь, но, кажется, я вам только мешаю.

ОЛЬГА. Нет, мама...

МАМА. Если вы надеетесь избавиться от меня — вынуждена огорчить вас. Мне некуда идти. А я и не пойду. Это мой дом. Этой квартиры я добивалась с потом и кровью, и вы ее не получите. Если вас что-то не устраивает — я вас не задерживаю.

ОЛЬГА. Это и мой дом тоже!

МАМА. Нееет! Это мой дом, а ты — моя дочь. Но терпеть ненависть к себе в моем доме я не собираюсь!

АНТОН. Это, конечно, не мой дом, но вы очень несправедливы к нам, Алла Сергеевна!

Обиженный Антон быстро выходит.

ОЛЬГА. Мама, почему ты так жестока с Антоном? Ведь каждый день он пытается найти нормальную работу!

МАМА (*с жалобой*). Это он жесток со мной! У меня болит сердце от его безразличного вида! Он уже несколько месяцев живет здесь, но совсем со мной не общается! Но почему? Что же, он не уважает меня? Я ему совсем не интересна?

ОЛЬГА. Нет же, мама! Дело не в этом! Он просто такой человек!

МАМА (*грубо*). Прекрати пудрить мне мозги! Наверняка он считает меня недостаточно умной. Но я неплохо образована, между прочим! Я разбираюсь в музыке... Не только я так считаю!

ОЛЬГА. Мама, он очень хорошо к тебе относится! Он полюбил тебя за все это время!

МАМА. Ложь! Он готов ждать моей смерти, чтобы остаться здесь жить!

ОЛЬГА. Не говори так, мама! Антон самый прекрасный человек из всех, что я встречала!

МАМА (*с истерикой*). Как тебе не стыдно говорить мне такое! Он — «самый прекрасный человек», а я для тебя кто? Падшая женщина какая-нибудь?! Ну? Скажи же, наконец, мне правду!

ОЛЬГА. Как ты можешь сравнивать, мама!

МАМА. Да, я твоя мать. И я не могу не сравнивать! Я не хочу, чтобы ты повторила мою судьбу! Твой отец предал меня — уплыл на Кубу. А этот что? Улетит на Луну?!

ОЛЬГА. Мама, он не такой, как мой отец. Антон — прекрасный человек.

МАМА. Ты уверена в нем? Точно?

ОЛЬГА. Конечно! Вы не должны все время ругаться, мама...

МАМА (*успокоившись*). Ты права, доченька. Я постараюсь быть сдержаннее.

Входит Антон.

АНТОН. Простите, конечно, Алла Сергеевна, но ваш кофе весьма заскучал без вас на кухне, поэтому я его выпил.

МАМА (*негодую*). Прекрасно! Ты слышала, Леля? Он специально сделал это! Он выпил мой кофе, чтобы окончательно вывести меня из себя!

ОЛЬГА. Мама! Это всего лишь кофе!

МАМА. Это не просто чашка кофе! Это — последняя капля моего терпения!

АНТОН. Алла Сергеевна, если хотите, я сварю вам кофе!

МАМА. Оставь этот дурацкий вежливый тон для какой-нибудь другой идиотки! Прекрати унижать меня в моем доме!

АНТОН. Алла Сергеевна, чем же я вас обидел?!

МАМА (*вздыхая*). Сердце, мое сердце... Как же болит мое сердце каждый день! Вы не представляете! Эх... Как талантливо ты, Антон, изображаешь саму невинность! Может быть, тебе стоит податься в актеры? Ты мог бы стать знаменитостью... и, наконец, найти себе подходящее жилье!

ОЛЬГА. Мама, ты слишком жестока к нам!

МАМА. Все. Не мучьте больше меня. Я отправляюсь спать. И вам желаю приятной ночи.

ОЛЬГА. Доброй ночи, мама!

Мама уходит в свою спальню.

АНТОН (*нервно*). Аааааа! Я больше так не могу, Оля! Постоянно истерики, невыносимые претензии! Зачем?! Зачем она так просила нас остаться здесь, если теперь хочет, чтобы мы убрались подальше?!

ОЛЬГА. Антон, возможно, она просто устала от нашего постоянно присутствия. Она желает нам лучшего. Но мы оба не работаем, и она, естественно, беспокоится о нашем будущем!

АНТОН. Она ненавидит меня!

ОЛЬГА. Неправда! Она нас очень любит!

АНТОН. Ну конечно! Порвать на куски готова!

ОЛЬГА. Антон, но она — хороший человек! Она ведь хороший человек?

АНТОН (*утвердительно*). Да, хороший.

ОЛЬГА. Вот. А это — главное. И не стоит постоянно ругаться из-за каких-то пустяков.

АНТОН. Знаешь, Оля, у меня возникла идея...

ОЛЬГА. Какая?

АНТОН. Нам нужно познакомить ее с кем-нибудь.

ОЛЬГА. С кем?

АНТОН. С хорошим мужиком с большой квартирой и крепкой штуковиной между ног!

ОЛЬГА (*возмущенно*). Антон, твою мать! Как тебе не стыдно! И говори тише — она ведь может все слышать! Тогда не удивляйся, что она так ужасно тебя воспринимает!

Пауза.

ОЛЬГА. Знаешь, Антон... Я думаю, что это не самая худшая идея... Она уже много лет ни с кем не встречалась... После моего отца она вышла замуж, но не слишком удачно. Ее муж был противным человеком. Ленивым скучным занудой. Она его выгнала, потому что он продал ее фамильные драгоценности.

АНТОН. Да? Много?

ОЛЬГА. Да не было драгоценностей! Я это придумала. Вечно ты уточняешь детали! Прости. Просто он постоянно придирался, кричал и даже лез в драку...

АНТОН. Ей, конечно, не позавидуешь... Но и ее поведение понять трудно! Уж прости!

ОЛЬГА. Ладно, Антон, все будет хорошо. Вот увидишь. Она все понимает и очень нас любит. Давай спать.

Ольга ложится в постель.

АНТОН. Что значит «спать»?! Оля, снимай халатик!

Антон ложится рядом с Ольгой.

О Л Ь Г А. Нет, Антон. Сейчас нет настроения. Ты еще в первый раз уговорил меня, но как скрипел диван! Она точно все слышала!

А Н Т О Н. Но мы же проверяли потом. Я тут прыгал изо всех сил — ты ничего не слышала в ее спальне!

О Л Ь Г А. Это было днем! Сейчас совсем тихо — услышишь каждый шорох!

А Н Т О Н. Но она говорила тебе что-нибудь? Намекала?

О Л Ь Г А. Нет, конечно! У нее же есть чувство такта!

А Н Т О Н. Если ни слова не сказала — значит, ничего не слышала. Или просто спит.

О Л Ь Г А. Мама не спит! Она долго засыпает. Антон, я не переживу, если она все услышит, и будет представлять себе там что-то... Это ужасно! Она ведь моя мать!

Мама ходит в своей спальне. Слышны шаги.

О Л Ь Г А. Не спит...

А Н Т О Н. Пусть пофантазирует! Мне не жалко!

О Л Ь Г А. Нет, Антон! Это не такая острая ситуация! Прояви уважение.

А Н Т О Н. Ничего себе! И что же, нам теперь любить друг друга только по утрам, когда она уходит на работу?

О Л Ь Г А. Да!

Пауза.

О Л Ь Г А. Антон, а когда же мы поженимся?

А Н Т О Н. Совсем скоро. Надеюсь, тогда мы сможем любить друг друга когда угодно?

О Л Ь Г А. Думаю, сможем...

А Н Т О Н. Прямо на ее глазах!

О Л Ь Г А (*недовольно*). Нееет, Антон! Оставь эти безумные фантазии!

Пауза.

А Н Т О Н. Оля, а под халатиком ты голая?

О Л Ь Г А. Вообще-то да...

А Н Т О Н. Это так прекрасно!

О Л Ь Г А (*недовольно*). Ну убери же руку, Антон! Засыпай!

А Н Т О Н. Ну уж нет! Перевернись на живот!

О Л Ь Г А. Зачем?

А Н Т О Н. Откуда столько любопытства... Не спрашивай! Перевернись...

О Л Ь Г А. Ладно, я доверяю тебе, Антон.

Гаснет свет.

Третья ночь

Спальня Мамы. На сцене Мама и Матвей.

М А М А. Знаешь, Мотя, я раньше была потрясающе красива! Но и сейчас я выгляжу неплохо? Я права?

М А Т В Е Й. Ты несравненная конфетка!

МАМА. Я хорошо сохранилась. Ты не поверишь, но я не выгляжу старухой благодаря моим врожденным проблемам с сердцем!

МАТВЕЙ. Какая странная связь!

МАМА. Все элементарно, мой маленький. Родители с детства оберегали меня от всех невзгод. Пока они были живы, я практически не работала. Нежилась в ванной, развлекалась. Но... Потом родилась моя дочь. Мое тело начало обвисать. Мой любовник, которого я полностью содержала, ее отец, сбежал на Кубу... На самом деле, я сама его выгнала, но не говорю об этом, чтобы не выставить его полным неудачником. Но он был редким кретином! Как и мой будущий муж. Его я тоже выгнала сама. Из-за них всех я малость постарела... Но стержень внутри меня жив!

МАТВЕЙ. Ты сногшибательна! Иди же ко мне!

МАМА. Подожди. Еще не время.

Пауза.

МАТВЕЙ. Ну, чего мы ждем? Я уже два часа сижу здесь. Я замучился! Я уже засыпаю! Зачем ты привела меня?

МАМА. Я не виновата, что они опять неизвестно где пропадают!

МАТВЕЙ. Кто они?

МАМА. Вот черт! Эх... Я не собиралась тебе ничего говорить!

МАТВЕЙ. О чем?

МАМА. Мотя, мы ждем мою дочь с ее мужем.

МАТВЕЙ (*негодуя*). Но зачем?! Это уже слишком! Я не могу участвовать в этом!

МАМА (*грубо*). Нет же, болван! Ты все неправильно понимаешь! Они просто здесь живут!

МАТВЕЙ (*возмущенно*). Как?! Ты говорила, что живешь одна! Что происходит?!

МАМА. Успокойся немедленно! Конечно, я сказала тебе, что живу одна. Мне нужно было заманить тебя! Но не рассчитывай, что я выйду за тебя замуж. Ты не получишь моего имущества!

МАТВЕЙ. Как ты можешь?! Ты совсем не любишь меня?

МАМА. Конечно же, нет! Не ломай комедию! Мне не нужен муж — мне нужен любовник!

МАТВЕЙ (*рыдая*). Ты жестоко обманула меня! Ты убила мои чувства! Выходит, я был для тебя всего лишь любовником?! Ты использовала мое тело... А я был искренен! Я был чувствителен! Я разочарован и раздавлен! Я ухожу!

МАМА. Ты не был моим любовником еще ни разу! И я привела тебя сюда, чтобы ты им, наконец, стал!

МАТВЕЙ. Нет, ты разрушила нашу гармонию! Все кончено. Прощай!

МАМА (*с угрозой*). Сядь на место и замолчи, иначе я тебе как следует вдарю!

МАТВЕЙ. Но у тебя ведь больное сердце!

МАМА. При чем тут сердце? Я буду бить тебя кулаками.

МАТВЕЙ. Ладно, ради тебя я готов на все!

МАМА. У тебя нет выбора.

МАТВЕЙ. Так давай же начнем скорее, прошу тебя! И я уйду!

МАМА. Так, успокойся, клоун. Объясняю ситуацию. Мы ждем мою дочь и ее мужа. Они лягут спать в соседней комнате. Вот тогда-то мы с тобой и начнем! Всю нашу ночную программу! Они все должны слышать! Каждый вздох, каждый скрип — все! Ты должен стонать от восторга как сумасшедший! И не смей молчать!

МАТВЕЙ. Какие странные задумки! Какая ты фантазерка!

МАМА. Все гораздо сложнее, малыш. Эти двое уродуют мое и без того нелегкое существование. Этот уродец захомутал мою чистую прекрасную дочь и вселился в мой дом! Уже давным-давно они живут здесь. Мало зарабатывают! Они мне надоели.

МАТВЕЙ. Но наверное, они любят друг друга!

МАМА. А мне-то что? Могли бы «любить» друг друга в другом месте. Но не здесь. В моем доме я хочу, чтобы любили меня! Каждый день каждым словом, взглядом, прикосновением... А они меня не любят ни капли!

МАТВЕЙ. Но чем я могу вам помочь?

МАМА. Как это чем? Они увидят и услышат, что есть тот, кто любит меня, кто хочет проводить со мной ночи, пылает страстью рядом со мной... Тот, кому я нужна!

МАТВЕЙ. Но ты мне не нужна!

МАМА (*страстно*). Это не важно, болван! Они будут думать, что я нужна! Нужна! И не только тебе, а всем, всем, всем! Они будут думать, что каждый мужчина мечтает быть со мной рядом, что я могу выбирать из них и менять как перчатки! Но все мужики остаются ни с чем, потому что я так недоступна... самодостаточна... дотошна! Мне не нужен какой-то неудачник, как моей дочери!

МАТВЕЙ. Ты потрясающая...

МАМА (*с еще большей страстью*). Мне нужен дикарь! Неумный! С яростью в глазах и огромными африканскими ноздрями, которые вдыхали бы меня, а выдыхали огонь! Его горячее тело сливалось бы с моим воедино... Жаркие ночи и сон до полудня... Мне это тоже известно! И когда она увидела бы, что и у меня есть вторая половина моей дикой страсти, то поняла бы, что я ничем ее не хуже! Ничем не хуже! Ни-чем!

Короткая пауза.

МАТВЕЙ. Но что, если я не переживу столь бурной ночи?

МАМА (*шепотом яростно*). Успокойся, недоумок... Я хорошо заплачу тебе. За последний год мне удалось скопить кое-какие деньги... Надеюсь, я останусь довольна результатом?

МАТВЕЙ. О, коварная! Ты будешь без ума от счастья!

Короткая пауза.

Звучит дверной замок. Входят Ольга и Антон.

ОЛЬГА. Добрый вечер, мама... Добрый вечер... Эмм...

АНТОН. Добрый вечер... У нас гости?

МАТВЕЙ (*кокотливо*). Привет, крошка Лю! Здравствуй, Антон! А я о вас все знаю! Рад познакомиться!

АНТОН (*с недоумением*). Кто это?!

МАТВЕЙ. Меня зовут Матвей... Многие зовут меня «жаркий сон» или тяжелой артиллерией...

МАМА. Я называю его просто сказкой...

МАТВЕЙ. О да! Ты — моя сказка!

АНТОН (*гневно*). Что за идиотизм здесь происходит?!

МАМА (*с сарказмом*). Ну что за грубые слова?! Ты говоришь со мной как человек без души, Антон! Матвей — мой добрый друг. Он сегодня будет ночевать у меня... В моей комнате... В моей постели... Со мной!

ОЛЬГА (*с упреком*). Мама, тебе не стыдно?! Что это за бред?!

МАМА. Успокойся. Это не обсуждается.

АНТОН. Нет уж, будьте добры объяснить, Алла Сергеевна, что за комедию вы ломаете!

МАМА (*гневно*). Умолкни лучше! Вот когда я буду жить в твоём доме — тогда и буду рассказывать тебе сюжеты своих комедий!

ОЛЬГА. Мама, ты приготовила нам ужин?

МАМА. Нет!

ОЛЬГА. Но у тебя же сегодня выходной!

МАМА. Вот именно! Я сегодня отдыхаю. Ужин себе готовьте сами — если есть из чего. Кстати, все, что вы вчера купили, мы с Мотей съели — могу себе позволить раз в жизни.

АНТОН (*яростно*). Ну и наглость!

МАТВЕЙ. Друзья! Только не надо скандалов!

ОЛЬГА. Антон, идем отсюда. Она издевается над нами.

МАМА (*вслед*). Правильно! Исчезните оба! Вы нам наскучили. Мы хотим насладиться друг другом!

Ольга и Антон уходят в спальню Ольги.

МАТВЕЙ. Как же ты сурова! Я восхищаюсь твоими железными нервами!

МАМА. Ты ничего не знаешь, так что помалкивай. И нервы у меня не железные, а вот сердце — болезненное. Они хотят избавиться от меня... Ничего у них не выйдет! Я преподам им хороший урок! Мотья? Ты готов?

МАТВЕЙ. К чему готов?

МАМА. К любви! Вот кретин!

МАТВЕЙ. Но мне необходимо расслабиться после всех нервных перенапряжений! Может, ты угостишь меня кофе?

МАМА. Даже и не рассчитывай на это. Могу лишь показать тебе пару эротических картинок.

МАТВЕЙ. Не надо!

Мама ложится в постель.

МАМА. Матвей? Немедленно ложись ко мне!

МАТВЕЙ. Одну минутку!

МАМА. Ты готов?

МАТВЕЙ. Да, практически готов...

МАМА (*зевая*). Хорошо...

Матвей ложится в постель рядом с Мамой.

МАМА. Ну же, Мотенька! Не томи меня!

МАТВЕЙ. Кажется... ничего не получится...

МАМА. Что это значит?!

МАТВЕЙ (*с досадой*). Я чувствую, что я бессилён...

МАМА (*испуганно*). Ну так настройся же! Прикоснись ко мне, прижмись... Я могу к тебе прикоснуться, в конце концов!

МАТВЕЙ (*рыдая*). Мне ужасно стыдно! Прости меня!

МАМА. Я сейчас найду те картинки!

МАТВЕЙ. Это бесполезно! Ничего не поможет!

МАМА. Почему это?!

МАТВЕЙ (*рыдая все сильнее*). У меня давно ничего не получается! Я устал от этого! Я раздавлен!

МАМА. Какого черта ты сразу мне не сказал?!

МАТВЕЙ. Мне было страшно! Я надеялся, что все пройдет хорошо, ведь ты так рассчитывала на меня! Ты так пылала!

МАМА. Ааа! Вот кретин безмозглый! Испортил всю мою задумку! Подонок! Сволочь!
МАТВЕЙ. Но прости меня! Я готов страстно кричать! Они будут все слышать!
МАМА. Они уже наслышались твоего нытья! Лучше заглохни, пока я не врезала тебе, ничтожество! Отвернись от меня и спи!
МАТВЕЙ. Китти, ведь ты мне обещала деньги...
МАМА. Я тебе сейчас сломаю нос! Денег ты не получишь, а вот мне ущерб должен будешь возместить. О сумме поговорим завтра. Понятно?
МАТВЕЙ. Я молчу, молчу...

Спальня Ольги. Антон и Ольга лежат в постели.

АНТОН. Интересно, что они там делают...
ОЛЬГА. Да ничего они не делают. Она же сказала, что он только лишь ее друг. Не более.
АНТОН. Ну, конечно! В одной постели друзья не спят!
ОЛЬГА. Ему просто негде больше лечь! Не на пол же предлагать ему! В любом случае, прекрати фантазировать на сей счет!
АНТОН. Да я и не фантазирую!
ОЛЬГА (*недовольно*). Конечно, конечно! Только и смотришь постоянно на какие-нибудь ноги!
АНТОН. Не смотрю я ни на какие ноги. Только на руки!
ОЛЬГА. Отстань от меня со своими шутками!

Пауза.

АНТОН. Оля? Ты меня любишь?
ОЛЬГА. Прекрати, Антон! Они нас услышат!
АНТОН. Может быть, пойдем в ванную или на кухню?
ОЛЬГА. Оттуда нас будет слышно еще больше!
АНТОН. Ну и что! Она всегда нас слышит! Все наши шорохи!
ОЛЬГА. Но сегодня их там двое! Это уже чересчур!
АНТОН. Но мы-то их не слышим...
ОЛЬГА. Потому что они ничего не делают. Спят! Поверь мне — уж я-то знаю свою мать. Спи, Антон!

Пауза.

Звучит звонок в дверь. В спальню Ольги вваливается Матвей.

АНТОН (*негодую*). Что происходит?!
МАТВЕЙ (*мягко*). Друзья мои, простите за столь позднее вторжение, но меня затолкнула сюда она... Пришел какой-то Миша... Надеюсь, я не слишком вам помешаю...
ОЛЬГА. О, нет! Только не это! Это же ее бывший муж!
АНТОН. Что они там делают?
МАТВЕЙ. Не знаю! Она сразу же меня выгнала!
ОЛЬГА (*шепотом*). Тссс! Прислушайтесь!

Пауза.

МАТВЕЙ. Что они там делают?
ОЛЬГА (*шепотом*). Не знаю!

МАТВЕЙ. Я хочу уйти домой!

АНТОН. Ляг на пол и не шуми!

МАТВЕЙ (*возмущенно*). Почему вы так грубо со мной разговариваете?!

АНТОН. Ты не понял? Мы тебе сейчас нос сломаем!

МАТВЕЙ (*обиженно*). Что вы привязались к моему носу?!

Пауза.

Входят Мама и Михаил.

МАМА. Леля! Ну же, поздоровайся со своим отцом!

Пауза.

МИХАИЛ. В чем дело?! Почему она молчит?!

МАМА. Ну же, Леля!

АНТОН. Кого вы привели, Алла Сергеевна?!

МИХАИЛ. А это кто такой?! Я — хозяин этого дома.

МАМА (*резко*). Никакой ты здесь не хозяин. Примолкни лучше.

ОЛЬГА. Михаил Иванович, ты что — напился?!

МАМА (*упрекая*). Как ты разговариваешь с отцом?! Какой он тебе «Михаил Иванович»?! Он воспитал тебя, столько лет посвятил тебе. И это после того, как тот кретин сбежал на Кубу. Вот твой отец! Ты должна быть благодарна ему всю оставшуюся жизнь. Забудь свою ничемную гордыню! Зови его папой!

МИХАИЛ. Вот именно! Папой! И не иначе! Я настаиваю!

АНТОН. Отстаньте от нее!

МИХАИЛ. Ты кто? Я тебя не знаю.

АНТОН. Я Олин муж. Меня зовут Антон.

МИХАИЛ. Муж? Аллочка, у нашей дочери есть муж?! И вы мне ничего не сообщили! Оленька, как же тебе не стыдно! Ты не пригласила родного отца на свадьбу! Как же это низко!

ОЛЬГА. Ты мне не отец. Ты нас бросил — вот и теперь уходи.

МИХАИЛ (*гневно*). Что ты несешь! Не суй свой нос в чужие дела! Мы не сошлись характерами — это психология. Ты ни черта не понимаешь! Я для тебя столько всего сделал, и где же благодарность? Алка, ты вырастила хамку. Ольга, ты в долгу передо мной, а сама даже не желаешь увидеться. Тебе не интересно, как я живу... Жив ли я вообще? Ты не пыталась узнать. Твое безразличие крайне огорчает меня, Оленька...

МАМА. Я вырастила хамку?! Заткнись лучше! Винават во всем ее муж. Ну?! Теперь ты видишь, доченька, как чудовищно ты относишься к своим близким?

ОЛЬГА (*в истерике*). Оставьте все меня в покое! Антон мой близкий человек! Не вы! Прекратите издеваться! Между нами — пропасть! Так провалитесь же в нее!

МИХАИЛ (*взволнованно с недоумением*). Что? Аллочка, что она сказала?

МАМА. Она сказала полную чушь. Потом она поймет, как жестоко ошибалась. Но нас уже не будет рядом. Леля, ты только что убила огромную любовь между нами. Но если ты надеешься, что я уйду с Мишей и освобожу для вас этот дом, то ты еще раз жестоко ошибаешься. Никуда я не уйду. Завтра же я сдам этот дом какому-нибудь маньяку, и вы окажетесь на улице. Замерзнете? Заболеете бешенством? Мне теперь это глубоко безразлично!

АНТОН. Хватит нас запугивать.

МАМА. А я вас не запугиваю. Я в красках рисую вам ваше будущее.

МИХАИЛ. Алла, а кто этот третий?

МАТВЕЙ. Ну наконец-то вы обратили внимание на меня! Мне надоело слушать вас всех сегодня! Вы все ужасны!

Пауза.

МАМА. Познакомься, Миша. Это мой любовник Матвей.

МИХАИЛ. Любовник?! У тебя есть любовник? И ты мне ничего не сообщила! Как это низко!

МАТВЕЙ. Я уже не ее любовник! Я после сегодняшней ночи, видимо, буду только любовником себя самого! Я не хочу ложиться спать, потому что боюсь проснуться седым! Я сейчас же уйду отсюда!

МАМА. Что?! Чтобы все соседи заметили тебя? Обо мне пойдут позорные сплетни! Меня очернят! Я этого не потерплю. Лучше забейся в угол, пока Миша не сломал тебе нос.

МАТВЕЙ (*крича*). Оставьте в покое мой нос!

МАМА. Молчать!

Мама швыряет Матвея в угол.

МАМА. Идем в постель, Миша.

ОЛЬГА. Мама, как ты докатилась до такого... Ты даже не подумала, как объяснишь Антону появление Михаила... А ведь он был такого высокого мнения о тебе...

МАМА. А я должна что-либо объяснять?

ОЛЬГА. Но ты собираешься лечь с ним в постель!

АНТОН. Наверняка, не для того, чтобы как следует выспаться!

МИХАИЛ (*зевая*). Оленька, не хами матери. И скажи этому своему мужу, чтобы не хамил...

МАМА. Какие глупости! Он мой бывший муж!

АНТОН. По-вашему, с бывшим мужем это нормально?

МАМА. Не пытайтесь уличить меня в чем-то — многие живут гораздо аморальнее меня!

ОЛЬГА. Мама, многие, но не все!

МАМА. Не учите меня жизни, глупцы. Лучше следите за своим поведением. Идем, Миша!

МИХАИЛ (*недовольно*). Алла, ну чего ты от меня хочешь? Я очень устал... Мне ужасно хочется спать...

МАМА. Нет, ты не будешь спать. Раз уж ты пришел — выполни долг перед своей бывшей женой.

МИХАИЛ. А как же твой любовник?

МАТВЕЙ (*зло*). Мы уже расстались!

МАМА. Он ни на что не способен. Так что вместо него придется постараться тебе.

МАТВЕЙ (*ерничая*). О-хо-хо!

МИХАИЛ (*испытывая неловкость*). Алла, ведь ты знаешь, что на меня нельзя положиться в этом вопросе...

МАМА. Что, до сих пор?!

МИХАИЛ (*с жалостью*). Но ничего не изменилось! Я стал только старше... Я немощен, Аллочка! Прости!

МАМА. Тьфу! Еще одно ничтожество!

АНТОН. Уйдите уже, наконец! Все разом!

МАМА. Я уйду одна. Оставьте все здесь. Из-за вас у меня страшно болит сердце... Вы себе не представляете! Плевала я на вас! Вы все, вы все ни на что не способны! Так молитесь же на меня! Спокойной ночи!

Мама уходит.

Пауза.

МИХАИЛ. Ну и где я должен теперь спать?

ОЛЬГА. Может, пойдешь домой?

МИХАИЛ. Нет, жена меня уже не впустит...

АНТОН. Тогда ложись рядом с Мотей.

Михаил ложится на пол. Ольга и Антон ложатся в постель.

Пауза.

АНТОН (*шепотом*). Оля, что происходит? Она окончательно сошла с ума?

ОЛЬГА (*шепотом*). Не знаю, Антон... Не знаю! Мне страшно! Завтра она выставит нас на улицу?

АНТОН (*шепотом*). Да куда она нас не выставит. Эй, мужики! Кажется, они спят... Оля!

ОЛЬГА (*шепотом*). Что?

АНТОН (*шепотом*). Повернись ко мне спиной!

ОЛЬГА (*громко*). Ты спятил?!

Короткая пауза.

АНТОН (*шепотом*). Ладно, тогда пойдем в ванную или на кухню.

ОЛЬГА (*шепотом*). Нет, Антон! Тем более все услышат! Нам нельзя вставать, иначе все проснутся!

Пауза.

АНТОН (*шепотом, недовольно*). Оля, ну почему ты не хочешь?!

ОЛЬГА (*шепотом, возмущенно*). Потому что здесь лежат эти двое. Это естественно!

Антон (*шепотом*). Оля! Я нашел совершенно новый метод... Никто ничего не услышит! Будь уверена!

ОЛЬГА (*шепотом*). Точно?

АНТОН (*шепотом*). Обещаю! Повернись!

ОЛЬГА (*шепотом*). Ладно...

Пауза.

МАТВЕЙ. Сладких снов!

Гаснет свет.

Четвертая ночь

Спальня Ольги. Появляются Ольга и Антон.

ОЛЬГА. Антон, когда же у нас уже будет своя квартира? Разве мы до сих пор не можем себе этого позволить?

АНТОН. Еще рано. Нужно немного подождать. Совсем чуть-чуть...

ОЛЬГА. Мы уедем... Но ведь мы часто будем навещать маму?

АНТОН (*обнадеживая*). Ну, конечно! Как бы я к ней ни относился — будем навещать как можно чаще.

Входит Мама в состоянии легкого опьянения.

МАМА. Почему вы до сих пор не спите? Сколько можно бубнить за стенкой?!

ОЛЬГА. Мама, завтра у нас выходной... Мы пока не собирались ложиться спать.

МАМА (*громко возмущаясь*). А мне какая разница?! Я тоже не собираюсь ложиться спать, но хочу, чтобы вы здесь заткнулись. Все эти годы ваши мерзкие голоса мне снятся в кошмарах!

АНТОН. Мы теперь и поговорить друг с другом не можем?

МАМА. Советую вам уйти со своими постоянными разговорами и ночными лобызаниями либо в свой дом, либо на улицу. Погода позволяет.

ОЛЬГА. Мама, ты совсем нас не уважаешь...

МАМА (*пылая от гнева*). Умолкни, стерва! А ты, Антон, ответь мне немедленно, куда исчезло мое обручальное кольцо!

АНТОН (*возмущенно*). А я откуда знаю?! Вы в своем доме находитесь! Вам лучше знать!

МАМА. Подонок! Я знаю, что ты снял его с моего пальца, пока я спала, и продал по дешевке!

ОЛЬГА. Мама, что ты несешь?!

АНТОН. Вы совсем спятили, уважаемая... У вас шизофрения!

МАМА. Ну конечно... Лучшее решение — выставить меня идиоткой! А ведь все из-за того, что я так похудела за последнее время... Иначе тебе не удалось бы снять с меня кольцо! Я сгною тебя в тюрьге!

АНТОН. Послушайте, может быть, ваше кольцо одолжил один из ваших новых друзей? Или вы сами его отдали? Но не надейтесь вспомнить — вы слишком редко бываете трезвой...

МАМА. Ну вы и скоты! Это вообще не ваше дело. Я себе могу позволить расслабиться где угодно, с кем угодно и когда угодно!

ОЛЬГА. Мама, ты уже скатилась до свинства... Ты уже макароны ешь руками!

МАМА. Ха! Плевала я на твои приличия! Мне так удобнее. Ты тоже попробуй. И не завидуй. Лучше бы сами свои приличия соблюдали. Никакой этики, никакой морали! С первого же дня! А мою личную жизнь вы угробили... Если бы вас тут не было — я давно бы уже удачно вышла замуж!

ОЛЬГА. Спасибо за откровение, мама...

МАМА. Дура! Разве это откровение? Откровение — то, что если б я не поверила однажды уроду, который потом свалил на Кубу, ты бы никогда не появилась на этот свет, и я жила бы счастливо и свободно! Уходите из моего дома! Вон! Вон отсюда!

ОЛЬГА. Мама, ты — чудовище!

АНТОН. Это вы уйдите из нашей спальни!

МАМА. Яяя?! Ну что ж, я уйду... Но помните, что вы мне глубоко отвратительны! Вы даже не хотите иметь детей! Ничтожества!

АНТОН. Не лезьте в нашу жизнь! Она наша! Наша! Не ваша!

МАМА (*берется за сердце*). Плевала я на вашу идиотскую жизнь... У меня из-за вас страшно болит сердце... Я этой боли уже не могу терпеть...

АНТОН. Да прекратите вы уже хвататься за сердце! Столько лет один и тот же трюк. Придумайте себе свежий номер.

МАМА. Антоша, невыносимо больно... доченька, помоги мне присесть...

ОЛЬГА. Мне уже к тебе и прикосаться-то противно...

АНТОН. Идите уже спать, Алла Сергеевна.

МАМА. Спать... Ноги не держат совсем... Как тяжело... Я что-то хотела спросить... Не помню... Пойду, пожалуй, прилягу... И вы... Ложитесь спать... Спокойной ночи...

АНТОН (*вслед*). Ура!

Мама выходит и замолкает.

Пауза.

Ольга ложится в постель.

ОЛЬГА (*игриво*). Антон! Иди ко мне!

Антон ложится в постель к Ольге.

АНТОН (*игриво*). Ты сегодня настроена поиграть?

ОЛЬГА (*загадочно*). Ну... Почему бы и нет... Может быть, пойдем в ванную или на кухню?

АНТОН. Нет уж! Давай здесь останемся и как следует пошумим!

ОЛЬГА (*весело смеясь*). Прекрати, Антон!

Гаснет свет.

Сон Ольги

Спальня Ольги. Ольга и Антон лежат в постели. Врывается Мама. В ее руках ружье.

МАМА. Ну что, мелкие твари! Недоразвитые существа! Я готова уничтожить вас всех!

Антон соскакивает с постели.

АНТОН. Оля, дорогая! Я спасу тебя! (*Маме*) Эй, чудовище! Уходи из нашего дома!

МАМА. Идиот! Это не ваш дом! Это кладбище! И отсюда никто не уходит! Сюда все прибывают!

АНТОН. Уходи, иначе я отрублю тебе голову!

МАМА. Думаешь, в сказку попал? Тебе нечем рубить! А вот я сожру тебя заживо!

АНТОН. Я задушу тебя!

МАМА. Двух твоих тоненьких ручонек недостаточно для моей толстой шеи!

АНТОН. Я выдавлю тебе глаза!

МАМА. Твои пальцы рассыплются в порошок! Все! Стой на месте. Я стреляю.

ОЛЬГА. Помогите!

Врывается Матвей.

МАТВЕЙ. Я спасу всех нас! Алла, я готов подарить тебе любовь!

МАМА. Лжешь! Ты ни на что не способен. Ничтожество! Прощай.

Мама стреляет в Матвея. Матвей падает на пол.

МАМА. Антон! Не дергайся! Мне тяжело целиться!

ОЛЬГА. На помощь!

Врывается Михаил.

МИХАИЛ. Аллочка! Не стреляй! Я хочу вернуться к тебе!

МАМА. Зачем ты мне нужен?! Ты самый мелкий из всех мужчин, что я когда-либо встречала. Твоя любовь длилась считанные мгновения! Прощай!

Мама стреляет в Михаила. Михаил падает на пол.

МАМА (*жалобно*). Почему вы были такими черствыми? Вы могли любить меня хоть немного...

ОЛЬГА. Мы любили тебя, мама!

МАМА. Нет, Антон не любил!

АНТОН. Но я вас очень уважал!

МАМА. Какая чушь! Меня не за что уважать. Но любить меня вы все же могли бы!

ОЛЬГА. Мы пытались, мама!

МАМА. Слова! А где доказательства? Слова, слова... Не суетись, Антон, иначе я промажу! У меня лишь один патрон! Прощай.

ОЛЬГА. Не надо, мама!

Мама стреляет в Антона. Антон остается нетронут.

ОЛЬГА. Слава Богу, ты промахнулась, мама! Может быть, выпьем кофе?

МАМА. Пейте сами свой дешевый вонючий кофе. Я не промахнулась. Вот увидите, я попала точно в цель!

АНТОН (*зневно*). Я хочу вырвать твоё сердце, зажарить и выбросить в окно!

МАМА. Какой же ты никчемный... Мое сердце уже давно сожжено... Я уйду от вас! Наконец-то!

ОЛЬГА (*вслед*). Мама, не уходи! Подожди, мама...

Мама уходит.

Гаснет свет.

Последняя ночь

Спальня Ольги. Ольга и Антон лежат в постели.

АНТОН (*сонно*). Оля, почему ты не спишь?

ОЛЬГА (*задумчиво*). А почему ты ничего не хочешь, Антон?

АНТОНИО. Я устал... Неважно себя чувствую.

ОЛЬГА. И так каждый день... Я совсем перестала тебя интересоваться.

АНТОН (*мягко*). Ну, перестань же, глупенькая!

ОЛЬГА. Нет, я права... Антон, мы ведь давно хотели переместиться в спальню мамы... Почему мы до сих пор спим здесь?

АНТОН. Просто нам немного лень сейчас этим заниматься...

ОЛЬГА. Нееет... Нас это не волнует. Нам все безразлично. Я безразлична тебе.

АНТОН. Глупости!

ОЛЬГА. Но нет никаких опровержений этому. Мы лежим, потом мы спим, а потом встаем с постели. А где же любовь? И это длится уже полгода...

Пауза.

О Л Ь Г А. Антон, почему ты купил такой дешевый памятник на могилу маме?

А Н Т О Н. Он не такой дешевый, как тебе кажется. Просто уродливый. Но на первое время сошел бы и простой деревянный крест, тем более твоя мать не заслуживает большего. Через пару лет установим другой памятник.

О Л Ь Г А. Через пару лет... Хорошо, подождем...

Пауза.

О Л Ь Г А. Антон, ты готов сейчас как раньше доказать мне свою любовь хоть однажды?

А Н Т О Н. Нет, милая, прости... Я так устал... Я ни на что сейчас не способен... Засыпай, дорогая. Сладких снов тебе...

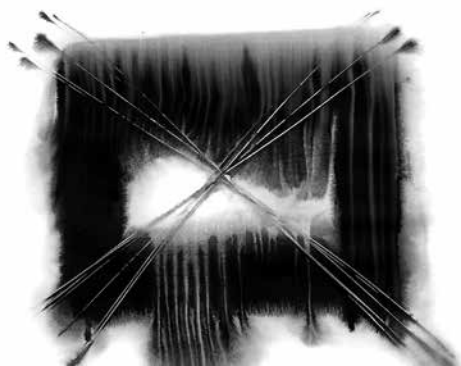
О Л Ь Г А. Спокойной ночи, Антонио.

Гаснет свет.

КОНЕЦ

Владимир Бекмеметьев

На сетчатой спирали зрячей

Не сбиться с пути (на чужбину)

1.

Всякое дерево, поставленное прямо, есть часть креста

Тертуллиан

Возможен
расслышать
место поминовения

-ей, жнец-собираТЕЛЬ-
отклик слышать

в расселине ларца

был ли он был собывался?

(или как клест в бузине
вспомнил сотницу

соположных хранилищ)

или как крест

в придорожных курганах

уже распадался

на буквы

именно те
 (от чего?)
 пели рядом
 сопричастные в силу.
 В силу
 узкие жмут колеи и
 шепчутся волки:
 (аблатив)
 к шурам
 — проросток репья,
 ребус
 подпалин.
 Изначальная каверза (веры) —
 отсутствующий привязан к месту,
 отворили пещеру,
 далее-larva,
 оттаяв,
 движением толщи
 вырывает трухлявую
 сквозь
 обвалившийся лаз.
 Ввернули в базилики костяную муку:
 -ей-ей, мучимый голодом
 мукомол.
 Чертеж-и-письмо,
 сходное с рытьем нор,
 житейская тьма желтеющих писем,
 песни и блузы;
 (и так
 разламывать гибкие уступы штукатурки,
 покойные пыльной коркой),
 crusta panis.
 В ларце
 смеют смеются
 насекомой развязной ухмылкой
 кулиги.
 Акриды и дикий мёд. Иоаннов хлеб?
 Нет, не плотоядные колоссы.
 Хлеб
 — заступ к суше,
 другой, ноздреватой земле,
 змеящимся злакам.
 Разрешить сохранить истоптанные хлеба,
 Пока теплится тучная печь.

2.

Я — дом, но он покинут и забыт

Г. Нарекаци

Чужаки изящно скрывают происхождение,
(позднерусская деревня и оссуарий,
дом-для-беженца)

Мерцает ударной ладонью — нет, не тимпан-
в фарси обычно вмешивается русский для вопроса,
наблюдали от малого родину? смуглые лица,
Сирень
или мак
брось,
что тебе стоит?
Вымытых рук,
от ветра носимая месяцами
в которые вложена рыба в сети —
так и мы в руки Господа.
Нет же, сквозь пальцы — лишь сель
грязных канав.
Пусть бесприютный, немой, первозданный,
ростом с кедр,
сам собирает хворост и медь, пьет кислящее молоко —
чаще спирт,
раскрошив лицо, склонив грязную голову
— венец человечества —
спит, подпоясан к земле, — ибо стал как червь
(он исполин).

В роскошных лачугах поручаемы хвори и радости
псам.
Они безмятежны — но голодны,
бескорыстны они — но голодны,
они безоружны ли? — но голодны
и умирают,
как всё умирает. Ли?

Из пепла родословной

*...во середу золь золила,
А во пятницу пыль пылила.*

1.

Ослепшая роза окольных путей
к каменной верфи,
где молчание-злато скрыто в руде
как глина в зубах-к-тетиве,
в материнской утробе отлито
два герба:
подношение бедности
и нелепости.
Голод малых товарищ,
спор о грехе пополам с ячменем.

2.

Провалы твердью сочти
и хрупкую землю
Марии-Иосифа
и в ней плач-письма, лохмотья,
кости исконно немые,
прежде чем свыкнуться,
протают в оврагах.

3.

Сквозь сухой лошади несут мертвеца.
Его землистая голова в такт медленному
дребезжанию веретена
и лампадки вертепа
склоняется набок,
потому что усталость земли и души
и теперь
кажется вечной...
И смерть, старость — предмет ремесла —
шелеста спиц
конечность
небес и телесная
скрипят в поминальниках,
когда дряблые пальцы выводят
рабовъ божих Михаила, Ивана, Федора
(медленно)
и пыль-толпа по дорогам несется,
скорби-страданий поводья
(сжимая и разжимая).

4.

Этой воды не испить —
(как сожаления грош
в схождениях добрых намерений,
как неумолчность огнива,
передаваемого в руках,
дабы освещен был
взор неряшливых изваяний
из буженины и кости.
Кромешное повечерие,
губерния,
воспетая редкими указателями)
полон кувшин.

Срок жизни птиц (сокраден в норы)

*Распевают малы пташки
Архангельски гласы,
Утешают младу душу
Те ли песни райски.*

М. Кузмин

1.

Когда приглашения или посмертны
или втопаны снегом,
не поет птица,
чьи перья податливым лезвием
из семени изнутри (пшеница)
клубья земли выскребают,
клубья огня, давясь языками,
и далее слабым шагом
полями, вихрями полыханий
по небу (свинцовая глыба-краюха)
сверяют с узорами птиц.
Как за огранкой рассеялись сны,
базарные слухи,
а также каждый шаг слева и справа —
шаг времени, след ваших отцов.

2.

Синица на рудотканной изгороди,
рукотворной ли?
«Сплачетца мала птичка».

В домах азбука, гнутый конек,
ложка для светских приличий.
«Мелочно», — цветот у молчание рече,
крапленое стужей.
Прелый чай — часть эпиклезы.

То даль — наше вместилище —
подслеповато.
Азбука-палимпсест.
Речные глади сточены конкой, проломом,
желтой артелью следов,
желна рвёт воздух,
сплетения ивовых.

3.

Сточены поименно предместья,
пригороды и околицы,
блесной истерзаны
в воды, двойники
в русские ночи.

Спешащие в небе свиться в
сочинении птиц: мы им или они,
подобия демонских званий,
статуи-росчерки,
селения паутины.

Что ветхие перья и кости
кочет поутру бросит
оклик-лепнину, где
неясная внутренность
славит солнце и тень.

4.

Как дивен сей сад пустыннолюбной
горлицы!

Горькие солонцы проникаемы в чаще,
в Чаше камень-кремень
щедре или пустяшен,
камень-песок, винные укусы.

От рубленных телес-дресва и щепоти,
не во гробех в несытую землю
без домовища — спочивать.
Склевать, сможем слотить

хлебную пыль, невинный искусом,
уже и молчащие вновь, но тяжко
как подводная хлябь и пагубь,
без одежды славней и пици сущей.

То не сад-цветник — весны оживанье.

(руины в пропись и подле)

*Воздвиглись храмы и сады, —
Лишь угли, прах и камней горы*
К. Батюшков

*В рундук из глины безучастной
заржавлен август-кирасир*
Поэтический календарь
Нечерноземья

1.

Мерещится в ветвях в отводе — лептой
элодея, столетия скол в сажень, келия
в ответах охристой земли
обетованной, краснозема;
акронов робких соль,
крупины стаций
— анахорет заметил —
хрустнул гравий,
ссутулилась порода —
гнездо, незаселяемо:
покинутые поймы.

2.

На сетчатой спирали зрячей —
чьим взглядом покоясь жнет небо
изжиленный лотлинь — чей сад окован
посохом двурушным, чьим?
«Реш»: буква к листвице резной,
чин совпадения линий
в наклоне лота головицы,
сырые материалы избирая
в парадиз (и
финские скамьи
и синих эйдолонов лица
не скажут мне).

3.

Безвременная как помарка
в пустынных лоциях
кончина
(где кормчий слепо
ищет крохи хлебные)
клин клином дерево
нутра рисунком
тает (стяжая бурю
в ящике габбро) таит рука
несносную протяжность
прочервлену в небесной туше.
Добро, ведь не бывать дождю
(клубящему в осанке ливней
и тех, кто пел, играл в виолончели,
засим уснул).

4.

Съставъ дубрав лесных,
тугие их притоки,
где стебель — стербль
бьется каждый
для тектонического тока косачей.
Разбойник лишь один
в простор нувоэдемский
вписан, не менее немее, чем
имение борзых, ягдташей,
дуалополых сюртуков,
брусники и клинков,
таврических оказий.
Мираж: так мерить шаг погостом,
где сирота справляет требу,
щенок же требуху
находит.

5.

Когда-то пыль кружится платом
под снежною епитрахилью,
впивается в друзу,
сливается в одно пыланье
как уголь с древесной,
то как свирель неразделима
с комном речи,
скрипичная калеча с выпью,
и прежде первенства замечен плод
их, мелос убольшившихся имаго,

из жалких прутьев hortus —
смотри же между, сквозь

Ομοίωσις

1.

Изъятые спондеи: глас сей
взвил огонь-Дух среди —
сугубое войны и пира —
нечистоты землищ.
Грязь-бруд и лира, и амфир,
двойная литера запечатлив
на мраморы, скуделы гжель,
в виду имея плод гречихи,
возносит павших числа-лавры
крылатых ядер, травней травлю.

2.

Пока первоцвет
— за последок центона —
в бледные соты, в трапезы твердь
обращен и превращает околье
(жердя в благодный лес)
одним мановеньем. К застолью успеть
Маккавею, подорожному путнику, брату
на кашу и мёд, тризну
хрустальную. Помина и нам
трепетно многословным
или застигнутым славой,
«Чей одр — земля,
кров — воздух синь»,
Вам птицы,
что куст обитают
в предместьях
растрепан.

Ольга Роленгоф

Космические тетради

Памяти Михаила Штанько

В конце августа, перед школой, мы с подругой узнали новость — наш учитель французского утонул во время сплава. Подробности, окружающие это известие, были не менее красноречивы: ближайший друг, учитель химии из нашей школы, после телефонного звонка сразу же помчался в глухомань (на севере края все глухомань — притягательная и опасная), чтобы привезти тело. У Виктора, как мы его прозвали, в городе была только пожилая мать. Двое суток трясся учитель химии в буханке рядом с распухшим трупом, который, впрочем, мы не видели и даже не могли представить.

Подруга моя была благополучной дочерью живых родителей, племянницей живых

тетушек и дядюшек, внучкой бабушек и дедушек, на ее орбите пока никаких смертей не случилось. «Мои» же смерти — по сердоболию семейства — мне не были показаны, о чем, впрочем, семейство потом сожалело.

Теперь нам больше никто не скажет: «Ouvrez vos gros cahiers cosmiques!» («откройте ваши огромные космические тетради!») и не принесет на урок перевода недавно изданного на русском всего Артюра Рембо. Я была невнимательна и мало запомнила из его рассказов, но интерес к внешним атрибутам — поэтическим сборникам на учительском столе, остроумным коллажам из французских журналов, развешанным по стенам, игре в группе на кон-

трабасе — все это со смертью получило развитие в тупике. Подруга Саша, к которой я по привычке зашла в гости, не зная, куда себя деть, а гулять как думать я тогда еще не умела, разрывая прошлогодние тетради и складывая их в пакет, призналась ожидаемо, что была в него влюблена.

«Да, — произнес тихий голосок вну-три, — наверное, так и называется это чувство. Ты тоже была влюблена и потеряла. Навсегда».

Осень началась рано. Шли дожди. Тетя, которая воспитывала меня как дочь, пыталась повесить чистые шторы и упала с подоконника, ударившись о стоявшую внизу швейную машинку. Ее увезли в больницу.

Недавно я видела сон: компания друзей получила по наследству очень красивый мяч. «Что же с ним делать?» — задумались они. Собрали совет и долго решали, как его поделить. Но мяч был один, и на всех не делился. Тогда они решили играть с ним все вместе — перебрасывали мяч друг другу, пока не надоело. Мяч продолжал оставаться таким же прекрасным, но теперь каждый хотел поскорее отделаться от него. Тогда они еще раз подумали и поделили время. Первой мяч достался самой младшей из компании. Она положила сияющий мячик в кукольную коляску и стала возить его по двору, укачивая. Тут пришел ее папа и отобрал мяч. «Мала ты еще!», — и положил в дипломат, щелкнув замками. Его племянник хитростью выманил мяч у дяди и принес домой. Там он достал молоток и гвозди, но вбить гвоздь в несущую стену не смог и отправился к соседу за дрелью. Вернулся домой вместе с дрелью, оленьими рогами и соседом и за пять минут они просверлили два отверстия над дверью, повесили туда оленьи рога и закрепили посередине мяч...

А в том августе, десять лет назад, сны мне снились в пустой квартире совершенно другие. Проводя последние дни тоскливого лета в городе — а лето в городе — ужас моей юности (это время, когда все подруги разъезжались, и я оставалась одна в интеллигентской квартире, заставленной книгами, с тетей, замученной работой и болезнями,

с массой свободного времени, которая после окончания четвертой четверти сразу и вся наваливалась на меня — и не отпускала до сентября; маленькие доходы семьи не предвещали никаких поездок и впечатлений, город вымирал — дачники перебирались до холодов на свои требующие ухода сотки, подруги махали руками и покидали квадратные коробочки, расширяя свое жизненное и опытное пространство, а мне оставались — чудесная летняя погода, которую не с кем разделить, книги, не имевшие ответов на мои смутные вопросы, и полная бессмысленность отдыха) — я хотела соединиться со своими подругами, чтобы продолжить вместе бездействовать... Не сказать, чтобы все раздражало. Вокруг располагался красивый, конечно, в прошлом, квартал старого центра города — место, подобное греческим развалинам. Центр уже начал перемещаться правее, к новостройкам. Я даже испытывала некоторое подобие гордости и удовольствия от того, что жила именно здесь. Эту часть города возводили после войны, и была в этих полногабаритных квартирах с высокими потолками и домах, выкрашенных в приятные пастельные цвета, поза победителя. Строились дома не кем-то безвестным, а под присмотром главного конструктора завода, расположенного рядом. И знание имени тоже придавало постройкам известную ценность. С тех пор большой стиль, сталинский ампи́р, изрядно потускнел, за четыре-пять лет до появления Интернета денег на ремонт домов, видимо, не выделяли, а жители — населившие землю подросшие варвары — довершали то разрушение, которое было начато природой. Когда-то окружавшие дома каменные столбы и кованые решетки исчезали необъяснимым образом — и арки, служившие входом в большие уже не ухоженные дворы, теряли свой законченный вид. Облезала от дождей и снега краска, потом выпадали кирпичи. Заботливая рука не вкладывала их в прорехи, и кирпичи оказывались или в руках мальчишек, или превращались в мелкое крошево.

Я люблю развалины. Да и большинство людей любит развалины, не отдавая себе

в этом отчета — иначе стали бы они слоняться внешне бесцельно по всем этим пирамидам, троям, карфагенам... Я теперь, кажется, понимаю, почему. Глянцевое, отреставрированное никак не соотносится с нашим внутренним содержанием. Внутри каждого стоят те же развалины, разливаются невысыхающие лужи слез маленькой-большой Алисы, валяются булжники нерешенных проблем. Увидев развалины воочию, ты можешь внутренне успокоиться — и сказать себе правду: да, связь с Всевышним утеряна, лестница Иакова обрушилась, надо начинать сначала. В окружающих тебя чистоте и блеске признаться себе в этом намного труднее.

Но вернемся к моему кварталу. Видимо, тогда же — на подъеме общей для страны уверенности — кто-то, на этот раз безымянный, высадил на все клумбы квартала разноцветные мальвы, и они прижились. С тех пор традиция мальвы не прерывалась — она зацветала летом и сбрасывала свои семена в землю поздней осенью, чтобы со следующим теплом вернуться. Мальвы — великаны среди обычных уральских цветов — начинать здороваться с ними можно уже издалека. Они, как и раньше, кажутся мне завезенными оттуда, где теплые деньки наполнены куда большим смыслом, чем те, что я проводила с мальвами здесь.

Издредка я вместе с тетей навещала Сашу на даче. Ее родители снимали на лето домик в сосновом поселке сразу за рекой — никогда я не забуду то место, где горожанка впервые увидела коз! Спустя 15 лет, давно отпустив Сашу в неподдельную культурную столицу, я пришла в богохульный наш зоопарк с детьми — и вот тоже впервые увидела только что родившую козочку — рядом с ней сидел уже вылизанный влажный детеныш, который на наших глазах сделал первые шаги — а она перегрызала свою пуповину. А напротив спал, выпятив неопрятные лапы, бурый медведь. И пока дети прыгали, тыкая пальцами в разные стороны, мое воспоминание всплыло, зацепившись за козочку.

Часто надоедать дачникам тетя считала неприличным. Впрочем, Саша там скучала

среди людей, когда я скучала в одиночестве. Видимо, скука происходила не из внешнего, а из отсутствия чего-то важного в нас самих.

Чем больше у тебя в юности задушевных друзей, за которых цепляешься — бывает, что мы ходим парочками, тройками, а то и четверками-пятерками — тем большего не хватает для ощущения собственной полноты.

Наши встречи были приятны, но уклада жизни не меняли. Саша часто бывала самодостаточна. Тетя же, осколок семьи, избежавшей арестов и доносов, чьих представителей скосили сердечные болезни и одинокая старость, не жаловала в доме гостей — многолюдье исчезло с тех пор, как она была в возрасте «на выданье» и пела романсы с будущими военными. С тех пор из дома исчезло и пианино, и тетя почти никогда не пела — ее брак оказался неудачным. Но призрак изгнанного пианино, видимо, продолжал перемещаться в те дома, где она потом жила, потому что не один и не два человека в воспоминаниях говорили об инструменте, и удивлялись, когда я отрицала.

Тетя отдалась работе, а свои глубокие привязанности удачно скрывала до последних дней — только смерти когда-то любимых вызывали их наружу. Из нее получился очень ответственный работник. Раз в месяц забегала та или иная подруга — чаще это были матери-одиночки, обвешанные проблемами, они делились с тетей крупными и мелкими наростами на своих жемчужинах-детях и на своей раковине.

В остальное время мы оставались вдвоем. Иногда я так долго молчала летом, что, отправленная за хлебом, с трудом его покупала — стеснение у меня вызывала и сама продавщица, хотя она стояла здесь уже лет двадцать, и необходимость назвать покупку хриплым от долгого молчания голосом, и протянуть руку с мелочью. Тетя, опекавшая меня неустанно, успевала крикнуть с балкона: «Не горбись, иди прямо!» А по возвращении обсудить особенности моей походки и сообщить мне мнение о ней соседки — бывшей манекенщицы из окна напротив. Из меня хотели сделать внешнее совершенство, и я начала приписывать то же внимание

к себе и другим людям — как будто на подиуме. А так как общение было мгновенно и незначительно, да еще приправлялось такой странной специей, блюдо под названием коммуникация не могло стать съедобным. Зато в прошлом, которого было так много у тети, я ориентировалась уверенно.

Как доктор Хаус, я была беспощадна в разгадывании ее тайн. Для чего? Наверное, для продолжения и сохранения себя.

После тетиных рассказов старый центр, населенный замечательными людьми, энтузиастами нового города, предстал в своем новом местном величии, в эпоху собственного Золотого века, как всегда, наблюдаемого из эпохи упадка.

За долгую жизнь тете пришлось сменить не только несколько городов, привыкнуть к ним и потом от каждого отвыкнуть, но и принять в качестве постоянного пристанища город, так не похожий ни на старую Москву, ни на романтическую Читку — романтическую в глазах взрослого, оставшегося ребенком. Примирение наступило не сразу, помогло необъяснимое притяжение к русским царям, описанным сказкотворцами — особенно к Петру Первому. Пристрастие к его фигуре открыло двери восхищению Петербургом, а за неимением возможности там оказаться — удовольствием от мелькания его следов в облике Перми. Регулярность улиц, каменные львы у входа в роддом, неуязвимая сила пермского балета — все это, несомненно, очень радовало тетю и иногда она даже вплотную к этим отражениям приближалась. Так, наверное, радовал Петра Петербург — как отблеск виденной им Европы. Тетя вспоминала питерских львов, глядя на пермских из того же прайда, а Петр, глядя на петербургских, — флорентийских.

Чита была ее романтической родиной, Москва — «зеленым виноградом», средоточием амбиций, «местом сильных». В конце жизни, совпавшим с расшатыванием, развенчанием и раскрытием — тетя занимала себя тем, что вырезала из газет статьи про Сталина и его окружение, Хрущева и его окружение, Брежнева и его окружение, Горбачева и его окружение, Николая и его

окружение. Желание участвовать в жизни «двора», должно быть, не угасало.

И за десять лет до смерти она увлеченно читала воспоминания девицы Вырубовой, драматургию Радзинского (слушать его «завывания» она отказывалась). На другом полюсе стоял шкаф с моими книгами, вникать в содержание которых она раз и навсегда отказалась. Зарубежная литература признавалась только частично — и заканчивалась где-то после Ремарка.

Невмешательство привело к двум занимательным моментам. «А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер!..» сменилось на

*Вей, мистраль, властитель далей,
Туч гонитель, бич печалей,
Радость сердца моего!
Не одно ль предназначенье
Нам начертано с рожденья,
Чадам лона одного?..*

а в выпускном классе были прочитаны «Опасные связи». Да, когда человеческая душа еще больна — а она больна у всех после грехопадения, попадания осколков кривого зеркала в сердце и в глаза — многое видится не тем и не так. И это было бы банальностью, если бы люди не состояли из искажений. Сперматозоид ищет матку, слепо тычась в стенки влагалища, так и душа долго бредет вслепую, ожидая, когда одушевление произойдет. Иногда одного чистого события, единственного доброго побуждения достаточно, чтобы человек научился опознавать истинное и стремиться к нему.

Кто-то распознает по внутреннему трепету, дрожи или, наоборот, спокойствию.

Саша рассказывала мне как-то на перемене, что еще до школы однажды на даче вышла за калитку и побежала по деревенской улице, а вернуться обратно, найти свой дом не смогла. Она бегала вдоль заборов, но от испуга все дома казались ей одинаковыми. А тут еще начал накрапывать дождь. Саша заметила, как дорожка под сандаляками стала превращаться в скользкую и расплзающуюся глину и запаниковала еще сильнее. Тут на дальнем участке

распахнулась калитка, и Саша чутьем угадала там очертания мамы. Через миг она уже прижималась к ее животу. Саша утверждала, что мамино платье пахло непонятно, но теперь, когда жизнь ее поворачивала в сторону хорошего, Саша всегда чувствовала этот мамин запах, промокшие сандалии и тепло ее живота.

Внутри меня сидит гусеница, она вьет свой кокон, или деревенская девушка с прялкой, она наматывает пряжу, или Норна — представляю себе то так, то этак, и только мне известен тот момент, когда кокон начинает раскручиваться и из мумии появляется живое существо. Это заколдованный кокон — его задача спрятать бабочку обратно как можно быстрее, не дать свиться нити, еще лучше — сделать так, чтобы нить прервалась. И вся жизнь моя — это прорывание бабочки через кокон. Или это испуганная бабочка. Очень нежная и ранимая бабочка. Мучительно ее восстановление из гроба. Но оно ей уготовано раз за разом. Хитрость в том заключена, что может встать только тот, кто вспомнит, что он живой.

На концерте памяти Виктора мы с Сашей сели в последнем ряду. Мы впервые здесь были — умудренные и разочарованные десятиклассницы (следующий год — «выпускной») — в черном зале местного универа, все еще пахнувшего 1916 годом. Саша — заплаканная, я — готовая плакать вместе с ней. Горе заразительно, наконец-то я чувствую общность со всеми людьми. Флейтист группы, в которой Виктор играл на контрабасе нью-эйдж, раздаёт сидящим свечечки — те, что обычно ставят на именинный пирог. Пианист (через год он умрет от передозировки), медленно наигрывает самую известную композицию группы — он и теперь уже весь воздушный и светлый от злоупотребления трансом. Перевязанный черной лентой контрабас выпирает из маленькой сцены клуба. Вокалисту — говорят, он живет с двумя актрисами — с трудом дается привычная роль. Он предлагает всем взяться за руки и зажечь свечи. Но Саша не хочет ни с кем делить Виктора. Со словами «Как же это пошло!» она покидает зал.

На следующий день мы идем отрывать фотографию Виктора со стенда — там висит прошлогоднее поздравление учителям. Но нас уже опередили. У кого-то из наших, а может быть, классом старше, теперь есть его фото на память. На математике я вдруг спрашиваю себя, а как бы мы его поделили? Фото одно, а нас двое. Передавали бы друг другу, а еще можно было бы хранить его где-нибудь в школе: благо, маленькими мы ее всю исследовали — там, в подвале, где теперь раздевалки, а в годы войны стонали раненые, есть комната со всяким хламом. Мы ее зовем мавзолеем, потому что там лежит на боку гипсовый кудряшка Володя Ульянов, явно «списанный» со скульптур Христа эпохи Возрождения.

Или еще можно на чердаке — там мы играем, жаль только, что нам не пролезть на пустую колокольню (домовая церковь при бывшей тут когда-то гимназии) — ход закрыт намертво. Только и остается, что толпиться у входа. Там, в подвале, у нас есть тайник. И на чердаке еще один — камни старые и легко вынимаются, прямо как кирпичики российской истории. В начальной школе наша маленькая компания хранила в тайниках карты выдуманного мира и старые часы, а теперь в эти тайнички попали бы вещи посерьезнее.

Саша передала мне через парту записку. «Сходим после уроков на кладбище?» «Не могу, драгоценная, — накарябала я, — навещаю тетю в больнице».

Тетя подружилась с соседкой по палате и казалась даже веселой. Соседка, работала на ювелирном заводе: «Ну, ты помнишь, муж моей троюродной бабки добился открытия в нашем городе ювелирного завода? Тот, мимо памятника которому мы проходим в наш квартал к бабушке... Так вот, она до самой его ликвидации так и работала... Какое это было золотое время! В галерее начали изучать звериный стиль, тогдашний директор говорил, что искусство должно приносить доход, хотел наладить тут туризм — ну это они через поколение говорят, а туризма все нет и нет, но тогда наш известнейший краевед разрабатывал тропы

по области — вплоть до самых северных точек. Этот потом этот хитрый Шац присвоил себе все его архивы, да и не только его...»

Ну, тетины истории я уже на своей памяти вырубил.

С утра опять апатия. Мне 15 лет, хочется игры и приключений! Весь день впереди — одно школьное занудство, даже если и приправленное нашей фантазией, оно становится от нее еще более убогим. И человек, который в наших глазах жил играя, теперь лежит в могиле. А мы, 15-летние травиночки, шатаемся на ветру даже при тихой погоде, в надежде к кому-то прислониться. Но вокруг нас нет надежной опоры. Я знаю, что и Саша, притянутая ко мне подобием, обладает таким же еще не истребленным детским чутьем — она хорошо понимает, что попала в несомненно гиблое место.

Остальные одноклассники уже не вняли чутью — они поверили в то, кем их назначили и распределились согласно ролям. Возможно, когда-нибудь потом чутье вернется, и они ощутят дуновение ветра на кончиках пальцев, когда вернутся на начатую дорогу.

После уроков, оставив сумки в кабинете учителя физики и получив от него инструк-

ции, как найти Виктора, Саша и я дворами выходим на дамбу — отсюда начинается подъем к кладбищу. Могу сказать, что я в тот момент не боюсь смерти — зато опасуюсь, что нас оставили одних там, где мы совсем не ориентируемся. Хочется поскорее выбежать за дверь. Пока Саша наклоняется и покупает бумажный пакетик у одинокой бабки, сидящей на повороте к кладбищу верхом на деревянном ящике, я слежу за ее движениями мутным взглядом. Я иду к Виктору, чтобы проясниться, чтобы спросить у свежего земляного холмика с букетами и венками самое главное. Зачем я тут, откуда он уже ушел? И что мне тут нужно делать? Иду не из любви, а из безысходности и эгоизма. А еще из лени. Жду, что голос с небес выдаст шпаргалку.

И он ее выдает: «Ouvrez vos gros cahiers cosmiques! Откройте же, наконец, свои огромные космические тетради! Дуболомки, дурьи башки! Откройте их и начните сами записывать — за собой, а не за друзьями».

Саша тербит у меня перед глазами красные тряпичные цветочки.

Я иду назад.

Любовь Мульменко

Центры

Эта проза — выдержки из дневников, которые автор вел и публиковал в своем «Живом журнале». Время действия — последние три года. Место — Пермь, Москва, Севастополь, Сахалин, Хельсинки, Рим, Венеция и далее — везде. На фоне смены места жительства, чередования ландшафтов разворачивается еще одна линия — любовная.

Редакция

30 мая 2011

Ранней ночью в пятницу мы внезапно выехали с Рыжим и Жужиком на какие-то дикие озера, о существовании которых я не знала, хоть и люблю выпендриваться, что освоила Пермь вдоль и поперёк. Озера залегают напротив Закамска, надо просто проехать насквозь Заостровку (в Перми вообще много «За-»: Запруд, Загарье, Заозерье) и гнать вдоль берега Камы. Жу-

жик толком не знал, куда ехать, и вёл себя, как велосипедист: маневрировал полями. Мы опустили все четыре стекла и плыли в траве по самую ручку машинной двери, ветер — слышно, а близкой водой — пахнет. Реально почти как на велике, а не в автокоробке.

Озёра нашлись. Всего прекрасней длинный и узкий перешеек, где с одной стороны Кама, а с другой — огромное озеро шири-

ной с Каму, какова она в этом месте. Жужик вспомнил, что где-то в этих краях существует деревня Петровка, куда он отроком катался к бабушке. Час, наверно, искали правильную тропу до Петровки, постоянно упираясь в тупики. В каждом тупике прямо на дороге лежали у тлеющего костра сытые алкоголем рыбаки и смотрели звезды. Одного мы чуть не переехали, но он простил.

3 ноября 2011

Была по случаю у Камы, в зоне Речного вокзала. Писатель Иванов сетует на то, что пермяки отрезаны от своей реки, всё неумно организовано, приходится переться по горам, набережная — говно, железнодорожная ветка между Камой и городом — не в тему. Неумно, да, и, да, говно, но — справедливо. Хочешь посмотреть великий водоем — плати усилием, терпи неудобства. Это как в православной церкви — никаких скамеечек, службу надо отстоять, не отсидеть. Я сегодня отстояла Каму и рада, что у меня был труд, а не развлечение.

Я знаю, кроме рек, и горы, но горы не то. И в горах, конечно, восхищаешься широтой жеста создателя, но горы не шевелятся (камнепады с лавинами не в счет), а река течет. В реку можно залезть целиком, а внутрь горы — нельзя (пещеры не в счет — тоже). В горах я думаю только: как много места на свете. У реки я думаю: ничего не страшно, всё в мире навсегда.

А потом отходишь от Камы, звонит тебе кто-нибудь, у перекрестка на светофор отвлекаешься — и снова глупая. Снова очкуешь помереть, и что люди тебя разлюбят.

1 декабря 2011

Шеф в Москву переехал. Плюс одна карточка в галерею милых лиц, за которыми нужно специально ехать из Перми 21 час на поезде. Когда я не в галерее, а далеко, я мысленно раскладываю пасьянсы из слайдов. Кроме людей, там еще интерьеры с экстерьерами.

Нажила себе постепенно всякой памяти в вещественном мире Москвы: квартиры, улицы, станции метро.

В., пять лет назад: «Люба, переезжай в Москву, там всем на тебя наплевать, это то, что нужно».

В., месяц назад: «Люба, не вздумай переезжать в Москву, там тебя ждет одна только праздная болтовня с творческими людьми, работать в этом городе невозможно, я проверяла».

Оба завета — правда, и про наплеватьство, и про болтовню.

Самое большое, что Москва дает — это чувство, что я одна, сама. Дома я неизбежно к кому-то прислоняюсь: к Жужуку, к маме, к стене обжитой, присвоенной квартиры. В Москве я с людьми держусь за руки так, что тепло пробирает, но если руки разнять — не упаду. С другой стороны, они рук и не разжимают, мои московские люди, с чего бы им. Это ведь именно когда прислоняешься, у несущего человека возникает позыв высвободиться, отойти на шаг. Интересно, хорошо ли это — прожить всю жизнь на ногах и с прямой спиной, под углом девяносто градусов, не наваливаясь на соседей. Наверно, хорошо, красиво. И грустно, как в тюрьме с ее правилом трех «не».

22 января 2012

Я же так люблю Севастополь. Мне нравится думать, что я там живу: это была бы прекрасная жизнь. Прекрасная — и вроде не моя.

Или Москва. Тоже люблю, да и объективные есть резоны переезжать, не только чистая лирика, как в случае с Крымом. Но опять: прекрасное и не моё.

В ежедневном режиме Пермь скорее раздражает, чем трогает. А чаще — вообще не осознается как реальные обстоятельства

жизни. Условный фон, необязательный, случайный. Но у Перми есть со мной четыре законных раза в каждом году. Когда приходят весна, лето, осень и зима. Когда мир меняется, и я это понимаю сразу, в один момент — когда меняется цвет улицы, свет неба, запах воздуха и вкус сигареты — так вот, когда я понимаю, что наступило следующее время, я понимаю, что нахожусь в правильном месте. Правильно праздновать первое сентября там, где стоит твой университет, можно даже не ходить в кампус, достаточно того, что весь город, включая участок, университетом занятый, покрыт одним куском неба. Вы подключены к одной сети.

Радость, даже счастье подключения к сети действует всегда отрезвляюще. Так перед смертью вспоминают, кого любили на самом деле. А потом забывают опять, если смерть не удалась.

Мне кажется, что если я буду жить в другом городе, то весна наступит незаметно, без великого оркестрового вступления, поднимающего всю твою жизнь, начиная с самого дна, — а это все равно что она вообще не наступит.

Я не культивирую в себе малый патриотизм, сверх того, я думаю, что его отчасти питает инфантильная трусость, боязнь открытого пространства. Точнее, любовь — к замкнутому. Клаустрофилия.

Иногда, впрочем, находит: клаустрофилия сменяется клаустрофобией. Невозможно жить в городе, где с тобой произошло столько. Слышать постоянно, куда ни бежала б, всю музыку, которой не унять. Если только ты не принял религиозное решение умереть именно тут, в эту землю и лечь, если тебя в целом больше как-то к земле клонит, чем наоборот. Тогда — пускать корни, все глубже и глубже, и звук выкручивать на полную мощность, все-все-все пермские голоса. Но я думаю, что я так не сделаю. Линейность пугает еще больше, чем отсутствие границ и ненаступление весны, а из двух страхов надо меньший.

Я просто сегодня увидела, как небо коптит цвет, а солнце мощность, оркестр уже настраивается, это заметно, а вчера — ходили с Жужиком на концерт Г., в тот самый сетевой университет. Г. — не город, не весна, а человек-музыкант, но кроме всего прочего он еще и крестраж. Тот самый нерегулярный пятый в году раз с Пермью, акт ностальгической любви.

19 июня 2012

Прожили с шефом десять дней на Сахалине и соорудили документальную пьесу «Плывёт». На афише рыбонька, такая, рисованная этнорыбонька — не то пермским звериным стилем веет, не то Камвой. Короче, красиво.

Вообще, Сахалин — красиво. И — важно.

Если я захочу однажды избавиться от жизни, которая есть и была, то есть не помнить и не знать и не соотноситься — я поеду на Сахалин. Здесь есть чувство абсолютной изоляции, альтернативной суши, может, даже шире — земли. Остальной мир как бы отменяется. А этот мир, сахалинский, — его достаточно, он глубокий. На человеческую жизнь хватит.

Еще тут легко на своей человеческой жизни сосредоточиться. Легко ни за кем не следить и ни перед кем не рисоваться. Интернет медленный и дорогой, wi-fi в кафе — диво, и такое чувство, что это не техническая проблема, а мотивационная: просто Интернет людям не очень нужен. То есть, на самом-то деле, проблемы и нет. Никто не залипает в телефонах, лент не листает, в телефоны здесь только звонят. Зато каждый второй ходит на рыбалку и просто в лес. И каждая вторая.

А Москвы — тупо нету. Девять часов до Москвы по воздуху. И плюс семь часов по часовым поясам. Когда тут утро, там — вечер, и наоборот. Ничего общего, несусветная даль, просто Африка какая-то, пусть

е...ся там в своей Москве, как хотят. Зато Японию в хорошую погоду видно из-за моря, говорят, даже без бинокля, просто глазами. И до Америки лететь — ерунда. Короче, другой глобус. Другая точка сборки шарика.

В самолете учила матчасть, то есть читала «Остров Сахалин», и завидовала Чехову. Не про то завидовала, как он подбирает слова, хотя он подбирает дай Бог каждому (и, кстати, языковая мода сделала очередной виток — этот текст снова читается как современный, а еще, допустим, лет десять назад — читался бы как старинный). Зависть — про другое. Вот едет человек в неизвестность, тратит несколько месяцев жизни на путешествие и ни на что не отвлекается. Это же роскошь: просто оставить себе одно конкретное дело и неспешно, тщательно его делать. Катишься, глядишь в оба, и что увидел — то записал. Каждой березке уделяешь внимание, не говоря уже про людей.

2 августа 2012

Пока ехали на автобусе из Хельсинки, я подумала, что Финляндия — это как если бы магазин «Икея» разросся до размеров города и страны. То есть всё-превсё, вплоть до уличной фурнитуры — урны, скамеечки, бордюрчики — как будто придумано авторами «Икеи». И трактор, который шерудит у нас на лужайке, да и сама лужайка — всё от них.

Глаз ищет шероховатость, асимметрию — и не находит. Глазу остается только скользить по красоте. По функциональной красоте, по опрятной. Тут ничего не грязное и ничего не сломано.

Я чувствую себя носителем русского деструктивного гена. Гена хаоса. Мне все время кажется, что вот-вот я что-нибудь невольно сломаю или испачкаю. Погну. Нарушу. Оскверню. А может, и не невольно. Может, мне просто хотелось бы поддать энтропии. Ну, сделать мир таким, каким я его люблю. Миром, где не исключена глупость.

«Икея» вокруг не оставляет на глупость ни малейшего шанса.

С другой стороны, как-то же они живут и умирают в этих декорациях, в этой пространственной логике. Дают трэшака. Е...я втроем на удобных белых кроватях, вешаются на удобном потолочном крюке, режут друг друга ножами по синьке. Ну ведь на-верняка же!

Правда, непонятно, где все эти финские люди вот прямо сейчас. В этот солнечный день. На улицах никого. Детские площадки без детей. Лавочки без парочек. Автобусные остановки без тех, кто ждет. Не то мир после лангольеров, не то павильон для киносъемок Гиперреалистичные декорации.

А что, если вокруг ничего не грязно и не сломано потому, что на самом деле люди здесь и не живут? Вдруг люди ушли, и только немые горничные из «Икеи» раз в неделю посещают города и пригороды, чтобы смахнуть пыль с поверхностей?

Дождь Финляндии к лицу. Пустые улицы, заливаемые дождем, как-то естественнее смотрятся, чем пустые — под ясным небом. Когда финский дождь падает на подстриженные финские газоны, не похоже, что это дождь с небес, похоже на то, что просто кто-то включил икеевскую поливальную машину. Это не стихия, это влажная уборка. Душевая кабинка.

Всю жизнь, кстати, побаиваюсь душевых кабинок, что-то есть в них нечеловеческое. Как будто в робота залез, да еще и голенький.

Поделилась этой мыслью с Максом, а он мне в ответ другую, гораздо лучше: Нам весело, потому, что живем в ужасе и города внутри взорваны. Это дает иллюзию цели. Есть о чем говорить, есть плоские крысы, которых можно красить. Но это все пустое! Это уральская школа. Цели начинаются там, где лес стрижен. Где среда молчит с тобой. Где просто ты, где стерильно и загробно.

<...> Но я благословляю Финляндию. Любой живой человек в ней — нигде. Ему не забыть, что он временно, а лес, камни, дороги и домики — дольше. Ну так с этого и надо начинать. А у нас столько всего, проснуться нельзя — х...я вокруг не дает.

31 августа 2012

Из последних сил, ничего не суля и не ожидая, повстречалась в Перми со своими пацанами. И вот это был день радости.

Все приходили как-то неодновременно, приятными сюрпризам и сами собой. Сами собой менялись места пребывания и темы говорения. Жизнь происходила. Меркушата и Козлики. Семакин — не смущенный. Черепанов — прекраснотушный, кстати, ноль социальной критики и даже персональной — ноль.

В шесть утра я шла, как студент, по Комсомольскому проспекту — в одной руке Леонид, в другой руке Алёша. Казаки(!) на пермском Арбате(!) запрещали нам пить пиво из бутылочек. Виногато запрещали, кстати, почти оправдываясь, что портят веселье, а мне хотелось сказать им спасибо, потому что они, конечно, веселье нам только умножали.

Никак не совпадем с В. в Перми. А в Москве В. не бывает, ей туда нельзя. Ей туда нельзя потому же, почему мне нельзя, видимо, больше в Пермь. Геннадий Шпаликов про места, куда лучше не соваться, написал один простой стих.

В смысле, мне в Пермь можно, но не огульно, не между делом. Это теперь мощный инструмент воздействия на психику. Готовиться к такому путешествию надо, как к наркотическому трипу. Не малую родину проведать, а добровольно ухнуть в воронку, которая тебя проглотит, поболтает и отпустит, если выдержишь.

Вот улица Ленина, здесь раньше шлюхи стояли, а мы шли глухой зимой, я и Пожар-

ник, и он стрелял у шлюх спички прикурить. А Жужик бежал от нас по той же улице Ленина, до самого дома, до микрорайона Зеленое хозяйство, как заведенный. Это всё исхожено, присвоено, кровью пропитано, как земля города Севастополя — кровью солдат за две войны, только тут кровь не солдат, да и не кровь, не биохимический, а другой состав.

И оно меня провоцирует, пространство. Провоцирует самоустраниться, не выдержав прессинга. Перестать любить, чтобы перестать страдать. Отречься от себя оно предлагает — ради упрощения. Сделай свою жизнь выносимой, как бы говорят мне. Рубашки в шкафу говорят, эксплуатируемые с 18 лет. Занавески на кухне говорят — довольно-таки свежие занавески, из новейшей уже истории.

А я им отвечаю: ну уж нет, режьте меня, это я, и я люблю, и вы ох...те ждать, пока моя любовь кончится, ох...те ждать, что я перестану жить свою невыносимую жизнь ради какой-то щадящей.

Моё зрение — минус семь. Подруга детства Ира, когда стала то ли кришнаитом, то ли кем-то еще в восточную сторону, объяснила, в чем причина. Это, говорит, просто тебе в прошлой жизни не хотелось ничего видеть, что происходит вокруг. В следующей жизни у меня будет, видимо, единица. Я хочу видеть всё, и поэтому вообще не отвожу глаз. Я смотрю и смотрю, пока не зарябит, пока пятна не начнутся, плавучие круги, или пока не станет окончательно темно.

18 октября 2012

С удовольствием хожу на работу каждое утро. На работу на Лубянку, в статный Политехнический музей, к школьникам. Я соскучилась и рада, что меня обязательно ждут где-то в урочный час, и этот час ранний. Что отправляюсь куда-то вместе со всем городом. Мне очень нужны заданные маршруты, в которых есть какой-то смысл.

Прямо сейчас, в таком же точно октябре, в деревне Удалы Скарлетт грубо лепит свои пирожки, ее младенец спит или орёт, ее муж спит или смеется, за ее окном мчат электрички, часто, эта ветка популярная, направление так и называется — главное.

Я не поеду в Пермь 19-го, съемки откладываются больше чем на неделю, не видать мне бани, не смотреть с пригорка электропоезда. Невозможно поверить, что каждый день на свете живут эти мои люди, с руками просторными и мягкими. Невозможно поверить, что где-то жизнь не еб...ит ломаной линией, а течет, и что раз течет, к ней же можно припасть. А я стою очень прямо, я ни во что не уткнулась, я стою на спор, на самый честный спор, потому что и когда никому не видно, я всё равно прямая. Я жду зеленого света, даже если на километры вперед ни одной машины. Всё дело в зеленом свете и в доверии. Мое доверие к тому, кто его зажигает, безгранично.

20 октября 2012

Школьники написали к пятому дню учебы свои беспощадные пьесы.

Практически всех понесло в эпиду, в судьбу человека. Не день из жизни, не неделя, а вся трасса целиком. Счет на десятилетия у них. Встреча спустя годы. Друг не узнал друга. Поэт не узнал лиргероиню собственного стихотворения. Парень мотается по галактике, колонизирует планету Новая Земля-2, а на старой Земле, на обычной, его ждет девушка.

Девушку зовут, что характерно, Нора. Их практически всех как-нибудь так зовут: Дамиан, Кристофер, Жаннетт. Ясное дело, разве с Машей или с Колей может случиться что-нибудь интересное, и не в космическом будущем, и не в средневековом прошлом, а сегодня?

Мы им установили лимит в 7 страниц, не развернешься особо с описаниями, с поступательным развитием сюжета. К тому же,

школьники — повторяюсь — мельчить были не настроены, школьников манил романтический или даже саговый масштаб. Им бы многосерийный фильм сочинять — с флешбеками, со всеми делами, а тут такая вынужденная нищета.

Пришлось школьникам упикивать длинные жизни героев в десяток коротких сцен. Всё происходит стремительно. Герои мчат по главным точкам: родился — женился — совершил важное научное открытие — развелся — опять женился — предал — потерял память — убил — убит. От всего человека нам остаются только главные точки.

Один за другим я читала биографические конспекты в диалогах — сверхплотные, без воды и без воздуха. Вот так люди, с которыми еще мало главного произошло, разноцветывают эту абстрактную тетрадку. Такая у них селекция судьбоносных событий.

Выборы школьников не странные — понятные. Крупное событие отличить от не крупного можно даже при скудном практическом опыте ужаса и счастья. Опять же, из скудности опыта вытекает наглость. Они так лихо швыряют героя в любовь, в прощание навек, в смерть, так легко даруют ему встречу жизнь спустя, так походя лишают всякой надежды, как даже сам господь Бог остерегается иной раз, и смягчает углы.

Театр — вообще, грубое искусство, точнее, крупных форм такое. Историю в театре надо рассказать быстро и выпукло. Давление на зрителя должно быть сильным и частым. Ковальская с Греминой сочинили талантливое определение — чем театральное искусство отличается от киношного и, тем более, телесериального — «интенсивностью переживания на единицу времени».

Мы в театре как бы показываем жизнь неослабевающего драматизма, показываем строго горку: либо герой в нее лезет, либо ё...ся с неё. Плато — только подразумеваем. Что, ну, где-то, когда-то, когда нет горки, есть прокладки, люфты, воздушные подуш-

ки, на которых герой возлежит, и с ним не происходит ни-че-го. Ничего особенного.

Киноартаус, видимо, взял на себя функцию антитеатра и интересуется только подушкой. Микродействиями, микрособытиями, самой жизненной тканью, а не швами и не зонами разрыва. Весь фильм может быть как подушка. Просто лежит подушка, легкий ветерок выдувает из нее перышки — и так полтора часа. Если режиссер задорный и любит движуху, экшн, — в финале подушка красиво лопается.

На подушке, интересно, я сейчас, или на горке? И что считать жизнью — то или это? Жизнь — релевантной, действительной, которую уместно пересказать, когда я умру. Чтобы сразу стало понятно: вот такой был человек, вот это составляло его существование. Когда я существовала как я — когда горки, или когда подушка?

И — самое главное — пока я еще существую в настоящем времени: как не перепутать одно с другим, главную точку с проходной? Не засыпать в горах и не лепить из подушки роковой тотем.

Я в этих делах дурочка, мне всю дорогу кажется, что я в горах, даже если я в постели. Я во всем подозреваю точки бифуркации. Поэтому, зная, что слабовидящая, точнее, что дальноразоркая, я благоразумно отмахиваюсь от видений и проё...ю, бывает, настоящие горы. Мальчик зря кричал: Волки! Волки! — и его по привычке не спасли. Я кричу: Гора! Гора! — и сама себе не верю, слишком много уже было ложных вызовов. А иногда ведь и на самом деле, гора — это гора. Отошел — и видно, издалека. Четко, с координатами, с высотой пика. Отсюда моя жизнь пошла в другую сторону, а я все проспала, я думала, так, просто гуляем.

Весь хребет, всю горную систему покажут, наверно, потом. Талантливо смонтированный трейлер с живым звуком — на экране в целое небо. Кодой.

Там, среди прочего, обязательно должна быть не метафорическая, а реальная гора. На мне рубашка в сине-белую клетку, я ее купила в секонд-хенде, а потом она ушла по реке, утопла. Ноги насквозь мокрые, хотелось идти через лес легкими ногами, и я вместо берцев или сапог надела кеды из тряпки. Весь час ходьбы к подножию земля оттаивала под ступнями, ледяная лужа переселялась от почвы — под пятки, и я шла как босая, терпела и гордилась, что даже такое страшное физическое испытание мне нипочем. К тому же, я не просто наблюдаю весну, я себе сделала инъекцию — укол снеговой водой в самое тело, весна не вокруг, а буквально — во мне. Солнце нагревает лужу на земле. Я нагреваю лужу в кедах. У нас общее дело, я — часть процесса, субъект природной политики. На вершине мы фотографируемся на пленочную мыльницу. Мы еще не знаем, что за карточка получится, а она получилась хорошая. Небо такое синее, а мы такие дураки.

И это была моя подушка тогда. Моя подушка была набита горами, лесами, речками, Жужиком, университетом, ночевками по друзьям. Много, много перышек, хороший объем.

В сущности, в моем трейлере, в трейлере меня, — может быть много красоты. Севастопольские корабли. Японское море. Таймырская тундра. Есть где развернуться операторам.

Мой трейлер будет нескучный, с частой переменной локейшенов. С редкой переменной главных действующих лиц. Но вообще, лиц получится много и разных.

Мой трейлер будет смешной.

Мой трейлер будет похож на пьесы моих школьников.

25 октября 2012

Есть часы налёта у капитанов воздушных судов, а у меня многие, многие часы находа,

нагула — как раз в урочном подростковом возрасте. Я всю Пермь исходила пешком, а Пермь, кто не знает, длинная и неровная. Теперь я опомнилась много лет спустя и гуляю Москву: жанр, оказывается, не сдох. Да и я.

С каждой прогулки приношу ворох отпечатков, как записки на салфетках, такие. Малости от людей, сиюминутные доказательства чьей-то жизни.

Мое чувство к Москве очень простое, в одно слово. Я Москве благодарна, она мне много чего вернула. И она пока ничему не помешала, ума не приложу вообще, чем этот город может помешать человеку. Город, где тебя никто не насилует, город доброй воли.

Но как же, спросите вы, ведь они прямо тут и находятся: казематы, где томились Пусси Райот, дворец, где восседает сам. А это не в городе. Это — на свете, это — по игре людей, а не по жизни Москвы. Москва стоит почти тыщу лет и х.. кладёт: вот, говорит, вам моя историческая правда и глубина, живите, чувствуйте ее и отъе...сь.

Да, казематы. Бросила следить за повесткой. Сначала было честно интересно — с прошлой зимы, ну и, до начала лета, может. Потом уже инерция: нарочно усаживала себя за чтение ленты, стыдно не быть в материале. Но теперь как-то еще стыднее добровольно бывать подолгу и регулярно в неинтересном материале, в одинаковом материале, в тавтологичном, в стилистически убогом. Я чувствую, что не могу быть полезной здесь. И даже вредной — не могу.

В «Твиттере» я радуюсь, когда пишут школьники. Никогда не угадаешь, куда их понесёт, про что, как они победят пунктуацию, сколько скобочек нарисуют и в какую сторону. Алгебра, умираю, пишут они — и почему-то латиницей. Umīraju. А КС не пишут. Кашина не ретвитят.

Вообще, хочу читать только школьников, стихи, некоторые письма и обязательно объ- явления на столбах. Гуляли с Максом, наш-

ли на стенке: «Семья супергероев снимет квартиру в вашем районе. Двушку, потолки не ниже 7 метров, желательна с парковкой на крыше, титановый санузел. Славяне. Своевременную расплату гарантируем. Восстановим справедливость в жэке». Кремль, кстати, в нашем районе. Кремль надо сдать славянам, чтобы они восстановили. Телефон прилагается. Контактное лицо — Красная фурия. Славяне ли это?

Вынести, конечно, можно всё, что угодно, кроме неувидительной жизни.

Вот я и выношу всё — через непрерывное удивление.

31 октября 2012

Прочитала пьесу «Иллюзии». Там детектив о любви. Триллер. Две семейные пары старичков разбираются промеж собой на смертном одре: кто кого чего. И сквозной вопрос: что было любовью? То, это, то и другое оба, или вовсе ничего? Четыре варианта. Они себя буквально терзают. Нечем больше озаботиться, можно подумать, перед смертью. Может, и нечем, кстати, не знаю.

Сколько-то лет назад я пришла опять к В. с повинной. Ах, что же мне делать, Жужик такой хороший, но где тогда счастье? В смысле — хороший? — спрашивает В. Ну, Жужик, говорю, это если не счастливая жизнь, то счастливая смерть. Отложенное счастье, долгосрочная инвестиция. Я буду старенькая, ни один прохожий через бабушку меня — осевую — не прочтёт, мама умрёт, все взрослые любимые люди умрут, а Жужик останется. Единственный носитель знания, носитель зрения, которое позволит ему разглядеть даже через бабушку — вот она я. Просвечиваю. Ну и стакан воды. Тот самый, поэтизированный, пресловутый. Поднесение стакана, гарантия.

Так не будет, сказала В. При прочих равных — так не будет ни за что. Жизнь ведь справедлива в том смысле, что каждому по-

лагается весь спектр переживаний. И если сейчас и всё предыдущее половозрелое время Жужик живет с женщиной, которая не любит его страстно, то он однажды возьмет опыт страсти, обращенной на него. Придёт кто-нибудь, она — и пригласит. И он пойдёт, потому что это его обязанность живого человека. Нельзя манкировать мобилизацию. Можно, разве если только у тебя такая специальная идея: хочу прожить не целую разную жизнь, а упориться в кусочек. Да что Жужик! Ты сама — ты хочешь пойти куда-то еще в остальной мир, или у тебя идея о добровольной изоляции, за верность которой полагается награда в виде предсмертного стакана?

Идея — важно. Идея — алиби. Аргумент. Если с идеей идешь по судьбе, то отвечаешь по итогам не перед судьбой, а перед идеей. Я не прое...л, я раньше придумал систему — и в моей системе это был не про...б, а на против.

Очень жалко, что у меня нет идеи. Это от скромности: я не считаю, что в состоянии сочинить идею лучше судьбы.

Вижу В. часто: тем чаще вижу в голове и в сердце, чем реже на самом деле. На самом деле В. в теперь в Петербурге. Живёт в доме с решетчатым лифтом, с потолками, полами, с величественной сыростью, с достоевщиной, декадентщиной, со всей этой х...ей, которая меня не прибавляет к земле масштабом, а наоборот — тяготит претензией. На вечность. Вечность — в других лежит широтах. Не плачьте в мансардах о бренном, о многозначительной благородной разрухе, плачьте в ёлках от радости, что ёлка вас переживёт. Ёлка не превратится в винтаж, ёлка честно умрёт однажды, и, умерев, еще пригодится. Костром, вешалкой, столиком.

Питер — город победившего винтажа. В. — ёлка. Зачем они теперь вместе?

Как-то раз В. написала мне: «И даже, думаю, тебя не минует ужасный какой-нибудь

день (не пророчествую, не дай бог!), но тебе зачем-то дано чувствовать и, значит — готовься. Но быть готовым не значит — остерегаться. Значит — просто быть готовым. Не ждать и не бояться, не хорохориться и не плевать. И — опять банальность — жить, пока можешь».

В., я очень, очень стараюсь.

11 ноября 2012

Если человек прожил много историй и прожил глубоко, внимательно и беспощадно, он делается как бы over-educated и не может больше смотреть на вещь в отрыве от контекста. Не может слышать один новый чистый голос. Этот голос сразу автоматически встраивается в сложное многоголосие жизни.

Ну это как прочитывать миллиард книжек и палить потом во всех последующих аллюзии, отсылки, переклички.

Я — такой человек. Причем я не про книжки сейчас говорю, книжки как раз получается нормально читать. У меня плохая память на литературу, и перфектная — на моменты судьбы.

Зима никогда больше не придёт ко мне просто так, одна. Она придёт ко всему моему зимнему опыту, к двадцати шести зимам. Мы никогда с новой зимой не будем наедине, я ее не услышу в общем гуле зим. В гуле — а еще потому, что когда первый снег падает, у меня сжимается сердце, сжимается и слепнет.

Когда я вижу осенний призыв на вокзале, солдатиков в форме, — у меня сжимается сердце. Потому что Жужик уходил так.

Чем дальше — тем меньше минут, когда сердце не сжимается.

Через сколько-нибудь лет мне, наверно, пальчик покажите — сердце сожмется.

Может быть, после этого человек и умирает — когда сердце не разжимается вовсе, когда ичерпан лимит переживаний, когда всё на свете, каждое микрособытие — повод для сердечного сжатия. Все просто живут с разной скоростью в этом смысле, и поэтому умирают в разном возрасте.

Я в поезде посмотрела все свои старые фотографии и всё поняла. Расшифровала, как археолог — наскальную живопись. Всё-всё видно на этих фотографиях — всё настоящее и всё будущее — и как это я раньше могла не видеть? Как я вообще раньше могла — многое это чудовищное всё?

29 ноября 2012

Искала вечером под новым снегом Новую Басманную улицу, дом 26. Загадки для сказки — хорошо. Снег — тоже. Дом 26 — плохо для сказки, потому что там больница, а в больнице подруга Анёла. Я несу ей передачку: полотенца, пироги и, кстати, опять-таки сказки — Г. Х. Андерсена.

Кто москвичи с детства — те не поймут, до чего же удивительно, непостижимо для немосквича, что в этом городе можно вызвать скорую помощь и уехать на ней в больницу, которая еще и стоит до кучи на Новой Басманной улице. «Басманная» — слово из федеральных новостей, один из множества топонимов, которые имеют отношение к чьей-то истории и красоте, но не к тебе же, не к повседневной жизни, не к булочным, не к поликлиникам. Кажется, что вся Москва открыта тебе строго в режиме гостевого визита. Живи, ходи, разговаривай, делай что-нибудь — только не вздумай болеть и умирать. Ну, как в музее табличка «руками не трогать». Музей лежит перед тобой — зримый, материальный, но это понарошку. Перемещаться разрешено, прилечь на пол отдохнуть — извините.

Я вот даже не знаю, по какому телефону вызывать скорую. Наверно, специальный какой-то номер, московский. Или

просто ноль три? Как везде? Так или иначе, Анёла вчера верный номер выяснила и умчала в результате на Новую Басманную. Врачи скорой помощи оказались такие большие, такие красивые русские люди. Дедморозы. Пришли и всё порешали. Это и есть главная скорая помощь — когда приходит конкретный взрослый человек, который точно знает, что надо делать, а тебе — тебе великодушно разрешает не знать. Это — счастье.

Навещать можно до 19.00. Я приехала в 20.00, у центрального входа топтался парень. Подергала дверь — не дергается. Парень говорит: закрыто. Я у него честно и сразу спросила: что делать? Не знаю, малыш, ответил парень. Я стою с пакетом пирогов на пустой Новой Басманной в меховом капюшоне, как Красная шапочка в лесу, и понимаю, что сейчас расплачусь от того, что Волк назвал меня малышом. Так уж он угадал.

— Ты вот что, — сказал Волк, — ты обойди больницу справа и увидишь такие большие черные ворота. Тебе туда.

Я беспрекословно послушалась, обошла. Врата, железные! А у врат — опять Волк. С другой стороны, что ли, обошел, непонятно. Волк мне обрадовался. А, говорит, ты уже здесь! Я тебе помогу.

И Волк попросил охранников за меня. Чтобы взяли передачку: у нее там парень, ей очень надо. Решил, видно, что я жена декабриста, хотя я в данном случае — подруга Анёлы.

Оказал скорую помощь и ушел в метель.

11 декабря 2012

Когда я смотрю в окно, я сразу понимаю, что я в Москве. Из предыдущего окна Москва была не такая очевидная. Там двор, а тут штрассе. Садовое либо стоит, либо несётся, но всегда громко. Часто с сиренами. Скорые

помощи, скорые полицейские, все круглосуточно торопятся спасти или губить человеческие жизни.

Господи, да почему у нас на районе веч-но кто-то помирает, спрашивает Анёла.

Господи, почему не только у нас на райо-не, почему вообще, — это уже я спрашиваю.

Говорят, жить — тяжело. Жизнь такая тяжелая. Но жизнь не тяжелая. Тяжелое — это же вес, груз, его надо тащить. Преодоле-вать силу тяжести, эту, гравитацию — пра-вильно, Жужик, я не перевираю сейчас физику?

Жизнь наоборот слишком лёгкая, вот из-за чего она кошмар. В ней трудно дер-жаться и не улетать. Зазевался — и улетел. Умереть — легко, страдать — легко, осуж-дать людей — легко, ёб...ся умом — легче легкого. Искать вес, а лучше — создавать вес, делать жизнь тяжелее — единственная надежда хоть как-то здесь побыть, хотя бы что-то успеть рассмотреть в окошко несущейся скорой помощи. Подмигнуть дорого-му человеку через стекло.

Дорогой человек — тоже вес. Шанс по-жить тут.

Ни одна мировая религия бы меня не оправдала. Они все как-то пренебрежи-тельно относятся к «жизни тут». Готовятся к «жизни там» как к Новому году, наряжают ёлку по правилам, режут салат. Семейный праздник. Приличный праздник. Не Валь-пургиева ночь какая-нибудь. Милости про-сим всех в лоно: умытыми и легкими. Осо-бенно если вы индуист — тогда совсем уж умытыми, невероятно легкими, иначе ёлоч-ка не загорится, Санта не примет, не умчит на оленях, а в оленя превратит, и уже оле-нем, опять оленем — мотать срок.

Скоро Новый год, кстати. В смысле, обычный, не метафорический. Метафориче-ский — не знаю, когда.

23 декабря 2012

У нас на площадке неделю назад вместо стекла в окне стала фанерка. Когда ходила курить, запалила перемену. Зачем, думаю, выбили — дураки. А вчера мне соседка и говорит: «Это же человек выбросился! Вот она, Москва: никто и не заметил». Полный двор милиции, дескать, был, врачи, на за-боре воооот такая вмятина от того человека, а жители дома всё проморгали, пробегали, просидели в Интернете.

Задумалась, такая ли уж это московская история. В Перми, можно подумать, все веч-но начеку. Только и ждут, пока кто-нибудь самоубьется.

Стекло уже вставили новое. Москва! Ди-намичная жизнь.

Люди переживают корпоративы. В ка-кой кабак ни сунься — повсюду новогодний тимбилдинг. Хочется тоже идти в платье и диадеме к коллегам, но какие могут быть у индивидуальных предпринимателей корпо-ративные вечеринки? Хотя, есть «шапки» — оргии по случаю окончания съемок. Новый год раз в 365 дней, а «шапки» — сколько снимешь фильмов, столько их и будет.

Через пару часов я поеду в Пермь. На поезде, медленно, с видами России. У меня спокойное рождественское настроение. Я везу маме и налоговой службе подарки. Я собираюсь гулять по улицам города и одной дружественной деревни. Я запаслась очень теплой одеждой. Платьями тоже запаслась, выйду в них к своим пацанам, буду играть как будто у меня корпоратив в корпорации пиратов.

Так странно вообще: уезжать не в пани-ке. Нет хвостов, нет сложных стыков с само-лета на самолет, мне не дышат в спину, меня не торопят, меня не тормозят. Я могу делать всё что угодно и не спеша, даже из окош-ка подъездного могу выскочить, как наш сосед-невидимка. Пример случайный, без

всякого зловещего смысла, я просто пытаюсь подобрать слова для своего редкого покоя, покоя особого рода. Когда тебя никто не ждет, и никто не догоняет. И ты сам — не ждешь и не догоняешь.

19 февраля 2013

За четыре дня в Риме — и особенно за четыре дня в Венеции — у меня отдохнули глаза.

Тут не при делах архитектурная или живописная или еще какая-нибудь рукотворная красота с историей. Не Ватикан, не Пантеон, не вулканическая плитка мостовой, не нарядные люди. От рукотворной красоты глаза наоборот в работе. Сначала в работе, то есть, пока первые приходы, а потом привикают и становятся бесчувственными: костёл уже не костёл, а баян. Не попадает: как стотысячная ёлка. Хотя с ёлками неудачный пример, меня иногда на сто тысяча первой ёлке жаром обдаёт, но ёль-то из природы, а костёл — из человеческого мастерства.

Короче, мои глаза неделю отдыхали на воде. В Москве сильно не хватает большой воды, не спертой. Как вот бывает спертый воздух — так же спертая вода.

В Италии реки отпертые, распростертые. Потом, они хорошего для меня цвета. Приятного.

В районе моста Гарибальди через всю реку нехилый слив, метра полтора, с пенной бочкой, а подальше если пройти, там еще пороги, выглядит бодро. Интересно, по Тибру сплавляются ли спортивно, как по родимой захолустной Койве?

Шеф сказал: Ты понимаешь вообще, что Тибр бывал насквозь красным от крови? Что трупы в нем плавали тысячами!

Койве такое и не снилось, поэтому ей и спокойнее спалось. Она не вступала в эпические отношения с людьми. Великие полководцы не мочили в ней ступни. Деревья

в нее падали весной, пьяные туристы тоже падали, бобры строили дома, и вот она как-то ближе к бобрам. Никакого культурного наследия.

А у Тибра вон какое.

Тем удивительнее, что две реки с разной судьбой на одном содержательном перекрестке равны. Если выпустить ребенка, не отягощенного исторической памятью, сперва туда, потом сюда, он сразу определит одно и то же вещество. И поступать будет тоже одинаково: полезет. Ничего, кстати, не имея в виду, как птичка. Не нарушит карму ни Тибру, ни Койве.

12 марта 2013

Позвонила из Перми Скарлетт — по межгороду. Сейчас так не говорят — межгород, не межгород, но это важная, уместная краска. В общем, после концерта Земфиры они пили с девками и вспомнили меня. Новости разные. Папе Скарлетт ампутировали ногу. У ребенка Скарлетт выросли зубы.

— Звони с вокзала, — командует Скарлетт. — Я теперь вожу машину и заберу тебя, чтобы ты не прое...ась.

А я уже — прое...ась. Утонула. Услышала междугородний голос, и за ним сию минуту распростерлись снежные какие-то поля вокруг деревни Удалы, собаки, синяя машина Жужика, сам Жужик слева от меня, за рулем. Или на другой круг заход: Рождество, в обрезанных под калоши валенках стою у крыльца, курю под созвездиями, художественно свистит электричка и художественно же светит. Все художники постарались, по звуку, по свету, по всему.

Я не помню Пермь вообще, я ее помню кусками. Они неравные, герметичные и безопасные, известны их измерения. Как от торта кусок отрезали — и он обрел персональную, отдельную форму. Химически он по-прежнему торт, плоть от плоти, но и

только. Никто уже ничего не нарушит в отрезанных моих кусках. Это готовый эпос, миф, Старшая и Младшая Эдды. И даже еще безопаснее: потому что субъекты действия Эдд уже умерли и не могут за себя вступить перед нами — чужими, иностранными людьми будущего, которые их интерпретируют, и может, тем самым нарушают. А я жива.

И даже от Москвы уже можно оттяпать кусок. Богословский переулок, весна, я сплю у Сюзанны на матрасе, и вся эта квартира, вся логика ее существования импрессионистская, акварельная, тени, все раскачивается. Не кристаллическая решетка, вообще не решетка — решето. Пермь тогда еще была неразрезанная, точнее, куски уже наметились, но как бы висели на соплях на ниточке. Сейчас такая же ниточка между мной и Богословским.

27 апреля 2013

В поисках природы объездили всё южное побережье. В семь утра подъем, в зрелой ночи отбой. Впервые видела Крым при любом свете, во всех мыслимых световых режимах.

Такой странный апрельский Крым, Крым в канун нашествия. Пустые трассы, голенькие пляжи, на которых галька вообще не накрыта людьми, волны, не рассекаемые никем, прогулочные теплоходы не спущены на воду, канатка только первый день как заработала, на вершину Ай-Петри еще не пригнали лошадей, шашлычные без огня, рынки без фенек, татары починают казаны.

На четвертом часу горной дороги, под температурой, в темноте — я проваливалась куда-то туда, откуда не разобрать, внутри каких я гор и внутри какого момента жизни. На Урале, в Горнозаводском районе забрасывают нашу группу на реку, на весенний сплав, или к Синаю подъезжает туристический автобус, или тут Сахалин, или это пять лет назад мы с Жужиком впервые в Крыму и не ведаем разницы между Алушкой и Алушкой.

Спит оператор, спит режиссер, спит художница. Мы только что проехали поселок Космос. В Крыму часто дают поселкам имена хорошо, запросто и необоснованно, только ради красоты — как лошадям дают лошадики. На пермском ипподроме были лошади Галактика и Брусника. Где-нибудь между Приветным и Морским вполне могли бы быть одноименные поселения крымчан.

Передай Севастополю привет, написал Жужик. Но Севастополю невозможно передать привет, это он нам передает привет, когда мы здесь. В густо-черной ночи — большие белые знаки Севастополя. Набережная — поле, полигон, ни единой души, памятник погибшим кораблям в пятне света, волны ему — динамической рамкой. На горе лунный Ленин — великий как бог, ноль иронии к нему, сейчас встанет и пошагает каменными ногами в море, и мир падёт. Гостиница «Крым» — снежный прямоугольник, за которым, я знаю из прошлой жизни, прячется 6-я Бастионная, однажды я прочитала о ней детскую книгу и прошла всю улицу до конца, чтобы выйти на лестницу, с которой видно далеко вниз.

Я в своем внутреннем Крыму при столкновении с внешним до того заблудилась, что даже пустила в машине слезу. И сразу подумала: хорошая какая была только что слеза, заслуженная, нажитая слеза, за нее не жалко несколько условных нервных единиц — ради чувства, что жизнь толстенная. Она — толща. Рука, пробивая перегородку, не вырывается в пустоту, а щупает еще какие-то отложившиеся материи, уже недостаёт длины руки, чтобы пробить память насквозь, это уже настоящее путешествие без берегов, морское. Немножко страшно, что море ведь будет еще и еще увеличиваться, хватит ли оперативки, но я все же исхожу из того, что хватит навсегда.

10 мая 2013

Д. пустил пожить на землю своего детства.

Поселок Внуково и взрослых молодых людей, которые росли там с рождения, я принимаю как подарок или намек, как второй шанс или утешительный приз.

У меня перекрыт физический доступ к пермской детско-юношеской базе данных, но вот судьба меня допустила во внуковскую. Тоже леса, тоже гаражи, тоже дворы, тоже на великах можно ездить через всё это. Тоже не Москва.

Местные пацаны напоминают мне пацанов, которых я лишилась, больше даже, чем оригинальные — самих же себя в осевом времени, о котором речь. Слушала одного вчера ночью — фоном светил свет из гаража, фонари какие-то, звезды, внятно пахло летней землей и только что народившимся листом — и квалифицировала сходства: это он сказал, как Алёша, а это как Женя, а это как Жужик, а это — как неуловимый внутренний коллективный языковой пацан. Узнать родное в речи и пластике случайного человека, который родился за полторы тысячи километров от Перми, под Москвой и под самолетами — так удивительно, так важно.

Вектор переменялся, вот что. Я хочу вернуться. Как можно ближе подойти к себе маленькой. Достаточно близко, чтобы можно было задать вопрос и расслышать ответ. Мне кажется, что я тогда была права. В чувстве, в способе обработки информации извне, в интерпретации. Это не было время глупости или поведение глупости, это были странные выборы иногда, но они были самые мои — растущие из моей уникальной естественной формулы, а не из здравого смысла и не из приобретенной совести. Я никогда больше не смогу выбирать как шальной цветочек или зверек, но я хочу знать формулу.

23 мая 2013

С Земляного Вала, из пекла и стоячего громкого воздуха, в котором не выжить комарикам, мы перебрались на умеренную зеленую улицу Правды. Окна от пола до потолка,

держу их распахнутыми всегда. Комарики на Правде не просто выживают, а живут припеваючи в сочных листьях, и очень рады, что наши комнаты открыты круглосуточно. Под окнами утром блуждают дети в детсаду, создают нежный шум, и он льется в дом, нечленораздельный, как вокальный шум птичек или как нотки.

Жужик приезжал в Москву на день. Я запомню, как фотографию: Жужик заворачивает из-за угла, видит меня на крылечке и машет рукой, и идет — раскачиваясь — как бы и корпусом тоже машет влево-вправо. Он был Юрий Гагарин в этот момент. Есть одна старая фотка (настоящая, а не мысленная, как сейчас), там Жужик еще ребенок лет двадцати, он в каком-то сиреновом костюме от дождя с чужого плеча, на даче друзей, куда-то ходил и вернулся, и мы почему-то шутили с Верой, что он Гагарин. На 23 февраля я подарила в прошлом году Жужику про Гагарина ЖЗЛ. Наверно, он так и не прочитал, а может, и да. Я не спросила. Я вообще много о чем не успела спросить его, но как было хорошо.

Очень обидно, когда нельзя в полную силу и по малейшей прихоти пользоваться летом. Все время, кроме детства, это нельзя по разным причинам: то б...ская сессия, то б...ская работа. Хотя, лето еще, строго говоря, не началось, просто в Москве фальстарт. Получается, я пока ничего не прогуляла.

Более того, мы ходили с Д. раз в лес и раз под проливной дождь.

25 июня 2013

Я буду помнить тебя и в марсианском плену.

Есть такая песня на стихи, там не про верность человеку, но про верность памяти — в том числе, памяти будущей, придуманной заранее, предвосхищенной.

Эта песня — гимн молодой теоретической вегетарианской любви, любви без

мяса. Что без мяса — то вечно. Вечность впереди. Световые годы. Вселенная.

Очень вовремя она мне попала, где-то на первых курсах. Хорошо подошла, оправдала ожидания. Отдельно я оценила, что автор предлагает именно Марс.

Я буду помнить тебя и в марсианском плену.

В ранней юности так и живешь, каждый день как в марсианском плену. Предчувствуя катастрофу, желая катастрофы как оправдания. Я родился, чтобы стать героем катастрофы, ее субъектом. Не объектом (это важно), не расходным материалом, не случайной жертвой, а действующим лицом.

Например: я на Марсе, я пленен навсегда, вся моя жизнь уже была, но я выбрал ее помнить, я выбрал помнить тебя — и меня в этом смысле не победить.

И вот именно теперь — в марсовых шахтах, в пепле и в инопланетянах — теперь я могу говорить о своей любви легко, безответственно, безапелляционно. Я уже как бы выше мирского, а стало быть, вровень с нашей любовью. Все то маленькое, человеческое, которое нас терзало, мешало, маяло, разделяло — оно исчезло наконец, благодаря тому, что мы разделены уже не по небольшому, а по космическому счету. Тут такая же аксиоматическая свобода, как свобода говорить о мертвых. Кого с нами нет, чья судьба уже состоялась — того нам уже не умалить, не преуменьшить, не повредить. Это уже такое вместе всегда в веках.

А пока — сидишь себе на Земле, любишь землянина и молчишь ему, вместо того чтобы ему позвонить, сознаться, потрогать. И утешаешь себя тем, что вот придет конец земного пути, умоет вас, и уж тогда, на Марсе, бесплотными — вы с облегчением настанете друг у друга, и ничего не надо будет объяснять или извинять. Это тела что-то недопонимали, а на Марсе они уже не нужны.

Я буду помнить тебя и в марсианском плену.

Что мы знаем о Марсе, кроме Рэя Брэдбэри? Я уже и его не помню, помню, что это о прощании с цивилизацией, о том, как живое обращается в пыль, что там кроткие, нежные призраки и красота, от которой можно было бы и умереть, но она всегда умирает раньше, чем ты. Красота успевает тебя опередить, чтобы ты не умирал, глядя на то, как она живет, а жил, потрясенный опытом ее смерти, которая случилась у тебя на глазах.

Аэлита в переводе с марсианского — «видимый в последний раз свет звезды». Литературный Марс — всегда про последний несбыточный раз. Литературный Марс — а другого у нас и нет.

Хотя вот Д. показал мне один сайт, там можно смотреть Марс. Марсова плоскость сфотографирована в сверхвысоком разрешении, тычешься мышкой в любой участок, и он приближается, зуммируется. Видны белые тела, объекты, опавшие на планету или рожденные из ее недр. Их интересно додумывать, но это тоже литература.

В хабаровском краеведческом музее я видела под микроскопом лунный грунт, маленькие крошки. Удивительно было. Но Луна не Марс, там Сейлормун живет, и вообще, луну видно на небе, она какая-то добрососедская, наша. Марс — не наш. Луна в настоящем и с нами, Марс — в будущем и без нас.

Хочется не знать о Марсе ничего, чтобы он остался у тебя навсегда. Хочется не знать ничего о любви — чтобы и она.

Я буду помнить тебя и в марсианском плену —

В колоннах каналоробочих, в колодцах шахт,

*Угрюмо глядя сквозь красную пелену
И смесью горючих подземных газов дыша.*

Я буду помнить тебя и в марсианском плену,

*Вращая динамо-машину, дающую ток
Какому-то Межгалактическому
Гипер-Уму,
Пульсирующему, как огромный хищный
цветок.
На грустной земле и в марсианском раю,
Где больше мы не должны ничего
никому,
Закрою глаза, уткнувшись в ладошку твою —
И этого хватит на всю грядущую тьму.*

12 декабря 2013

В Беляево на улицах сильно следят за уютом. Бордюрики, лавочки. Не успеешь выбросить окурок — как его тут же кто-нибудь подметет. Перестала даже выбрасывать. Две трети населения — дети и собаки. Их, любя, выгуливают повсюду. Кукольный добрый домик, пряничный павильон. Можно решить, что киношники отстроили это Беляево нарочно и снимают теплую, подробную, невинную жизнь микрорайона. Но мы правда тут живем, а не в кадре.

Хозяйка наша — певица, поживает на Гавайях, обращает загорелое лицо мне в скайп. А пока была москвичка, в конце 80-х, тоже пела, а еще дружила с кумирами моей юности — Цоем, Майком и БГ. Они в этой квартире 103 играли музыку. Курили на кухне, надо полагать.

В каждой моей квартире кухня — это курилка и кабинет. В Беляево тоже, хотя тут особо не посидишь ночью красиво в думках, как бывало на Парковом. Жужик спал в комнате до подъема в 8, а я что, я романтический еб...т, мятущаяся душа, я задымляю квартиру, я сочиняю письма, оплакиваю тревожную молодость.

На Парковом, на кухне, на первом этаже. Я шторы могу воспроизвести, хотите? Никто не хочет, а я да: гамму, узор, нюансы драпировки, уникальную непараллельность гардине.

В Беляево у нас штор нет в принципе — ни на кухне, ни в комнатах. Так и не удосужились завести, да и зачем, голое окно —

это благо. Первое, что видишь, и последнее что видишь — даль. Никакими тряпками не ограниченная. Я обычно посмотрю на даль в полночь, приму чай — и тороплюсь спать. Мне важно заснуть с Д., не прогулять момент засыпания. Мне это за год не приелось. Я не могу перейти на заочную расслабленную форму и сидеть на кухне спокойно, зная, что он там, за стенкой, хотя, казалось бы — ночью больше, ночью меньше, ерунда. Но нет, не ерунда: счастьем больше, счастьем меньше — кто стал бы разбрасываться?

В смешной, серьезной позе он спит — как преувеличенное сосредоточенное дитя. Ему даже чужой дядя на кинофестивале сказал — нельзя быть таким серьезным. Дядя, можно, конечно. Дядя, вы же ничего в нем не видели. Вы его не любите, и значит, вы ничего в нем не видели. Как это дорогое серьезное лицо повернуто к радости, к дороге, к тарелке с едой, к перегоревшей лампочке, к монитору. Ко мне.

5 января 2014

Москва наконец-то во всём созналась и не дала снега и сказала: я обычный беззащитный город, а ты во мне, и я тебя не подначиваю ни разу. Ноль секретов, ноль сокровенного — кроме того, что ты сама себе сочинишь. Я стою голая в январе, я ничего не имею в виду вообще. И я тоже не имею ничего в виду, о как мы совпали, милая. Давай вместе.

Она такая большая, что легко забыть, как где-то на северо-западе или на северо-востоке живут люди, которые до сих пор тревожат во мне столько, а я живу на юге. Ужас не долетает, любовь, не долетает ничего.

Такая огромная она, что во всяком случае юго-западный ее край был в ночь с тридцать первое на первое похож на какой-нибудь родной тупик Перми, на Мотовилиху, скажем, или где у нас еще есть наглядные бытовые пруды? Над прудом светилось, громыхали ручные фейерверки, люди гуляли нарядные, звучала музыка.

Новый год — не семейный праздник, это праздник судьбы или компаса, это в какой точке ты находишься сейчас. Если думать, что семья и есть та точка, в которой находишься, тогда да — семейный праздник.

Но в моей голове Новый год теперь говорит о тех, с кем я не нахожусь. О том, как где-то без меня продолжается жизнь, как где-то можно обойтись без меня. Немыслимо, конечно. Немыслимее — только после смерти.

Мы ходили с Д. и его парнями с двух до шести утра по улице, а я немножко как на службе: обряд, опыт, труд. Мимо окно, украшенное с выдумкой, мимо пацан вроде Алёши, но не Алёша, мимо девочка десяти лет, и теоретически я могла бы ее родить, мимо — убедительная чужая жизнь, и мне спокойно.

Редкий неровный режим глаз: все живут, и значит, я тоже.

8 марта 2014

Шеф, говорю я шефу, страшно, сделай что-нибудь! Шеф и рад бы, но он сам боится в самолете. Шеф предлагает потеревить бумажку, от сердца отрывает: на вот тебе. Бумажка такая, полсантиметра на полсантиметра. Я теревлю и как-то правда легче.

Лететь страшно всегда, но особенно — в место своей судьбы. Я лечу, то есть, и додумываю машинально за автора: а красиво было бы именно сейчас меня убить. Москва — Пермь. Спустя полгода невяки. Красиво, давай. Но автор решил в этот раз не по красоте выступить, а по милосердию. Донёс до земли.

Донёс, а там сразу другое дело. Другое, чем в Москве. Вместо трусливого межсезонья, которое зимы не умеет, а на весну никак не решится — ранний декабрь мечты. Не траченные снега, где никто как будто и не жил. Долгие, спокойные, самоуверенные барханы в самом своем начале. Кроме снегов, на летном поле белеет в ночи еще

какой-то странный дирижабль. А это губернатор Басаргин решил начать реконструкцию аэропорта Большое Савино с установки надувного терминала, объясняет шеф. Надувного, б...ь, терминала! Ты только вдумайся, Лю!

Слава богу, в Перми не изобретены аэроэкспрессы. Ночью до города только такси, и я согласна отдавать деньги за каждый километр, хочу всё видеть, покажите мне моё. Водила удивился, наверное, что я липну к окну, как туристы в фуникулере на Ай-Петри, а гор-то нет.

Бабушка стала днем по списку обзванивать знакомых женщин с поздравлениями к 8 марта, и я на ее командный голос проснулась. Слушала через стенку, как радио. Валентина Ксеевна, дорогая моя, вы знаете, я очень искренний человек, и я вас от всей души. Валентина Ксеевна меня очень в детстве занимала — дал же бог отца человеку, с женским именем. Папа у Валентины — Ксения, не чудо ли? Однажды меня осенило, что папа там Алеша, просто бабушка ласково редуцирует.

Я обошла квартиру, всё проверила, как кот (котам вроде свойственно? сама не держала, но — слухи), потрогала, опознала. В шкафу книжки, бумажки, дневники — о, как я готовилась, издали еще, на них наброситься. Стоим со шкафом, как любовники после долгой разлуки (тут уже не слухи, за точность ручаюсь) и медлим. Ну нет, думаю, не так же сразу. Вдруг я сойду с ума от резкого старта и ничего потом не пойму.

Ладно, если не шкаф, то выпить. На выпить сердце молниеносно откликается — разверзает передо мной галерею в два десятка лиц. К каждому лицу прилагается натура либо интерьер, жанр, доза, нота, неповторимая любовь. Так и лопнуть недолго от жадности или не от жадности: сердце, короче, лопнет. Сердца жаль. Оно и так истерзано самолетом, а уж до самолета что с ним творилось.

В итоге сказано железно, тоном, не терпящим: первый вечер — родителям. Одним махом убила всех соискателей. Никто меня сегодня не ищет. Все уважают родителей. Все уже в том возрасте, когда это без вопросов. Но я один черт пошла, конечно, обозревать район — дай, думаю, прошвырнусь по-быстрому. Сольно. Не в ущерб же маме-бабушке, одна, ни с кем им не изменяю.

Собралась, тем не менее, как на randevu. Или как на ретро-вечеринку. Вся в архивных антресольных шмотках. Даже московскую белую куртку сменила на пермскую зеленую. Жужик шутил, что это спальник, а не куртка, ну правда похожа, это он резонно. Иду, в общем — человек-спальник. Хотела подняться с пивом на одну сокровенную высоту (я так школу прогуливала, стоя на ветру, отпивая из бутылки и любуясь — городом, моментом, глубиной меланхолии), но пиво мне не продали, а высота была плотно запаркована автомобилями.

На районе, понятно, всегда есть варианты. Пиво я добыла в киоске с нравами более свободными — они мне и десять лет назад продавали, не ломались. Пошла на остановку с зеркалами, на Попова трамвайную. Там обязательно надо смотреться: я на этой точке с пятнадцати лет отмечаюсь, каждый раз важно взглянуть и утешиться тем, что отражения то и это еще не бесконечно далеки друг от друга. Иногда у зеркала занято, потому что за павильоном, между зеркальной стенкой и сугробом вообще-то принято ссать, одна только я тут с девичьей традицией самолюбования. Но в этот раз из-за мороза люди остерегались заголяться, шли в какие-то другие, теплые сортиры, так что я спокойно всё рассмотрела и пошла еще ходить.

Метель под лампами, снежинки не как пыль, а как мохнатые белые шарики, очень красиво, просто иди и умирай от нежности. Кафе «Пышка» мерцает. Ну я иду, умираю и звоню на будущее Алеше, чтоб он меня вбил там в график на следующей неделе. А Алеша, сложным траекториям судьбы следуя,

снова живет на районе, на Горке, рядом, и говорит: через двадцать минут у «Вивата»! Алеше не откажешь, следовательно, придется как минимум второе пиво — это я параллельно соображаю уже. Алеша при этом в начале Горки, а я в конце, или наоборот — как посмотреть. Но я с удовольствием до тебя дойду, дорогой, от «Пышки» до «Вивата», хоть мне там и не продали алкоголь полчаса назад, но с тобой-то продадут, ты так бородаст. Путь до Алешы отличный, потому что новогодний, можно и дольше, я же прогуляла пермскую зиму, в Москве зимы не было, но меня простили, для меня тут отложили — играй, пожалуйста, в начало закончившегося уже сезона, все условия вот.

С Алешей оказался еще Тимур, и от «Вивата» мы двинули к дереву. Дерево — герой. Двупалое дерево, удобное для человека, растет через два двора от бывшего Алешинского. Не дуб, но тоже мясное. У дерева принято стоять по вечерам, это вид досуга, это историческое подростковое пастбище — по крайней мере, полсотни человек за последние десять лет к дереву припадало, разные ветки одной компании, я тоже какой-то веточки кусок.

Куплена боровинка, две бутылки. Я доверяю. Зимний напиток детства, как не доверять. Мы молниеносно ту боровинку до дна, переходим на дешевое пиво. Я доверяю опять, но мерзну. Тимур говорит: надо просто ко мне домой, на пару домов правее, вынесу шарф, носки и варежки. Я тебе вынесу. Вынесу — слово из детского общего двора. Вынеси попить. Если не загонят домой, то вынеси попить.

Стоя на одной ноге в подъезде у батареи, за напяливанием шерстяного носка, я всё думала, что господа, в какой Москве это возможно — чтоб тебе среди ночи вынесли домашний носок. Для этого надо, как минимум, чтобы все жили рядом, мамин дом за углом, и тогда можно легко к этой маме зайти и сказать: мам, там, короче, надо Любе теплых шмоток, а то мы хотим еще гулять, но — зима.

Утепленная, я готова была гулять по зиме бесконечно долго, но Алеша вдруг говорит: мой друг устал бухать за кучу денег и открыл комнатный бар «Стопка» чисто для единомышленников. Пиво — сорок рублей. Утром, днем, вечером, всегда. Конечно, мы пошли. Между шиномонтажкой и шиномонтажкой — гордо «Стопка». Футбольные флаги висят с потолка, фокусируемся на «Спартак». «Спартак» зажат между двух «Амкаров». Но бог с ним, вонзили. Вышли после кружки. Задумчивость, невульгарные шатания. Стадия — проводы. Проводить меня, а потом себя — такая у пацанов задача.

И вот мы парим через улицу, великодушные такие хозяева местности, подлинные ее обладатели, а нас обидно нарушают менты. Машина ментов, то есть, пресекала нам полёт. Двое, молодой и средний — вышли навстречу и хотят имена, документы, номера телефонов. Алеша привычно отстаивает свои гражданские права, Тимур привычно пытается стоять ровно, я привычно жалуясь на опыт редактирования сериала про участковую — а вы случайно не участковые? — менты вроде любят нас. Менты говорят: да х... с вами, идите. Осуществляйте аккуратно свои проводы.

Мама в ночной рубашке на пороге. Икона, печальная как. Родное видение навсегда. Мама, конечно, спокойна, что я с Алешей, но ритуально в тревоге. А я еще ничего. Не скажешь, что после боровинки,

пива и кружки из «Стопки». Я даже не обрушиваюсь, а вежливо, деликатно ложусь на диван, но не сплю, разумеется, как мне спать в этой комнате? Комната говорит со мной — как тут уснешь?

Тигры говорят со мной с вершины шкафа, старый желтый тигр Жужика и белый тигр-щенок меня. Тигры — как портрет Дориана Грея, весь удар принимают на себя. Старшему тигру Жужик однажды оторвал башку — хотел мне, но меня не было рядом, а только тигр. Оторвал и оторвал, имел право, потом сам же и пришил через пять минут, тигру остался шрам во всю шею. Больше мы ничего не делали с тиграми, зато делали друг с другом. Смотрю: тигр — седой, очень старый, усы опали, спина перекошена. У папы была большая игрушечная собака Легар, тоже перекошенная — так он на ней спал, а мы-то на тиграх нет. Была бы своя красота в разделении тигров: если б большого забрал Жужик, а маленький остался мне. Или наоборот. Но тигры не должны ехать в Москву, они должны жить на свободе, и их нельзя разлучать. Сейчас они в лучшем месте, которое только можно вообразить, они в домике. Тут всё наполнено смыслом, и они тоже часть этого смысла. Тут тигры навсегда или по крайней мере долго — дольше нас. Поэтому я лежу и смотрю на них, как на огонь, хотя полная темнота в комнате, и тигры светятся невидимо, и греют неосознано, но я же знаю, в какую сторону смотреть — на вершину шкафа.

Марк Квинтольский

...а еще я люблю утюги

Предуведомление

У «Гражданской Обороны» есть песня «Я всегда буду против». Это про Марка Квинтольского. Если спросить самого Марка, уважает ли он «Гр.Об», ответ зависит от контекста. В тусовке молящихся на любое егорлетовское слово скорее всего будет озвучена какая-либо едкая оценка всего сибирского панка скопом. В салоне неровно дышащих к «высокой культуре» наш герой вполне может сказать, что вся их пастернакипь не стоит одного грязного панк-риффа. Это не эпатаж. Это позиция. Когда мы с ним познакомились, он носил звучное имя Марк Мрак и в основном интересовался живописью. Затем так же самозабвенно-увлечённо сжигал картины, писал странные песни, барабанил в половине пермских рок-групп, делал броские (и бросовые из окон) книжки самиздата, выступал на поэтических вечерах, творил киносценарии, устраивал авангардные акции — и много чего ещё. Единственным стержнем была вечная жажда обновления, боязнь застыть, остановиться даже в очень приятном месте (выгодной позиции (достойной компании)). Многие с ним ссорились, обижались, расходились. Не понимали. Его тогдашние друзья задумываются о занятии своего места в табели искусств — Марк становится активистом маргинальной арт-коммуны ОДЕКАЛ. Его приглашают почитать стихи — он декламирует любовно собранную коллекцию писем реальных сумасшедших в газету «Звезда» (спасибо папе-журналисту). Всё ближайшее окружение окончательно отказывается от знаков-препинаков — Марк начинает ставить их без всякой логики почти после каждого слова. Среди арлекинады одекаловских масок отказывается и от Мрака, и от прочих своих изобретений, вместо имени ставит просто чёрную палочку. На пике прорыва к эстраде бросает группу «Вершина всего», одним из основателей коей являлся. И куда возвращается сразу после фактической смерти коллектива. Прозрения давались ему внешне легко. Запойным читателем-аналитиком не был. Спокойно просил меня показать ему тексты «ну, того Пирогова, с которым одекаловцев теперь сравнивают». Это про живого классика Д.А.Пригова. Несмотря на то, Марк вскоре сам стал живым классиком в узком кругу своих сотоварищей, достаточно искушённых читателей. И совершенно забросил сочинительство. Он всегда был против. И это нормально.

Сергей Сигерсон

в начале было слово
но пейджер встал пораньше
начато и готово
идти куда подальше
луна тебе медово
но месячных не хочешь
и отражаясь в лужах
себя охотно мочишь
умоем руки сунем
в воду концы
смоем ответственность с них
мы отцы

когда спишь и на ноги давит кошак
серчают братья досааф и спартак
снимают бутсы с друг друга
издают удивлённых пол звука
и я издаю удивлённых
им становится туго

встал умыл лицо
в зеркало гляжу
разность своих глаз
странным нахожу

в одном глазу сверкает
утро вечера мудреней
а в том который левый
виановская пена дней
окулист не видит
разность моих глаз
только замечает
радость моих глаз
точно знаю где-то
есть мой антипод
у него с очами
все наоборот
встретимся глазами
странный словим кайф
влюбимся вдруг друга
как-то невзначай

я сижу на кухне
где тарелки бьются
я сижу на кухне
и смотрю на блюдце
и шагов не слышу
и пришёл медбрат
я внезапно схватилась за блюдце
у меня инфаркт
и глаза закатила
удивился медбрат
ты почему за блюдце схватилась
у тебя инфаркт
ты за сердце хватайся
а врачи смеются
у меня нет сердца
у меня есть блюдце
с синею коровой
голубой каймой
этим блюдцем чувствую
быть беде большой
у меня нет сердца
и врачи смеются
мы не знаем как
делать массаж блюдца
подбираю тело
и иду домой
у меня инфаркт с красивой
голубой каймой

бросайте черти вилы
кастрюлю звеня
костры свои гасите
протухшею водой
покачивайте бедрами
вместе вслед за мной
призванья у нас разные
и пол наш не известен
но вместе мы повесы
певцы народных песен
покачивая бёдрами
даем простой совет
покачивайте бёдрами
а голову нет

я на шуру глаз прищурил
но обманулся оптически
на меня она не смотрела
скептически
я замкнулся в себе
много мнил о себе
после этого часто в зеркале
видел себя неодоетого
я шёл в ванну и бороδοу
мыл себя как мочалом
незваной водою
я шёл в кухню и голой рукой
ел компот словно ложкой
хотев нагрести в нём покой
много думать читать перестать
много кушать и спать зевать
рассуждать под сливной бачок
я пойду на толчок но об этом молчок
вижу муху там всю в леденцах
говорить со мною не может
но я выясню на пальцах
что её так тревожит
вроде б будущее моё
верю женской её интуиции
если шурую глючит в глазах
мне на ней пора обжениться
много думать читать перестать
много кушать и спать зевать

М. Квинтольский и члены арт-коммуны ОДЕКАЛ
(1996)

окулист мне смотрит глазное дно
все романы горького там на дне
нечего подглядывать мне в глаза
данные фонды не для тебе
у тебя читательского билета нет
у тебя братишки сестрѐнки нет
и хотя с тобой мы за глаза знакомы
я на очи веки напушу

я ем под копирку
чтобы в двух экземплярах быть сытым
когда накормлен один
не должен второй быть забытым
копирка выходит из строя
второй экземпляр без ума
второй экземпляр голодает
лежит в сумасшедших домах
ему ноги щекочут ковры
меня сейчас полторы

любимая игра моего детства
 лёжа в кровати ненавижу манную кашу
 потому что она с комками
 и вся облеплена сахаром
 как сахар мухами
 а ещё я любил утюги
 любил утюги сбрасывать
 пусть потом хоть и может влететь
 как мухе что хочет сахар попробовать
 теперь я манную кашу люблю
 наверное я исправился
 как муха которая летит на дерьмо
 когда налижется сахара

кошмар с протянутой рукой
 идёт чтоб я ему подал
 но в сны я денег не беру
 кошмарам я не подаю
 возьмусь я гипнотизировать звёзды
 утром все до одной погаснут
 и зайдя ко мне в квартиру
 вдруг пройдут мимо неё
 и выпадут в окно
 и вновь на небо попадут
 обидно что моя квартира сито
 ничего в ней не задерживается
 только я и родители
 мы крупнее звёзд здесь
 они мельче там

если буквы встали рядом
 почему бы не стихи
 если пули не видны
 почему они жужжат
 в строй солдаты встали рядом
 тем не мене не стихи
 в слове пуля буквы есть
 тем не мене не жужжат

Лев Авилкин

Флотская «покупка»

Вечерело. Свободные от вахты собрались в кают-компании теплохода и занимались «травлей», то есть рассказывали друг другу всё, что взбрѣдет в голову. Я вспомнил посещение в 1974 году итальянского города Венеция на теплоходе «Нефтерудовоз-9», на котором мне довелось в ту пору работать, и решил рассказать забавную историю, происшедшую со мной при покупке женских колготок. А надо сказать, что тогда, в эпоху, так называемого, «развитого социализма» у нас колготки можно было достать (именно «достать», а не купить) только по великому знакомству с торговыми работниками, да и то не всегда.

Порт, в который мы пришли, был не сама Венеция, а Маргерa, от которого до Венеции

надо было ехать автобусом минут 15-20 по какой-то дамбе, что я и сделал. По приезде в Венецию, мне прежде всего надо было поменять доллары на итальянские лиры. Сделать это можно было в любом банке. Войти в банк, возле которого стоял карабинер, итальянский полицейский, можно было через стеклянную дверь, но она была закрыта. Чтобы она открылась, надо, как мне показал карабинер, нажать зелёную кнопку. Я нажал. Дверь распахнулась, и я, держа в руках мужскую сумочку-визитку, вошел внутрь, как оказалось, шлюзового пространства. Следующая дверь, ведущая в банк, тоже была стеклянная. Но она почему-то не открывалась. Я стою и жду, когда она откроется. Поскольку обе двери были прозрачными, я стоял в шлюзовом

пространстве видимый и со стороны улицы, и со стороны банка. Но нужная мне дверь не открывалась. Вдруг во вмонтированном в потолок динамике диктор на итальянском языке что-то проговорил, после чего открылась дверь, ведущая на улицу. Я вышел, подумав, что нажал не ту кнопку. Внимательно посмотрев, я нажал именно зелёную кнопку. Дверь распахнулась, и я опять вошел внутрь шлюзового пространства. Всё повторилось. Дверь в банк не открывалась, диктор что-то сказал на непонятном мне языке, открылась наружная дверь, и я вышел на улицу. Стою и в недоумении гляжу на дверь. Ко мне подошел карабинер и показал на сумочку-визитку, которую я держал в руках. Я понял, что дело именно в ней. Карабинер показал мне на ящички-ячейки, куда я и положил свою визитку и взял от ячейки ключ. Теперь я свободно попал в банк и совершил нужную мне операцию по обмену валюты.

Имея в кармане итальянские лиры, я пошел покупать колготки для своей жены.

Присмотрев в одном магазине нужный мне товар, я обратился к продавщице по-русски продать мне колготки. Естественно, она меня не поняла. Я обратился к ней по-английски:

— I want to buy from you the tights for woman, for my wife. The tights, the tights.¹

Безрезультатно! Английский язык продавщица не знает. Я стал ей рисовать на бумажке, но у меня это плохо получалось. Понять она меня не может. Так я довольно долго объяснял ей, что мне от неё надо. Наконец, когда я нашел их на витрине и показал ей, она поняла и громко произнесла:

— A-a, madam kalsoni

Я закивал головой:

— Да, да! Yes, yes! Madam kalsoni, madam kalsoni!

Кто бы мог подумать, что кальсоны по-итальянски — это колготки.

Так мы, наконец, поняли друг друга, и я привёз жене нужный подарок.

Вообще, я заметил, что, не в пример другим странам и народам, итальянцы не в

ладах с английским языком. Так, когда мне надо было возвращаться на судно, я долго не мог найти автобусную станцию, откуда автобусы ходят в Маргеру. У кого бы я ни спрашивал по-английски, как найти автостанцию, никто меня понять не мог. Наконец, я решил обратиться к двум девочкам школьного возраста, полагая, что они изучают английский в школе. И не ошибся. Они меня поняли и внятно всё объяснили.

После меня и другие рассказывали забавные истории, случившиеся с ними. Запомнился рассказ старшего механика Евгения Ивановича Полушкина.

Будучи ещё студентом второго курса института, гулял Женя с девушкой Олей в городском парке в период экзаменационной сессии. Оля тоже была студенткой и в это время сдавала экзамены. Она рассказала Жене, что только вчера она успешно сдала экзамен по ненавистной ей начертательной геометрии. Принимал экзамен добродушный старичок, похотливым взглядом посматривающий на молоденьких студенток.

Учитывая это, Оля при ответе на билет подошла к экзаменаторскому столу в мини-юбке (специально надетой) и кокетливо сказала, что если она не получит положительную оценку, то она прямо сейчас выпрыгнет из окна с шестого этажа. Старик-экзаменатор что-то просюсюкал ей в ответ, умиленно посмотрел на Олю, как кот на сметану, и в результате она получила четверку.

Женя, конечно, воспринял её рассказ как шутку. Но всё же движимый каким-то непонятным чувством, на очередном экзамене, который принимала довольно пожилая женщина, решил пошутить и сказал ей, что если она сейчас не поставит ему хотя бы тройку, то он незамедлительно выпрыгнет из окна аудитории на пятом этаже. Пожилая женщина-экзаменатор отложила в сторону свои бумаги, сняла очки и несколько секунд смотрела на Женю. Затем она встала, подошла к окну, распахнула его и, указывая указательным пальцем вытянутой руки на улицу, гневно сказала:

¹ Я хочу купить у вас женские колготки для моей жены. Колготки, колготки.

— Валяй! Быстро! Чтобы я видела!

В результате Женя был отправлен на переэкзаменовку.

Было совсем темно, когда я поднялся в ходовую рубку. Стояла тёплая, звёздная летняя ночь. С правого крыла ходовой рубки я увидел в небе созвездия Большой и Малой Медведиц и обратил внимание на то, что Полярная звезда находится точно по правому траверзу. Войдя в рубку, я сказал:

— Сейчас мы идём курсом 270 градусов. Допускаю отклонения плюс-минус пять градусов. Рулевой включил освещение компаса и все, кто находились в рубке, увидели, что наш курс был 271 градус.

— Эх! Как это вы так точно смогли определить курс без компаса? — раздался удивленный возглас.

— По звёздам, — ответил я. — Надо знать мореходную астрономию.

Между тем, теплоход шел вниз по Воткинскому водохранилищу Камы, час назад пройдя пристань Оса. Взглянув на светящийся циферблат часов, я заметил, что времени половина второго. На вахте, кроме рулевого, стоял капитан теплохода Челпанов.

Ещё когда было светло, то было видно, что на реке довольно часто встречаются любители-рыбаки, которые на своих резиновых лодках стояли очень близко к судовому ходу, что изрядно отражалось на нервах вахтенных судоводителей: не ровен час, кого и «задавить» можно. Об этом мы поговорили с Александром Ивановичем.

— Путаются здесь, — сказал он. — Было светло, так здесь много было рыбацких лодок. Того и гляди, кого-нибудь утопишь, черт бы их побрал. Ни судоводная инспекция, ни водная милиция их не гоняют.

— Что касается милиции, — ответил я, — то наземная несколько не лучше водной.

Так мы и шли вниз по Каме, груженные по самую верхнюю ватерлинию. Осадка теплохода была настолько глубокой, что якоря, торчавшие в своих клюзах, почти достигали поверхности воды. Иногда мы расходились левыми бортами со встречными суда-

ми, идущими вверх по Каме, обмениваясь с ними импульсными отмахками. Всё шло своим чередом.

Постояв немного в рубке, я спустился в свою каюту. Лег спать. Завтра предстоял рабочий день: проводить занятия с курсантами Пермского речного училища, проходившими на теплоходе групповую плавательскую практику. Попытка уснуть, но сон почему-то не шел. Я стал читать книгу. Читал долго, а сон так и не шел. Наконец, устав читать, я встал и поднялся в ходовую рубку.

Рассвет уже вступил в свои права. Время на часах и показания компаса можно было прочитать без освещения. Облака приобрели розовый оттенок, что предвещало скорый восход солнца. От реки тянуло приятной утренней свежестью.

В рубке находились матрос Пучков, стоявший на руле, и старший штурман Николай Сидоров. Капитан Челпанов отдыхал в своей каюте после вахты. Теплоход продолжал движение, осуществляя расхождение со встречными судами, с которыми кроме импульсной отмашки, штурман Сидоров обменивался кое-какими фразами по ультракоротковолновой связи.

Совсем рассвело, когда я собрался спуститься в каюту, как вдруг услышал, что нас по УКВ вызывает встречный теплоход. Сидоров ответил на вызов, и мы, находящиеся в рубке, услышали, как вахтенный судоводитель встречного судна сказал:

— Что у вас за человек сидит на якоре?

— На каком ещё якоре? — говорит Сидоров.

— На правом, — отвечает судоводитель встречного судна.

Сидоров ответил:

— А у вас, посмотри внимательней, кто-то чай пьет на клотике.

На этом разговор прекратился. Я и Сидоров обменялись недоуменным взглядом.

— Шутит мой коллега, — обращаясь ко мне, сказал Сидоров. — Знаем мы такие шутки.

— Да нет, здесь что-то не так, — ответил я. — Я знаю все флотские «покупки». Знаю, как на клотике чай пьют, знаю, как кнехты

осаживают, якоря точат, шапку дыма дают, а такого, чтобы на ходу судна вблизи форштенья на якоре человек сидел... Такого я ещё не встречал!

Не успел я договорить, как нас на связь вызвал следующий встречный теплоход:

— «Ядрин», у вас на якоре человек сидит.

— Что за чертовщина?! — выругался Сидоров. — Пучков, пойд и посмотри, что там такое, — послал он рулевого, а сам встал на руль.

Я пошел вместе с Пучковым посмотреть на «чертовщину».

На полубаке Пучков и я перегнулись через планширь² фальшборта и увидели странную картину. На лапах слегка приспущенного правого якоря, крепко двумя руками обняв веретено, стоял человек. Его ноги постоянно омывались встречным буруном. Он смотрел вниз и не шевелился.

— Эй! Мужик! Как ты туда попал и что там делаешь? — крикнул Пучков.

— Помогите! — Слабым хриплым голосом ответил стоящий на якоре человек, не поднимая головы. — Я больше не могу. Сейчас упаду. Помогите!

— Сейчас поможем, — ответил Пучков. — Потерпи немного. Доложу начальству.

И Пучков побежал в рубку.

Вызвали капитана. Челпанов моментально поднялся в рубку и остановил движение судна, задним ходом погасив инерцию. Для снятия человека с якоря спустили шлюпку. Но снять его было не просто: у него не разжимались пальцы, и сам он стоял как каменный, не мог пошевелить ни одним чле-

ном. Пришлось силой разжимать его пальцы, осторожно снимать с якоря и укладывать в шлюпку. Так же с осторожностью подняли его на борт и положили в свободную каюту. Больше часа он ничего вразумительного сказать не мог.

Дали ход, и теплоход продолжил рейс.

Наконец, вынужденный пассажир стал понемногу приходить в себя и рассказал, что с вечера рыбачил на резиновой лодке около судового хода. Мимо проходили суда, но он не обращал на них внимания, увлечшись хорошим клёвом. Уже стемнело, когда он с ужасом увидел нос надвигающегося на него большого судна. Далее он не мог объяснить, как перевернулась его резиновая лодка, и как он ухватился за якорь и забрался на него.

— Так значит, ты несколько часов сидел на якоре? — Спросил его капитан.

— Всю ночь, — ответил горемычный рыбак. — Измучился вконец. Не знаю, что теперь со мной будет? Что делать?

— Что будет? Что делать? — вторит ему капитан. — Отдохни пока, чайку попей. А через четыре часа мы будем проходить Чайковский шлюз. Там и сойдешь на берег. А если хочешь, мы тебя здесь, шлюпкой высадим на берег.

— Нет, нет! — отвечает рыбак. — Я лучше отдохну до шлюза и там сойду, а то у меня сил нет.

Вскоре теплоход вошел в Чайковский шлюз, и наш пассажир сошел на берег. Он еще долго махал нам рукой, когда мы вышли из шлюза и продолжили рейс.

Третий том «Капитала»

Начало 50-х годов прошлого века. В высшем учебном заведении идёт семестровый экзамен по политэкономии капитализма. Экзамен принимает доктор

экономических наук профессор Виллионская, дама лет шестидесяти, носившая пенсне, мужскую шляпу, кутившая модные в ту пору папиросы «Казбек», над уголками

² Планширь — перила фальшборта

верхней губы которой пробивались редкие черные усики.

Виллионская была маститым ученым и очень требовательным педагогом. Мы, студенты, очень боялись её требовательности и очень уважали её за глубокие знания политэкономии и умение интересно и эмоционально излагать материал в своих лекциях, которые мы жадно конспектировали, боясь пропустить хоть какую-нибудь малость, тем более, что учебников по политэкономии в то время не было вовсе. И если кто-нибудь из нас по каким-либо причинам пропускал её лекции, то он непременно брал конспект у товарища и переписывал пропущенную лекцию. Известно, что изучать материал по хорошим лекциям, которыми и выделялась среди других преподавателей Виллионская, значительно проще, чем по первоисточникам. А главным первоисточником по политэкономии капитализма был, конечно, «Капитал» Карла Маркса. Но ведь это очень серьёзный и трудновосприимчивый труд. Не зря же ни то к столетию первого издания «Капитала», ни то к столетию его перевода на русский язык, газета «Правда» писала, что цензоры царской России дали заключение, что «Капитал» смело печатать можно, ибо его до конца никто не прочтёт, а если и прочтёт, то всё равно ничего в нём не поймёт. Но далее, конечно, «Правда» писала, что рабочий класс разобрался, применил и так далее, и тому подобное.

Что же касается меня, то я часто в шутку говорил, что из всего «Капитала» я понял только то, что один сюртук приравнивается к двадцати аршинам холста, что следует из примера, которым Маркс часто оперирует в первом томе своего сочинения. Эта шутка очень понравилась моему приятелю Борису Федоровичу Ломову, в то время студенту психолого-философского факультета Ленинградского университета, ставшего впоследствии членом-корреспондентом Академии наук СССР и основателем научно-исследовательского института в Москве. Услышав от меня эту шутку, он заразительно смеялся, говоря:

— И это всё, что ты понял в «Капитале»?

Я отвечал:

— Да, Боря! Больше в «Капитале» я ничего понять не могу.

Правда, я тут же, и тоже в шутку, добавлял, что кроме этого понял ещё и то, что двадцать аршин холста, в свою очередь, приравниваются к десяти фунтам чаю, что следовало из того же примера Маркса.

Итак, экзамен по политэкономии капитализма. Толпа студентов, среди которых был и я, нервно суетится возле аудитории, в которой, как нам казалось, вершится наша судьба. Каждого выходящего из аудитории тут же окружают плотным кольцом и засыпают вопросами: «Ну как? Сдал?», «Чего спрашивает?» и прочее.

И вот в этой-то обстановке я от кого-то услышал, что Виллионская уж больно «гоняет» по третьему тому «Капитала».

Я бегу в библиотеку, беру третий том и лихорадочно его листаю. Очень скоро я убедился, что дело это совершенно бессмысленное и, сказав себе, что «перед смертью не надышишься», решил книгу сдать. Прихожу в библиотеку, а она закрыта. А тут уж и моя очередь подошла заходить в аудиторию. Что делать? И вот я с третьим томом «Капитала» под мышкой робко вхожу в аудиторию и подхожу к экзаменаторскому столу. Виллионская, как только увидела меня, двумя пальцами правой руки сняла пенсне, бросила на меня орлиный взгляд и, выпустив изо рта папиросный дым, громогласно произнесла:

— О! Молодой человек! Носите с собой третий том «Капитала»! Похвально! Похвально! Приятно видеть! Приятно!

После этих её слов у меня внутри так всё и оторвалось. Ну, думаю, экзамен завалил. Надо готовиться к переэкзаменовке. Но что делать? Беру билет, готовлюсь и сдаю экзамен. И очень даже успешно сдаю. Ни одного дополнительного вопроса. Получаю зачетку с положительной оценкой и направляюсь к выходу из аудитории. Я почти дошел до двери, как услышал голос Виллионской:

— Молодой человек!

Я остановился, оглянулся. Виллионская продолжает:

— А всё-таки скажите, зачем вы на экзамен пришли с третьим томом «Капитала»?

Я пробормотал что-то невнятное, что вот-де изучаю столь важную и серьёзную науку и...

— Дело в том, — прервала меня Виллионская, — что я сама-то в этом томе раз-

бираюсь весьма относительно. А с вашей стороны это выглядит не очень-то тактично. Подумаешь, какой умный нашелся! С третьим томом не расстанется! Просто пыль в глаза пускаете! Нехорошо, молодой человек! Нехорошо! Идите и больше так не поступайте!

Экзамен по философии

Зотагин был известным в городе преподавателем философии. Во всех вузах города его знали как эрудированного, всесторонне развитого и хорошего учёного-материалиста. С его мнением считались, его уважали. Его лекции отличались насыщенностью интересного материала, который он излагал доходчиво и эмоционально. Молодежь охотно посещала его лекции. Он был на хорошем счету и у руководства, и у студентов.

Но ничто человеческое было ему не чуждо. Он любил выпить. Народная пословица говорит, что «шила в мешке не утаишь», поэтому скрыть эту пагубную страсть ему удавалось не всегда. Знали об этой его страсти и студенты. Но это не мешало ему оставаться видным в городе учёным. Он никогда не срывал занятия или какие-либо другие мероприятия, в которых он принимал участие.

Как-то он читал лекцию по логике в университете педагогических знаний, организованном при одном из вузов города. В этом университете совершенствовали свое педагогическое мастерство преподаватели специальных дисциплин различных учебных заведений города, которые, являясь специалистами каких-либо отраслей, не имели педагогического образования. Аудитория слушателей была не студенческая, то есть состояла из уже немолодых людей с высшим образованием.

Вдруг он обратился к аудитории с просьбой подождать его минут двадцать-тридцать, так как ему очень надо с кем-то встретиться, или куда-то позвонить, или что-то в этом

роде. Слушатели, конечно, не возражали, спокойно сидели, разговаривали и ждали его. Через двадцать минут Зотагин, войдя в аудиторию, прямо от двери со словами «Логика имеет свой язык...» продолжил читать лекцию, как будто она и не прерывалась. Впоследствии слушателям этой лекции стало известно, что он ходил в какую-то ближайшую забегаловку пропустить стаканчик вина. Тем не менее, лекцию он не испортил. Как всегда, она была интересна и поучительна.

И вот наступил день сдачи экзамена по философии студентами. Принимал экзамен Зотагин. Аудитория, в которой должен был состояться экзамен, была тщательно подготовлена студентами. Стол экзаменатора был накрыт красной плюшевой скатертью, на столе стояли цветы и минеральная вода. А зная «слабость» своего преподавателя, студенты, желая ублажить его, допустили определённую бестактность: поставили на стол откупоренную бутылку коньяка и нарезанный ломтиками лимончик. Остаётся только гадать, где студенты той поры в условиях «развитого социализма» (в начале 70-х годов прошлого века) нашли коньяк и лимон. Как раз незадолго до этого в стране произошло повышение цен на винно-водочную продукцию, и коньяк, вместо четырёх рублей двенадцати копеек, стал стоить восемь рублей двенадцать копеек, то есть в два раза дороже. Сразу же после повышения цен на коньяк появились и анекдоты об этом. Вот один из них.

Один мужик спрашивает другого:
 — Знаешь формулу воды?
 — Аш два О, — отвечает тот.
 — А формулу коньяка?
 — Не знаю.
 — А я знаю.
 — Ну, и какая?
 — Аш восемь двенадцать! — отвечает первый и, подняв вверх указательный палец, многозначительно добавляет: — О!!!

Или другой анекдот.

Посередине между городом и деревней идет милиционер и видит лежащего на земле пьяного. Милиционер по рации вызывает свое отделение и спрашивает, куда тащить пьяного: в город или в деревню. Ему отвечают:

— А ты его понюхай. Если пахнет водкой, тащи его в город, а если самогоном — в деревню.

Милиционер понюхал и говорит:

— От него коньяком пахнет.

— Ой! Тогда ты Их не трогай, — отвечают ему. — Пусть Они отдыхают

А кроме анекдотов появилась такая шутка-прибаутка.

Сейчас коньяк пьют только ВОР и ЧИЖ, где ВОР и ЧИЖ — это аббревиатура сочетаний слов *Высоко Оплачиваемый Работник* и *Чрезвычайно Интересная Женщина*.

Итак, экзамен по философии. Перед началом экзамена все студенты собрались в аудитории в ожидании экзаменатора.

Зотагин вошел. Увидел. Не мешкая, пошел к столу, налил почти полный стакан коньяка, выпил, достал из бумажника десять рублей, положил их на стол и сказал:

— Экзамен переносится на завтра. Сейчас я принимать экзамен не имею права. Я выпил. До свидания.

И вышел из аудитории.

На другой день больше половины группы экзамен провалили.

Шарлатан

В 70-х годах прошлого века летел я самолётами «Аэрофлота» из Перми в Таллинн, столицу Эстонии. Прямого рейса Пермь — Таллинн не было, поэтому я летел на Ригу, где должен был сделать пересадку на самолёт до Таллинна. Рига не принимала, и нас посадили в аэропорту Вентспилса, небольшого латышского городка на берегу Балтийского моря. Аэропорт в Вентспилсе был небольшой, здание аэровокзала одноэтажное, а народу в нём накопилось ужасно много, так как все рижские самолёты направлялись сюда. Стояла осень, погода была промозглая, и поэтому люди старались находиться не на воздухе, а в помещении. В результате в здании аэровокзала набилось так много людей, что не только посидеть, но даже к стенке прислониться было негде. Все нервничали, все ждали объявления о посадке в свои самолёты, но администрация аэро-

порта ничего сказать не могла. А неопределённость еще больше усугубляла нервную обстановку.

Так прошло несколько часов. Мой самолёт из Риги на Таллинн давно уже должен был улететь, и я тоже изрядно изнервничался. К тому же усталость просто валила с ног.

Вот в таком-то положении я оказался у стойки, за которой сидел диспетчер. Облокотившись об эту стойку, я стоял с полузакрытыми от усталости глазами и ждал своей дальнейшей участи.

Вдруг я увидел, что через толпу людей к этой стойке, работая локтями, пробивается какой-то гражданин интеллигентного вида явно еврейской национальности.

— Простите, пожалуйста, — обратился он к диспетчеру, подойдя к стойке и предварительно поздоровавшись. — У меня к вам просьба. Дело в том, что скоро вам должны

позвонить из горкома партии и попросить позвать к телефону доктора-гипнотизёра Финкильштейна. Так это я. Но мне неудобно всё время стоять здесь и ждать звонка, поэтому я и прошу вас сказать звонившему, что я, Финкильштейн, лечу сейчас в Ригу из Ташкента, а дня через два-три улетаю в Норильск. Я буду вам очень признателен, если вы выполните эту мою просьбу.

Диспетчер пообещал выполнить просьбу и даже записал её себе для памяти. Я всё это, стоя рядом, слышал.

Через какое-то время я оказался возле справочного бюро и так же стоял, ожидая посадку в свой самолёт. Обстановка в аэропорту не менялась. Самолёты только прибывали, и не один ещё не был отправлен.

И тут я увидел, как к справочному бюро подошел тот Финкильштейн, которого я уже встречал у диспетчерской стойки. Мне было видно, что он обратился к оператору справочного бюро с какой-то просьбой, и оператор ему отказывает. С какой именно просьбой, я не слышал.

Вот здесь-то меня как вожжа подстегнула. Несмотря на усталость, и не открывая полусомкнутых от усталости глаз, я тихо проговорил, обращаясь к оператору:

— Да помогите ему. Это же Финкильштейн, доктор-гипнотизёр.

Надо было видеть изумлённый взгляд Финкильштейна. Он несколько секунд смотрел на меня с открытым от изумления ртом.

— Откуда вы меня знаете? — спросил он, справившись с удивлением. — Вы слушали мои лекции?

— Нет, — ответил я. — Я вас вижу впервые.

— А как же вы узнали мою профессию и даже мою фамилию? — спросил он.

— А что вас так удивляет? — сказал я. — Вот я же не удивляюсь, что вы гипнотизёр. А я телепат. Только и всего. Каждый как может свой хлеб зарабатывает.

Казалось, не было предела его удивлению.

— Ну, я вас серьёзно спрашиваю. Откуда вы меня знаете? — не унимался Финкильштейн.

Я решил разыгрывать его дальше.

— Я же вам сказал, — ответил я. — Я телепат, и в подтверждение могу сказать о вас больше. Вот, например, вижу, что вы летите в Ригу из Ташкента, а через пару дней полетите в Норильск.

Финкильштейн не нашелся, что ответить. Так и стоял с изумлённым видом. Затем он порывался что-то сказать, но, махнув рукой, отошел немного в сторону. Я видел, что он несколько раз снова пытался подойти ко мне, но у него всё как-то не получалось. Наконец, он решительно направился ко мне.

— Идемте в ресторан, — сказал он, подойдя. — Я вас приглашаю.

— Да что вы? — говорю. — Разве возможно при таком скоплении людей попасть в ресторан?

— Идемте. Я всё устрою, — заверил он меня.

И я согласился. Хоть посидеть, думаю, можно будет. Да и стакан чая не плохо бы выпить. И мы пошли.

Как и следовало ожидать, свободных мест в ресторане не было, о чём свидетельствовала табличка на двери ресторана в полном соответствии с нравами «развитого социализма». Но Финкильштейн, войдя в ресторан, кому-то что-то сказал, и нам отвели удобный столик только на двоих в дальнем от оркестра углу, что меня очень устраивало, так как посидеть хотелось в тишине.

Финкильштейн заказал бутылку коньяка, кофе, лимон, и мы с наслаждением стали потягивать коньячок, ведя непринужденную светскую беседу, не вспоминая о разговоре возле справочного бюро. За беседой мы друг другу представились и даже обменялись домашними адресами. Так мы понравились друг другу.

Бутылка коньяка подходила к концу. Оставались последние рюмки. Только тогда Финкильштейн как-то заговорщически вдруг спросил:

— Скажите мне, всё-таки, как вы можете узнавать не только имя человека, но и его профессию, и даже его планы? Ведь мы с вами до сих пор были даже не знакомы.

— Помните, — ответил я, — часа два-три назад вы подошли к диспетчеру и просили его ответить на звонок из горкома партии, назвав при этом себя и свои планы. Я стоял рядом и весь ваш разговор хорошо слышал.

— Как же, как же! Было! Было! — воскликнул он. — Я сам должен был сообра-

зить и догадаться! Что же это со мной происходит!? Устал, наверное, очень.

— Вот и всё моё шарлатанство, — говорю я ему. — А теперь вы откройте секрет вашего ремесла.

— Ха! — усмехнулся гипнотизёр. — Ставьте бутылку коньяка! Я ведь поставил!

«Писатель»

Курсанты второго курса Пермского речного училища проходили групповую плавательскую практику на грузовых судах Камского речного пароходства. Практика заключалась в том, что с утра до полудня они занимались «теоретически», то есть под руководством руководителя практики, преподавателя училища, изучали устройство судна, правила плавания по внутренним судоходным путям, общую лоцию, специальную лоцию и другие дисциплины, а с двенадцати часов до двадцати в две смены несли вахты на руле и в машинном отделении. Ночных вахт они не несли как не достигшие совершеннолетия.

Я, преподаватель морских дисциплин училища, руководил прохождением практики группой курсантов на сухогрузном теплоходе «Ядрин».

Приняв груз в порту города Пермь, наш теплоход вышел в рейс назначением на Тверь, которая в описываемое время называлась Калининым. Прибыв в порт Калинина, теплоход встал под разгрузку. Далее планировалась погрузка и следование на Каму. Учитывая, что разгрузка и погрузка займут довольно значительное время, я решил съездить на электричке в Москву.

Вернувшись к вечеру в Калинин, я, к своему ужасу, обнаружил, что теплоход уже ушел. Посоветовавшись с диспетчером порта, я решил, что самый оптимальный вариант для меня — это немедленно возвращаться в Москву и далее электричкой ехать в Ярославль, где можно будет сесть на «Ядрин», когда он будет проходить ярославским рейдом.

В Москву я приехал уже глубокой ночью. На вокзале узнал, что ближайшая электричка на Ярославль будет только в семь часов утра. Мне предстояла мучительная ночь на вокзале. Выбора не было. Вещей у меня с собой не было никаких, и это несколько облегчало мое положение.

На диване, на котором я собирался коротать ночь, сидела женщина интеллигентного вида, по форме глаз которой легко можно было догадаться о её среднеазиатском происхождении. У неё было очень много вещей, сумок и сеток с дынями, яблоками и прочими фруктами.

Неожиданно в углу зала освободился диван, и женщина попросила меня помочь ей перенести к нему её многочисленные сумки, так как в углу было уютнее сидеть в ожидании поезда. Я помог ей, и мы вместе сели на этот диван.

Разговорились. Оказалось, что она тоже едет в Ярославль из Узбекистана к своим родственникам, и все эти фрукты везёт в виде гостинцев.

Так мы и сидели с ней всю ночь, ожидая электричку. Женщина действительно оказалась весьма интеллигентной, вежливой, воспитанной дамой, что было видно по её разговору.

Излишне говорить о том, как мы устали, если помнить, что я весь день ходил по Москве, а она несколько дней была в дороге. К тому же очень утомительно действовал шум в зале мочных машин.

Наконец, ночь кончилась, и диктор по трансляции объявил о подаче нашей элект-

трички к перрону. Мы заняли в вагоне удобные места, сидя у окна напротив друг друга. Прислонившись головами к борту вагона, мы оба дремали, изредка обмениваясь кое-какими фразами.

Поезд уже подходил к Ярославлю, когда она вдруг спросила:

— Скажите, а вы не писатель?

— А как вы догадались? — ответил я, не отрывая головы от борта вагона и не открывая глаз.

— Ну, ясно! — с вздохом сказала она. — Я вас узнала. Я видела вас на обложке журнала «Роман-газета».

— А...а, — протянул я, так и не открывая глаз.

— Я читала ваши книги, — продолжала она. — Хорошие книги. Читала ваш роман «Горение», «ТАСС уполномочен заявить», А какие замечательные фильмы поставлены по вашим книгам! Один фильм «Семнадцать

мгновений весны» чего стоит?! А «Майор вихрь»! Хорошие фильмы!

Из её болтовни я понял, что она перепутала меня с известным писателем Юлианом Семеновичем Семеновым. Здесь уместно сказать, что голова у меня лысая, и я ношу небольшую бородку. Правда, не щетину, с какой Юлиан Семенов изображен на обложке «Роман-газеты». Ну, да что из того? Перепутала!

Я не стал ни разуверять её, ни подтверждать её догадку. Я просто промолчал.

Вскоре поезд подошел к перрону Ярославского вокзала. Я помог моей спутнице донести её поклажу до стоянки такси и пошел догонять свой «Ядрин».

А эта славная женщина, вероятно, до сих пор при случае рассказывает своим собеседникам, что сам Юлиан Семенов помогал ей перетаскивать с места на место её многочисленную поклажу.

Юрий Асланьян

Деловая игра

Какая, Господи, кровь? Даже конфликтом не пахло в тот теплый и темный августовский вечер. Бутылка коньяка на троих, гитара, городские романсы и арии в исполнении корреспондента центрального издания. А потом в номер спортивной гостиницы пришли еще трое — новый русский, городской чиновник, возглавляющий только что созданный фонд по управлению имуществом, и столичный игротехник — после сауны, с цветами для нашей единственной дамы. Разговор принял игриво-прикладной характер, хотя деловая игра еще не начиналась, по крайней мере, так казалось — что не начиналась.

Это было на спортивной базе олимпийского резерва по биатлону, неподалеку от областного центра, в страшеньком 1992 году.

Да, начиналось празднично, пахло букетом роз, а не кровью. Цены, которые обрушились, оголили сознание, покрывшееся от холода зноблящей изморозью. Закон о приватизации понимали только избранные, улыбавшиеся друг другу, как римские авгуры. Жрецы вели игру втемную.

Из Москвы прибыли психологи и социологи — команда игротехников, которая должна была привести мозги начинающих бизнесменов в соответствие международным стандартам. Меня, журналиста, тоже направили за город с коллегами из других изданий, предпринимателями и столичными технологами, руководителями фондов и комитетов, чтобы я написал о молодых и голодных акулах России, выходящих на охоту в бездонный мировой океан.

На следующий день открылась деловая игра, на время которой я был прикреплен к группе бизнесменов нашего региона.

Но моя работа началась с конфликта. В спортивном зале собралось десять человек, не считая меня и столичного специалиста.

Горбоносый игротехник, Борис Ефимович, стал быстро распределять роли между участниками группы — кто кем будет: банкиром, предпринимателем или налоговым инспектором.

— А вы будете кем? — спросил он, когда очередь дошла до меня.

Я сам когда-то работал социологом, видел — человек избрал жесткий стиль руководства, чтобы продемонстрировать провинциалам свою крутизну и необычайную серьезность мероприятия.

— Журналистом, — приветливо улыбнулся я, доставая авторучку и раскрывая на колене блокнот.

— Я имею в виду игру, — резко поставил меня на место чернокудрый игротехник.

— Я в ваших играх не участвую, — ответил я, нагло глядя в блаженные глаза очередного российского манипулятора.

— Вы будете участвовать в нашей игре или покинете помещение, — еще более сурово произнес игротехник.

«Это ты зря, юноша, — мелькнуло у меня в голове, — было дело, я против автомата стоял...»

И я опять приветливо улыбнулся ему — как человеку.

— Хорошо, я покину помещение, но предупреждаю: свободных журналистов здесь больше нет.

Манипулятор загнал себя в нелегкое положение: он желал, чтобы все играли по неписанным правилам игры, при этом не хотел отказываться от прессы. Да, я его понимал...

Игротехник молчал.

— Хорошо, оставайтесь, — наконец процедил он сквозь зубы и отвернулся, демонстрируя бизнесменам беспредельность собственного духа.

Когда я пришел в номер, сосед уже был на месте — во всех смыслах этого слова: он

лежал на кровати ниц, аккуратно сложив ноги рядышком, с вывернутым в мою сторону красивым юношеским лицом, по которому рассыпались густые русые волосы. Левая рука свешивалась до пола, по которому к батарее откатилась пустая бутылка из-под вина. По лицу и телосложению — еще совсем мальчик. Я вспомнил: его звать Григорий Рыболовлев, говорят, игрой на бирже он в короткий срок сколотил шесть миллионов рублей и стал самым богатым человеком в нашем регионе.

На следующий день бизнесмены растелили на полу ватманы, притащили фломастеры и начали рисовать схемы решения своих проблем — создания предприятий, участия в приватизации, взаимодействия с властями... Здесь фирма, там — налоговая, далее — банк и партнеры по бизнесу.

— Хорошо, вы пришли в администрацию, но чиновник не подписывает один из тех документов, который необходим для регистрации вашего предприятия. Что вы делаете? — спросил игротехник, пристально вглядываясь в лица участников игры.

Молчание затянулось. Сейчас я понимаю, что молодые люди молчали не от незнания — в моральном и практическом аспекте проблема для них была давно решена. Просто они ещё не поняли правил конкретной игры — это игра? Это деловая игра? Или это серьезно и надолго?

— Ну конечно! — воскликнул Борис Ефимович, будто читая мысли своих подопечных. — Конечно — надо дать чиновнику взятку, достаточную, чтобы он подписал разрешение, лицензию, экспертизу...

Бизнесмены облегченно вздохнули — предприятие создано. А поскольку деловая игра проводилась под патронатом комитета по управлению имуществом, отмашку на мздоимство дала официальная власть. Никто ничего не скрывал с самого начала.

Конечно, это была не последняя откровенность деловой игры, в которую пытались меня затаскать. И наступил момент, когда речь зашла о главном. Потому что игротехник хорошо понимал, кто будет диктовать основные правила игры.

— Как вы считаете, какая форма власти является сегодня самой оптимальной для вас, молодых предпринимателей России? — задал он очередной вопрос.

Российская демократия находилась в годовалом возрасте, лежала и плакала в люльке — и над ней склонилось полстраны, не меньше. Поэтому я не ожидал каких-либо особенно самобытных или чрезвычайных ответов на вопрос — и зря, как оказалось. И более того — поразили не сами ответы.

— Я предпочел бы авторитарную власть в стране, — первым высказался Григорий Рыболовлев. Он держался спокойно, с достоинством, с видом игрока на бирже, у которого есть серьезная инсайдовская информация.

Я был удивлен, точнее — ошарашен.

— Я тоже считаю, что нам нужна сильная власть, вроде пиночетовской в Чили, — поддержал его другой молодой человек, с замедленной реакцией и нескрываемой физической силой, — при сохранении частной собственности...

«Да, у Гитлера тоже была частная собственность, — сразу вспомнил я, — и у Муссолини была, а у Сталина — социалистическая...»

Я разглядывал лицо флегматика, который, как я уже знал, создал одну из первых фирм недвижимости в стране. И мне было грустно от мощной черепной коробки, отсутствия интеллекта и наличия упорного характера. Я уже догадывался, что может сулить стране сочетание этих качеств.

Потом они заговорили все — и это оказалось самым удивительным, а не сама точка зрения. Удивительным было то, что точка зрения существовала одна — мнения всех игроков совпали. Я, откровенный приверженец только что победившей демократии, был подавлен. Это совсем не то, что предьявлялось бизнесменами публично... Жрецы вели игру втемную.

— Я думаю, что вы правы, — согласился игротехник, который, вероятно, по плану мероприятия к этому времени должен был сменивать авторитарный стиль управления игрой демократическим, а в стране — наоборот.

Я представил себе, что подобное происходит во всех регионах страны, под управлением Москвы и фондов имущества — и мне стало так плохо, как бывает только с похмелья.

— У меня есть человек, который занимается рекламой, — сказал мне на прощание бизнесмен, похожий на мальчика, когда выходил из номера гостиницы, в котором мы с ним жили, — будет желание поработать — звоните.

Я, понятно, звонить не стал, но видел Григория Рыболовлева несколько раз — в областном фонде имущества, который он посещал в сопровождении своей молчаливой команды. В основном, он интересовался кабинетом заместителя председателя, бывшего офицера ракетных войск, который через некоторое время стал его заместителем. Какова была цена рокировки, я узнал позднее, когда результаты закрытого тендера потрясли мировой рынок ценного сырья, а счастливый мальчик в одночасье стал молодым магнатом. Понятно, закрытым тендер был для остальных, а для избранных — открытым, как врата в комфортабельный рай безграничной свободы. На деловых играх они быстро освоили слив информации. Теперь у мальчика было все — цветущий возраст, образование, ум, деньги, все было — кроме главного.

Потом один влиятельный сотрудник внутренних органов рассказал мне, как вскоре после удачной приватизации Григорий Рыболовлев вернулся из Швейцарии — и встречать его прямо на взлетную полосу вылетели черные джипы, с космической связью, еще редкой в то варварское время золотой лихорадки. А следом — бедные, но более многочисленные ментовские машины, быстро взявшие магната и его эскорт в железное кольцо. Потом менты, не церемонясь и не обращая внимания на протесты изумленных бизнесменов, хватали пахнущих вином и одеколоном людей и бросали их в фургон, как последнюю привокзальную шушера. Эскорт был в шоке. Человек из органов заметил, что менты испытали физическое удовольствие, кидая бизнесменов в грязные автозаки.

В чем дело, Господа? Об этом мы узнали из вечерних новостей. По телевидению магната представили заказчиком громкого убийства. Полгода, пока шло следствие, мальчик провалялся на нарах изолятора. Потом он сидел в зале суда перед фото- и телекамерами, аккуратно прикладывая белый платочек к вспотевшему от страха лицу. Но позднее все-таки был отпущен на ту самую свободу, которой достойны только избранные. Сколько он заплатил за свободу — не знаю.

Да просто революционная биография: небогатая, но интеллигентная семья, медицинский факультет, борьба, тюрьма, победа!

Конечно, позднее Рыболовлев сквитался с тем человеком, который, используя административный ресурс, попытался лишить его свободы, собственности и честного имени. Честного — в глазах телезрителей, конечно. Потому что самым главным — нравственной основой собственного бытия — мальчик не обладал, а купить ее, как на закрытом тендере фонда имущества, невозможно, это даже не имение в швейцарских Альпах. Наверное, тот человек, старый мафиози, который обидел мальчика, посадив на нары, потом не раз плакал по ночам от старости и бессилия, но что тут говорить — сам нарвался.

Последний раз мы встретились с Григорием Рыболовлевым совершенно случайно: я нажал кнопку лифта, двери которого уже начали съезжаться, и в это время между ними встал, раздвигая их плечами, красавец в бежевой дубленке. Он вошел, за ним — еще один, и мы поехали. Он посмотрел на меня внимательно, может быть, узнал лицо, но не мог вспомнить, кто такой. Я напомнить не стал. Я удивился, что он без охраны и сам ловит лифт. Может быть, это связано с его личностными особенностями — меня это не очень интересовало. Я вспомнил, что в этом здании находятся какие-то офисы его компании. Запомнил, что он раздался в плечах и в лице, в котором появилась уверенность и сытость клиента альпийских ресторанов. Не мальчик, а муж.

Потом он снял с должности мэра и поставил своего человека, который создал

управляемую демократию для градообразующего предприятия магната. Однажды я, в силу своих служебных обязанностей и закона о СМИ, сделал все, чтобы читателям и радиослушателям стали известны факты загрязнения окружающей среды скважинами предприятия, которое принадлежало Рыболовлеву. Что тут началось: меня, как источник информации, и корреспондентов, которые работали со мной по этой теме, обещали сгноить и закопать, как чумной скот. И что удивительно: обещали заместители мэра, которые как раз и должны были печалиться об экологии региона!

Во что значит — управляемая демократия. Можно завезти ядерные отходы в страну, изменить законы, отдать природоохранный контроль добытчикам минерального сырья, можно все: даже изменить Конституцию страны и порядок выборов президента, продлевая его срок, вместо того, чтобы освободить диктатора условно-досрочно, за примерное поведение.

Сбылась мечта мальчишечки — он стал магнатом, а президентом страны — та самая авторитарная личность, которая, по задумке деловой игры, должна была обеспечить богатым людям стабильность режима, неприкосновенность собственности и свободу передвижения по миру с банковскими картами в карманах. Это они, магнаты, олигархи, своими руками, молочком, медом и белым хлебом вскормили монстра, который заблестел оздоровевшей шкуркой, засветился сытым взглядом, тайным светом нелегального агента всех прогрессивных сил человечества. Засветился — теперь избранным будет он, один, неделим и непобедим. Заприте, нишкните, умрите там, в музейном Мадриде и туманном Лондон-Сити. Выбирайте: бунгало на Канарах или камера в Бутырке.

Мои друзья шутят, что самым слабым звеном советской образовательной системы оказалось гуманитарное: специалисты с дипломами точных факультетов за два-три года эффективно вписались в мировую экономику, но осмыслить мировую судьбу так и не смогли, понимая социально-экономические и политические процессы как деловую

игру. Да нет, конечно, дело не в образовании, а в том, что могучая Родина, породившая Достоевского и Толстого, не смогла обеспечить своих красивых и образованных отпрысков самым главным — нравственным законом, который никому не позволяет быть свободным за чужой счет. И где они теперь? Руководят своими гигантскими предприятиями с помощью космической связи, сидя в швейцарских имениях, и до сих пор не по-

нимают, что на самом деле происходит в их великой стране.

Потом люди Пиночета лишили мальчика собственности и отпустили живым за границу. Каждый ищет то, что в конце концов и находит.

Теперь, когда я вижу фото Рыболовлева, Ходорковского или Гусинского, я думаю: ну что, получили Пиночета? Так что лучше сами затягивайте себе шарфики на шею.

Сергей Ивкин

Иная речь «ГУЛа»

В Челябинске запущен издательский проект «ГУЛ» — Галерея уральской литературы (подробнее о нем см. здесь — http://www.marginaly.ru/html/Gul/Gul_index.html). Редактор Виталий Кальпиди и издатель Марина Волкова намерены издать книги 30 лучших представителей уральского поэтического движения за последние 30 лет. На данный момент вышло 12 книг, в том числе сборник стихов пермского поэта Антона Колобянина.

«Задачи серии «ГУЛ»: создание реального поэтического кластера на Урале вообще и в Челябинской области в частности. Реальный поэтический кластер — это осознание обществом того, что а) поэзия существует вообще, и уральская — в частности; б) эту поэзию нужно/можно читать; в) поэтические книги нужно/можно покупать. «ГУЛ» — это лавина звуков, породившая «иную» речь, которая в свою очередь не может не породить «иную» жизнь», — утверждают идеологи проекта.

В начале мая в поддержку книжной серии прошел автопробег издательского дома Марины Волковой по библиотекам Свердловской, Курганской и Челябинской областей. По просьбе «Вещи» участник акции, екатеринбургский поэт Сергей Ивкин написал отчет о книжных презентациях.

Редакция

Одной из форм «иной» жизни оказалось собрание в общую презентационную команду поэтов из разных литературных лагерей, разных возрастов, чтобы для любой в любом из городов России пришедшей на их выступление публики хотя бы один из них оказался интересен, а по максимуму — вся команда могла бы представить широкую палитру современной региональной поэзии.

В первом автопробеге издатель сама села за руль, взяв на борт трёх поэтов и одного детского писателя из Екатеринбурга. В основном презентационная деятельность Марины Волковой в библиотеках была связана с детской аудиторией. Таким образом, в большинстве ночлег и пропитание всей команды были подстрахованы.

Дальнейший текст есть отредактированный на спокойный разум сетевой отчёт. Неподписанные стихотворения в отчётах принадлежат мне.

Часть 1. Нижний Тагил

5 мая. Марина Волкова и Вадим Дулепов забирают меня с перекрёстка Фрунзе и Сурикова с двумя рюкзаками: один с книгами на продажу, второй со сменной одеждой. Под лобовым стеклом лежит книга Евгения Ройзмана — своеобразный флаг автопробега. Захватываем Елену Соловьёву с рюкзаком детских книг у Белинки и Константина Комарова у завода «Вектор». Я учусь пользоваться навигатором, хотя в первый день за дорогой следит Вадим Дулепов. Навигатор всё время повторяет: «Вы ушли с маршрута!» Константин Комаров в отместку ему распевает сочиняемые сходу двустушия:

*Навигатор-нафигатор,
как попал я в Улан-Батор?*

В Нижний Тагил, однако, добираемся без проблем, в дороге получаем от Марины Владимировны подробный инструктаж на ближайшие дни: мы должны научиться действовать как единая команда, показать образец дружбы и взаимопонимания между литераторами.

Во многих городах наша команда даёт два параллельных выступления: поэты для взрослой аудитории презентуют серию поэтических книг «ГУЛ», Елена Соловьёва проводит творческие семинары с детьми на базе своей книги «Цветник бабушки Корицы».

На входе в Детскую библиотеку висит рекламный плакат с агрессивным самцом: «Не желаете зайти в библиотеку?» У меня желание заходить в эту библиотеку сразу отпадает. Шумно встречающие нас библиотекари рассказывают, что выбирали фотографию всем коллективом. Значит, я — не их контингент.

Выгружаю рюкзак с книгами в детской библиотеке. Едем в Центральную, проезжаем дом Евгения Туренко, в который я несколько раз посещал за «наукой слова». На одном из таких «частных уроков» я переписал свою «галапагосскую черепаху», сменив все эпитеты с точных на приблизительные, дав тексту дышать:

*На тростниках плётки монгольфера
ты поднимаешь тело, что корзину,
с глубин постельных к запахам кофейным...
Я шевелюсь, голодный клюв разинув,
в бунгало сна, пустом и обветшалом,
твоим теплом очищенный от страха.
Но мне по суше проходить шершаво —
я жил галапагосской черепахой.*

*И выдохнуть меня — твоя тревога.
Здесь воздух плотен так, что сух на ощупь,
что можно даже музыку потрогать
(ресницами, хотя губами — проще),
и снова вверх (тебе уподобляясь)
без панциря (невидимого даже)
привычным черепашьюм баттерфляем
над незнакомым городским пейзажем.*

*Води меня — я суетен и шаток.
Воскресный мир перебирай подробно,
где золотистой стайкою стихата
нас обживают, шепчутся под рёбра.
Веди меня своим спокойным чтеньем,
ни за руку, ни обещаьем чуда.
Единственное тёплое течение
я черепашей памятью почуял.*

В отличие от радостной суеты в Детской библиотеке, в Центральной нас попросту игнорируют: много вас таких тут ездит. Приходит ответственная за мероприятие, тогда нам выделяют коробку тёплого шоколада, экран и ноут с проектором. Но надо признать центральность: один из важнейших клипов на флэшке Марины Волковой оказывается в разрешении .flv, для которого на ноуте нет кодака. Файл нам очень быстро форматируют в .avi.

Я передеваюсь во всё чистое, чтобы избавиться от лёгкого тремора. Как говорит Елена Сунцова: «Поэт — это стыдная профессия». В чистом позориться не так страшно. Встаю к столу с книгами: с первой же презентации ГУЛа в Екатеринбурге в середине апреля моё место определилось в заведовании казной.

Микрофон один. Потому первый выход в народ получается весьма академическим: серия монологов. Марина Волкова рассказывает о проекте, вспоминает Евгения Туренко, показывает запись чтения им стихотворения «Жасмин», призывает встать и почтить память поэта минутой молчания.

Вместе с приехавшими поэтами выступают здешние авторы Елена Ионова, чья книга открывает серию ГУЛ, и Наталья Стародубцева, чья книга готовится к печати. В качестве «обратной связи» из зала выходит Василий Овсепьян: «Я знал Евгения Туренко лучше всех. Я знал его изнутри...». Наталья Стародубцева встаёт и молча уходит. Своё пространное выступление он завершает стихотворением Евгения Владимировича:

*Мы будем пить вино, и говорить: люблю.
Похоже, скоро дождь дойдёт до преисподней,
осыплется теперь листва, и к ноябрю
пролётится только свет по милости Господней.*

*Не скучно и темно, перезабытый дом,
и некуда идти, смеркается округа,
и правда, что судить не важно ни о чём,
а лишь перебивать молчанием друг друга.*

*Вчерне блестит огонь, и понарошку не
тоскливо, и легко — домислено донельзя,*

*единственно — гляди туда, где, не надейся,
не видно ни следа, и полночь на стекле.*

*И, в третьих, не возьмёшь взаимное себе,
и бедность не солжёт, а блажь прямее скверны,
и надо ждать числа и снега на земле,
не думав, не гадав, и не стыдясь, что смертны.*

Под занавес Марина Волкова предлагает провести в Нижнем Тагиле сольные вечера поэтов Ионовой и Стародубцевой, а также вечер памяти Туренко. Библиотекари заговорщически молчат. Заезжаем в Детскую — так множество восторгов, нас тянут к столу, кормят и хотят общаться. Но расписание гонит — выезжаем в Алапаевск.

Часть 2. Алапаевск

К 18:00 по разбитой дороге из Нижнего Тагила в Алапаевск мы не успеваем. Но пришедшие на нас и дети, и взрослые терпеливо выжидают 40 минут. Ангелы видимо решают дать Марине Владимировне отчитать нас досконально: зал расшевелить не сумели, выступали все одинаково, а она специально собрала вместе максимально различные поэтические типажи. Я объявляю, что с этого момента наш автомобиль нарекается «Цыганским факультетом», а Марина Владимировна берёт себе роль декана. На Алапаевске решено опробовать систему «чехарды».

Алапаевск нашу игру принимает сразу же: «А чего это только вы стихи читаете? Мы вам тоже стихи читать будем!» К счастью, опыт жюри у всех приехавших богатый: инициаторы тотчас же выслушивают советы от «профессионалов» и приутихают. Не выходит на сцену из местной богемы только самый улыбчивый дедушка. Он в конце вечера дарит мне сборник Юрий Трофимов «Книга текстов» с приговоркой: «Художник художника сразу видит».

Если в Нижнем Тагиле мы ощущаем себя внутри барокамеры, в которой отключили подачу кислорода, и люди там находящиеся медленно вянут, опасаясь сделать лишнее движение, чтобы последние молекулы для дыхания не истратить на что-нибудь не такое обязательное, то в Алапаевске производимым кислородом можно отравиться. Местное ЛИТО шептунное, радостное, изрядно доставшее своих библиотекарей. Воистину Шалопоевск.

Одна из зрительниц просит, чтобы стихи всё же читали приехавшие. И обязательно о любви. А наедине Марине Волковой она добавляет: «У наших поэтов всё понятно и плохо, а у ваших — ничего не понятно, но почему-то хорошо». Моё «Отказаться от любви» она просит прочитать дважды. А потом подходит к Константину Комарову и благодарит его за такое пронзительное и верное стихотворение. Наука Марины Владимировны даёт о себе знать: нас перестают воспринимать по отдельности.

*Отказаться от любви много проще,
чем от дела, от кормушки, от веры,
от наследства или прав на жилплощадь,
от военной или светской карьеры,
от родительской счастливой опеки,
от друзей, довольных редкостным браком...
Отказаться от любви человека
очень просто, если можешь не плакать.
Очень просто отказаться: всё это
происходит где-то там, не с тобою.*

*И совсем уже легко, если дети.
И тем более, когда у обоих.*

Покупают две Энциклопедии УПШ, упрасивают остаться ночевать, гулять по городу. Но расписание у нас жёсткое. По дороге в Екатеринбург больше молчим, в машине играет джаз — бразильские вариации на темы The Beatles. Обсуждаем с Еленой Соловьёвой, кто больше эмоционально питает: дети или взрослые? Соглашаемся, что дети дают всё-таки больше даже самых энергичных взрослых. На самом подъезде к городу выясняется, что Вадим Дулепов сходит с маршрута: его ждёт работа на фестивале фантастики «Аэлита». А остальных на следующий день ждёт Южный Урал и Зауралье.

(В Екатеринбурге перед сном я открыл подаренную книгу алапаевского поэта и сразу же нашел стихотворение «о любви», которого так не хватало «исстрадавшейся от местных поэтов» женщине:

*я весь заключён в геометрическое пространство трёх слов
я люблю тебя
смысл которых не может исчерпать вся вселенная
ты всё время уходишь
но как ты уйдёшь если ты вся во мне
моё я заменено твоими радостями и страданиями
если тебя нет со мной я чувствую твою тревогу и боль
как раненный зверь выбегаю я и встречаю тебя среди звёзд
глядя на тебя я научился понимать простоту как высшую
форму внутренней жизни...*

Но стихи Вадима Дулепова, Константина Комарова и Сергея Ивкина алапавской библиотекарше оказались ближе).

Часть 3. Каменск-Уральский

6 мая выезжаем в 8:10. Высаживаем Елену Соловьёву у Детской библиотеки, сами едем в Центральную. Но Каменская Центральная в отличие от Тагильской — место прикормленное. Поэтов здесь любят и кормят чудесными пирогами.

Главным сюрпризом для нас оказывается то, что к 11:00 в зал ровно на час вводят кадетов. Оттого встреча получает несколько военный оттенок. И каждому из выступающих от Каменской библиотеки ещё и дарят сборник стихов Каменских поэтов о Второй мировой войне. Кадеты слушают нас, словно инструктаж. Несколько мальчиков подходят и пожимают мне и Константину руки.

Когда кадеты покидают зал, разговор переходит к методике стихосложения, критериям отбора стихов для поэтической серии ГУЛ и вопросам социализации поэтов.

После застолья Марина Владимировна рассказывает, что не нужно так пространно отвечать на вопросы про учёбу. Когда ребёнок хочет выразить благодарность, но не знает, как сделать это корректно, спрашивает про возраст. Возраст — своеобразный детский статус. А у взрослой публики такую роль ведёт вопрос об образовании. Нам не задаётся вопрос, а выражается благодарность. Отвечать нужно, но коротко, без уточнений.

Презентация книги Елены Соловьёвой «Цветник бабушки Корицы» проходит на отлично. Наполненные радостью мы выдвигаемся в Шадринск.

Часть 4. Шадринск

Пересечение границы Свердловской и Курганской областей ощущается сразу же: изменяется растительность, деревья становятся ниже и коренастей, поля уже все распаханы. Марина Владимировна рассказывает, что женщины в Курганской области весьма бойцовые, а вот мужики помельче и все похожи друг на друга. За всё время пребывания в Шадринске я вижу только двух мужиков, действительно, похожих, словно братья: они стоят при въезде в город возле своих поцеловавшихся автомобилей и без каких-либо привычных эмоций тихо созерцают произошедшее недоразумение.

В Центральной библиотеке Шадринска у входа висит портрет оперуполномоченного по району. На раздевалке ящик для писем с надписью «Вопрос прокурору». Над лестницей на второй этаж, где раньше были развешаны портреты классиков русской литературы, остались только Есенин и Тургенев.

Чаем нас поят в организованном внутри библиотеки музее «Назад в СССР».

В одну из комнат библиотеки собирают все сохранившееся вещи из той эпохи: портреты Ильича, школьную форму, вырезки из журналов мод, книги о пионерах, песенники, игрушки, кипятильники, печатную машинку, фотоальбомы, письма, наглядную агитацию, предметы личной гигиены.

И всё это разложено и развешано с такой щемящей нежностью. Угощают нас свежайшими профитролями, дающими дополнительный контраст с окружающим винтажем. На вопрос, можно ли воспользоваться вай-фаем, отвечают, что все исходящие из библиотеки выходы в сеть проверяются прокуратурой, так что пользоваться интернетом в библиотеке нельзя, но для Елены Соловьёвой делают исключение.

До выступления есть ещё время, выходим побродить по городу. Даже городское пространство устроено иначе. Домики очень невысокие, неба невероятно много. Останавливаемся на аллее под памятником с журавлём. Под размахом горящих на солнце крыл мы внезапно на два голоса начинаем читать с Константином Комаровым «Петербургскую свадьбу» Александра Башлачёва.

В дороге на Шадринск Константин поминает древнегреческим поэтом Ивиком, а в песне Григория Данского «Ивиковы журавли» есть строка «И стучат в облаках копыта чёрных Ивиковых журавлей». Так это «копыто» мне и аукается:

*да я выжил вот в этой культуре
безымянной почти что на треть
перепало на собственной шкуре
в невозможное небо смотреть
(это тёмное небо отвесно)*

*ты приходишь в себя от тычка
в электричке становится тесно
тчк тчк тчк*

Сначала моё стихотворение начиналось строкой «журавлиной почти что на треть», но необходимая информация друзьями не считывалась. И посреди Шадринска я внезапно жалею о замене, потому что понимаю, что несмотря на общую герметичность слово «журавлиный» точнее. Станным образом для меня журавль — символ поэтического одиночества, нахождения один на один с собственной смертностью.

Слушают нас вежливо, но без интереса. Полный зал угрюмых женщин. Марина Волкова оказывается права: Шадринску современная уральская поэзия не нужна. Про своего местного поэта Сергея Борисова женщины говорят: Но ведь он состоялся как учёный, чего же

ему нужно? Мы себя с Константином чувствуем ополченцами из песни Александра Башлачёва «В чистом поле — дожди косые».

Я решаюсь на эксперимент. Если все наши слова уходят в пустоту, то нужно эту пустоту уплотнить, чем-то заполнить, заговорить её. Я выхожу из-за стола и начинаю читать стихотворение Виталия Кальпиди:

*Вчера я подумал немного
и к мысли простейшей пришёл:
в раю отдыхают от Бога,
поэтому там хорошо.*

*От веры в Него отдыхают,
от зелени жизни земной,
где ангелы, как вертухаи,
всё время стоят за спиной.*

*От ярости Бога, от страха,
от света божественной тьмы,
от вспаханной похоти паха,
от суммы сумы и тюрьмы.*

*От ревности Бога, от боли,
от ста двадцати пяти грамм
отменно поваренной соли
для незаживающих ран.*

*И снова — от веры, от веры,
от сладкой её пустоты,
от ветхозаветной химеры,
с которой химичат попы.*

*От яблони в синей известке.
От снега на тёмной сосне.
От плотника с женской причёской,
от плоти его на кресте.*

*От «око за око», от шока,
что эти стихи на столе
лежат с позволения Бога,
убившего нас на земле.*

*О, как Он любил, спозаранку
склонившись над городом Ч.,
зализывать кислую ранку
у птицы на правом плече...*

После такого удара электричеством беседа с залом завертелась. Нам рассказывают, что поэты в городе есть, но один принципиально не придёт в то место, куда пришёл другой. В итоге на встречу с нами собираются люди от поэзии далёкие. «Товарищи Женщины»

пришли к Марине Волковой, потому что хотели узнать о книгах любимых детских прозаиков, которых она издаёт. Поэтические книги даже особо не смотрят, но у Елены Соловьёвой один «Цветник бабушки Корицы» приобретают.

Выезжаем мы из Шадринска в настроении несколько подавленном. Спасают нас всех от смертного греха уныния диск Алексея Паперного «Танцы» и дюпонизм Константина Комарова: Лошадринск. Но мне важно, что разговор всё-таки состоялся, пусть и пришла совершенно не наша публика, и в итоге что-то от этой встречи когда-нибудь прорастёт.

К прибытию в Курган мы все наши тревоги друг другу выговариваем. В гостиницу «Аврора» входим шумной цыганскою толпой. Я выключаю голосящий телевизор со словами: «Зомбоящик — зло!» Участники тура расходятся по комнатам готовиться ко сну.

В Кургане нашу встречу организует Анастасия Стародумова, а этот ангел обязательно соберёт и самих поэтов и людей, которым современная уральская поэзия нужна. С Константином решаем и дальше читать стихи Виталия Кальпиди на встречах.

Часть 5. Курган

7 мая изначально предполагается как самый тяжёлый день, потому что самый насыщенный. Но тяжести нет — только бодрость и любопытство.

Детская библиотека в Кургане очень красивая — с деревянной лестницей и витражами. А Центральная — просто стильная: шрифт Родченко, образ Владимира Маяковского в самых разных ракурсах и решениях. Марина Владимировна кружит по городу: я вижу Пожарную каланчу, храм с зелёными крышами, памятник молодожёнам возле колеса обозрения.

В Курганской Маяковке нас ждут. Представляют Марине Владимировне авторов, которые хотели бы выступить. В зале полный аншлаг. Рассказываем про книжную серию, поминем Евгения Туренко, поочерёдно с Константином читаем стихи Виталия Олеговича:

*Мне очень нравится, что ты еще жива,
хотя стареешь столь невероятно,
что по утру не так уже опрятны
твоих морщин сухие кружева.*

*Твой храп во сне похож на жернова.
Его я называю мёртвым пенъем.
А раньше ты, как бабочка, спала,
не злоупотребляя сновиденьем.*

*Не помню, в чём, но ты была права,
пока я утверждал, тупоголовый,
мол, зеленеет за окном трава
со злости, что не выросла лиловой;*

*мол, это бог на фоне февраля,
под фонарём (как будто так и надо)
архангела, хранящего тебя,
ощипывал под видом снегопада;*

*и что улыбка бога — широка,
что по её извилистому руслу*

*людей невыносимая река
к подземному стремится захолустью,*

*и что в потоке этой наготы
твоё лицо отсвечивает чётко,
и родинки, как капли темноты,
забрызгали тебя до подбородка...*

Марина Владимировна нам потом высказывает, что читаем мы Кальпиди плохо, не всегда понимая, о чём говорим, но после чтений слушатели подходят именно за стихами Кальпиди. А его книг как раз у нас нет.

От Кургана выступает молодой поэт Александр, который был с Константином на одном семинаре, и представитель СПР читает стихи о войне. Книг покупают много. Решаются и на энциклопедию. Я в каждую свою книгу в качестве автографа врисовываю новую лисичку. Фантазия кончилась, стал повторяться, пусть и не абсолютно. К застолью после чтений присоединяются ещё две поэтессы. Читают стихи, крайне энергоёмкие. Светлый ангел Анастасия Стародумова провожает нас, светится.

Чтобы мы не сильно раскрывали хвост павлиний, в дороге нас настигает сильный ливень.

Часть 6. Миасское

В Миасское мы попадаем на отложенную из-за погодных условий библиночь. Настраиваем аппаратуру для показа видеороликов и идём гулять. На въезде в город за оградкой лежит большой каменный Лось.

В центре Миасского традиционная площадь с вертикальным постаментом, увенчанным фигурой Ильича. У ног Вождя прикорнула маленькая торговая палатка «Сладкая вата», работник характерно южной внешности испугано выглядывает: Зачем это мы его фотографируем? На гербе Миасского кентавроподобный всадник, казачьи традиции...

В стороне от центральной улицы среди высотных новостроек набредаем на заброшенный монумент Скорбящим матерям, не отреставрированный даже ко Дню Победы. Вероятно, раньше его окружал частный сектор, а сейчас памятник с проезжей части не виден, потому не обязателен.

Библиночь в Миасском — крупный общественный праздник, на котором присутствует административная верхушка; работники библиотеки шьют костюмы, готовят танцевальные номера.

Пока проходят все презентации, на поэтов остаётся совсем мало времени. Потому мы выступаем крайне жгато (5 текстов от каждого), говорим только по существу, наибольший акцент ставим на видеороликах, как на совершенно новом для Миасского формате подачи поэзии. Наибольшую эмоциональную реакцию вызывает клип на стихотворение Александра Самойлова «Виталья». На фоне бытовых фотографий обычных челябинских подворотен, заборов, детских площадок звучит ритмичный голос поэта:

*Мне говорят, и я всё слышу.
Свиной грипп перешёл на уровень выше.
Мне объяснят, и я уразумею.
В британских школах расскажут детям о гегях.*

*Российский военный в Чечне пытался продать патроны.
37 тысяч офицеров уволит Минобороны.*

*Денежная масса в России уменьшилась в первом квартале.
Начальники ОВД целую ночь стреляли.*

*Помнишь, Виталя, меня? Кажется, мы дружили.
Потому что мы рядом, кажется, жили.
И сбегали вместе из одного и того же дома,
Потому что наши матери водили знакомых и незнакомых.*

*Потому что наши отцы были не с нами.
Твой отец — на зоне, а мой — в неизвестной яме.
Потому что они хотели того, что даётся тут же,
Попадает в кровь и с кровью идёт наружу.*

*Давно никого уже нет — ни правых, ни виноватых.
Тебе отстрелили башку в девяносто девятом.
Я не знаю, во имя чего я тогда испугался —
Мне приснился отец, и он надо мной смеялся.*

*Иногда я знаю, Виталя, где ты и кто ты.
Ты подъезжаешь ко мне на подержанном шестисотом.
Я смотрю на тебя, как нищий шарит в кармане,
Потому что в аду, Виталя, нет никаких желаний.*

*Муж Бритни Спирс вышел из комы.
Гарантии европейских стран требуются Газпрому.
Украденные бриллианты найдены в заднем проходе.
Дачники Мордовии наносят ущерб природе.*

*Экс-главе МВД Киргизии предъявлено обвинение.
В центре в связи с парадом ограничат движение.
Преподавателя МГУ подозревают в крупной взятке.
В хранилище ядерных отходов обнаружены неполадки.*

Глава культуры, симпатичная улыбчивая женщина сидит на первом ряду. После чтений подходит и благодарит каждого лично. Приглашает Марину Владимировну приезжать снова. Книги не покупают.

Часть 7. Челябинск

В Челябинск въезжаем почти в 21:00, когда Литературный салон должен уже открыться. Собравшиеся ждут под козырьком подъезда, прячась от дождя. Некоторые подходят позднее: в Челябинске репетируют Парад, центральные улицы перекрыты.

В кратчайшие сроки разбираются сумки, и начинается действие. Производится видеосъёмка. Оператор Анатолий Баскаков у каждого зрителя берёт персональное интервью о творчестве гостей Салона.

Читаем с Константином в большой красивой гостиной. Вообще весь дом Марины Владимировны Волковой напоминает волшебный замок. Сначала читает Константин:

*На третьей остановке от тебя
я был с автобуса за безбилетность ссажен
и вышел в мир, бессовестно грубя
всем встречным, ну а ты осталась с Сашей,
иль с Колей ли, а черт их разберет:
все на одно лицо — и то рябое.
Я сплю и твердо знаю наперед,
что завтра, за углом, столкнусь с тобою
под серым, кем-то высосанным небом,
лишенным даже оспинки огня,
и извинюсь, а ты пойдешь за хлебом:
без хлеба жить сложнее, чем без меня.*

Потом я, примерно столько же. Некоторые стихотворения даже на заказ. Например, Михаил Богуславский попросил:

Плавание

Александр Павлову

*от перемены мест
суммируется жажда
всего что не добрал
от перемены мест
 почуяв норд-норд-вест
 в начале чаял каждый
 сховать себе добра
 сыграв запретный квест*

*но вывернут баул
в нехоженную скатерть
и проглотив протест
сквозь пальцы видишь ты
 медлительных акул
 и белоснежных скатов
 низвергнутых с небес
 в разинутые рты*

*гонимые тоской
мы вышли за пределы
фантазии отцов
и страха матерей
 сияющий эскорт
 сиятельного тела
 несли ему лицо
 над гривами зверей*

*по замыслу Творца
и по причине пьянства*

*забыт державный шаг
открыты двери в клуб
где выложил в сердцах
наличку оборванцу
и слушал не дышал
рэгтайм фригидных труб*

*в конце любой тропы
пусть даже будет пристань
охотничий азарт
спекается в понты
и проще всё забыть
как будто бы туристом
ты переплыл свой ад
и это был не ты*

Обсуждения каждого из поэтов модернует Виталий Кальпиди. Когда слушатели тушуются, начинает разбор сам, полностью эмоционально погружаясь в анализируемое творчество.

Чтобы представить взрослую прозу Елены Соловьёвой, я читаю её новеллу «Оля-Лукойе» из книги «Перед тем, как исчезнуть». С моего голоса получается огромное лирическое стихотворение о смерти, а вовсе не воспоминание о пионерлагере.

Когда чтения завершились, Виталий Олегович собирает поэтов на кухне и рассказывает, что помимо филологической конференции по УПШ (конференция «Уральское поэтическое движение (1981–2013): история, аналитика, прогнозы» в Уральском Федеральном университете 24–25 сентября 2014 года, — прим. редакции) пройдет Уральский поэтический фестиваль. Готовить его надо уже сейчас. Каждому из присутствующих даётся область для размышлений.

Елена и Константин остаются ночевать у Марины Владимировны и запечатлевают интерьеры своих комнат. А я уезжаю к Михаилу Богуславскому и Ирине Батаниной. Заговорив об Антологии современной Белорусской поэзии, понимаю, что финал стихотворения Мари Мартысевич в нашем с Ульяной Вервиной перевод должен звучать:

*Чтоб ни случилось с тобой — Апокалипсис, выборы —
мама откроет и спросит: Где ж ты ходила?*

Одна буква, а смысловая интонация меняется кардинально.

Часть 8. Кыштым

8 мая по дороге на Кыштым Марина Владимировна проводит разъяснительную работу. Мы обязаны реабилитировать поэта и культуртрегера Александра Петрушкина в глазах библиотечарей после серии фестивалей 2007 года: пьяное жюри, танцы обнажённых поэтов под дождём перед Детской библиотекой, драка с дальнбойщиками и много чего ещё. Елену Соловьёву завозим как раз в ту самую Детскую библиотеку, перед которой мы с поэтом Сергеем Арешиним под дождём пьяные и кружили. В библиотеке работают несколько студий детского творчества. Я себе сразу же присматриваю на стене лисичку.

Детей на встречу с Еленой Соловьёвой приходит много. Марина Владимировна в Кыштыме частый гость. Её здесь знают и любят. Взрослая аудитория меньше, но пришедшие

слушают очень внимательно. Записывают на две камеры. Не сговариваясь с Константином оба строим слегка «слезливую» программу, всех понимает.

Кыштым

Наталье Косолаповой

*Горный северный край. Ветер по умолчанию — южный.
Итальянская зелень в июле груба и манерна.
Храмы недоразрушены, т.е. открыты наружу
самым светлым, что только осталось, наверное.*

*Утром надо бросаться к реке: её дамбам и сливам.
Впрочем, ты сухопутен — уважит колонка любая.
Надо всё потерять и под вечер проснуться счастливым,
женский воздух Кыштыма растянутым горлом хлеба.*

*Даже души на небо отсюда уводит автобус.
Не спеши до него. Что тебе до бараков холерных?
Посмотри на закат, над болотом постой, чтобы... Чтобы
примелькались стрижи в твоих трещинах, сколах, кавернах.*

Несколько раз завуалировано повторяем, что Александр Петрушкин крайне важный человек не только в издательской структуре Марины Волковой или внутри Уральской поэтической школы, а для всей литературной России. И работники библиотеки в итоге за чаепитием говорят: «Все вы хороши, но наш-то обалдуй, оказывается, круче всех!» Под эгидой Марины Владимировны поэтические фестивали в Кыштыме решено возобновить, куратором оставить Александра. То есть план Волковой мы с Константином в жизнь претворяем наотлично.

Марина Владимировна увозит Константина и Елену в Екатеринбург, а я остаюсь в Кыштыме ещё на день.

На презентацию «ГУЛа» из Каслей приезжает Ксения Котова, с которой мы познакомились на Каслинском поэтическом фестивале пять лет назад и проговорили два дня, не отцепляясь друг от друга. С тех пор не виделись, даже не переписывались. И вот снова говорим. О театральной студии, которую в Каслях ведёт Ксения, о преодолении детских комплексов, вбиваемых взрослыми, о фильмах и спектаклях.

В 18:05 отходит последний автобус до Каслей. Мы еле успеваем до него набродиться по городу и даже залезть в разрушенную домну. Когда обнимаемся на прощание у автобуса, язычок моего варгана цепляется за Ксенину кофту. С мясом...

Вечером возвращается с работы Александр Петрушкин. Мы провожаем в Питер его жену Наталью (которой посвящено стихотворение «Кыштым») и двух дочек (Алёну и Полину). А сами, взяв бутылочку, идём за город в лес с младшим сыном Ярославом. Ярослав не очень чётко говорит. Александр и Наталья занимаются с ним, но при том, что мальчик правильно выпевает все гласные, он меняет согласные местами. Сидя на вершине холма, я достаю цеплючий варган с кончиком лисьего хвоста на футляре и начинаю играть. Ярослав подходит ко мне и просит себе странную железку. Оказывается, что железка просто так не играет. Требуется научить. Когда у него получается наконец всего один звук, глаза Ярослава сияют. Я понимаю, что передо мной — музыкант. Потому-то и говорить ему трудно: настройка иная. Такие «гули-гули»...

Часть 9. Тыдым

9 мая — главный русский праздник. Идём с Александром Петрушкиным на митинг на городскую площадь. К нам подходит человек и просит закурить. Его зовут Олег. Он идёт рядом с нами, улыбается. Такие лёгкость и бесстрашие, незлобивость, рядом — свои. Все — только свои.

Провожаем взглядами множество шаров над городом. Гуляем по Кыштыскому парку во-круг усадьбы Демидовых. Воспоминания прошлых визитов в этот маленький город накатывают, словно волны. В Кыштымском ДК я взял лауреатство в поэтическом турнире, с которого и началось моё бытование именно внутри УПШ. Александр рассказывает мне, что существуют два города: Кыштым — внешний, и Тыдым — тайный. И сейчас мы с ним идём уже по Тыдыму.

В парке мы разговариваемся с тремя рабочими с Кыштыского завода. Без злобы, легко, понимая, что все связаны одной священной датой. Я привожу Александра домой, укладываю спать, прощаюсь с его родственниками и в задумчивости еду в автобусе в Екатеринбург.

Екатеринбург, 11 мая 2014

Упомянутые персоны:

Арешин Сергей — поэт, ушёл из жизни в 2013 году в Челябинске.

Башлачёв Александр — поэт, рок-музыкант, выпал из окна в 1988 году в Санкт-Петербурге.

Богуславский Михаил — поэт, прозаик, театральный режиссёр, культурный деятель, живёт в Челябинске.

Борисов Сергей — поэт, краевед, живёт в Шадринске.

Верина Ульяна — поэт, переводчик, филолог, педагог, культурный деятель, живёт в Минске.

Волкова Марина — издатель, водитель, культурный деятель, живёт в Челябинске.

Данской Григорий — поэт, бард, близкий друг Бориса Рыжего, живёт в Москве.

Дулупов Вадим — поэт, живёт в Екатеринбурге.

Ивкин Сергей — поэт, художник, ученик Андрея Санникова, живёт в Екатеринбурге.

Ионова Елена — поэт, культурный деятель, живёт в Нижнем Тагиле.

Кальпиди Виталий — поэт, издатель, культурный деятель, создатель мифа Уральской поэтической школы, живёт в Челябинске.

Комаров Константин — поэт, ученик Юрия Казарина, пишет диссертацию по Маяковскому, живёт в Екатеринбурге.

Косолапова Наталья — поэт, культурный деятель, жена Александра Петрушкина, живёт в Кыштыме.

Котова Ксения — филолог, театральный режиссёр, культурный деятель, живёт в Каслях.

Ройзман Евгений — поэт, культурный и общественный деятель, мэр города Екатеринбурга, живёт в Екатеринбурге.

Овсепьян Василий — поэт, культурный деятель, создатель музея Окуджавы в Нижнем Тагиле, живёт в Нижнем Тагиле.

Петрушкин Александр — поэт, культурный деятель, издатель, живёт в Кыштыме.

Самойлов Александр — поэт, культурный деятель, живёт в Челябинске.

Соловьёва Елена — детский и взрослый прозаик, культурный деятель, работает в Центральной библиотеке им Белинского, живёт в Екатеринбурге.

Стародубцева Наталья — поэт, ученица Евгения Туренко, живёт в Нижнем Тагиле.

Стародумова Анастасия — прозаик, журналист, культурный деятель, живёт в Кургане.

Сунцова Елена — поэт, издатель, культурный деятель, ученица Евгения Туренко, живёт в Нью-Йорке.

Трофимов Юрий — поэт, художник, живёт в Алапаевске.

Туренко Евгений — поэт, культурный деятель, создатель Нижнетагильской Поэтической Школы, умер в Венёве в мае 2014.

Кристина Суворова

Паруса над Компросом

6-7 июня прошел летний сезон пермского поэтического фестиваля «Компрос»¹. Летний сезон включал в себя два больших события — путешествие по Каме на «Корабле поэтов» и краевой слет поэтов «Пилигрим».

В акватории Камы прозвучали стихи более тридцати авторов из Перми, Екатеринбурга и Челябинска. Среди них широко известные любителям уральской поэзии — Константин Комаров, Александр Вавилов (Екатеринбург), Вадим Балабан (Троицк), Александр Самойлов (Челябинск), Юрий Асланьян, Антон Бахарев, Ольга Роленгоф и Владимир Кочнев (Пермь). А также совсем юные «самовыдвиженцы» из народа, чьи имена и стихи стали неожиданностью даже для организаторов мероприятия.

Второй день фестиваля собрал 70 поэтов из Лысьвы, Березников, Соликамска, Верещагино, Кунгура и других территорий края.

Компрос как стержень пермской культуры

Выбрать название для фестиваля организаторы предложили самим пермякам. На радио «Эхо Москвы» был объявлен конкурс на лучшее название. Основным конкурентом первоначального заглавия фестиваля стало выражение, заимствованное из лексикона

¹ Организатор фестиваля — редакция журнала «Вещь» при поддержке Министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края

Алексея Решетова — «Иная речь», но отобрать лидерство у «Компроса» не удалось ни одному из тридцати предложенных вариантов. «Компрос — это бренд, знакомый каждому жителю Перми и узнаваемый за ее пределами. Комсомольских проспектов много, а Компрос — один», — отметил исполнительный директор фестиваля Борис Эренбург.

«Компрос — это главная магистраль Перми, — соглашается с ним Анна Сидякина. — С Компросом связаны прогрессивные процессы, которые происходили в городе в послевоенное время. Пермские стилиги называли проспект «Бродвеем». Именно его они выбрали «стильным» местом, где можно пофланировать, послушать джаз, посидеть в кафе. Компрос — это символически освоенное место. Не зря Нина Евгеньевна Васильева, много написавшая об образе Перми, свою повесть назвала «Комсомольский проспект». У многих поэтов, которые отражали в своих стихах пространство города, упоминается Компрос, и именно в таком сокращенном варианте».

Например, у Вячеслава Ракова:

*Полуденный Компрос. Конец пятидесятих.
Ещё легко дышать и делать аты-баты.
Компрос прямой меня, но я его прямее,
Когда от газировки цепенею,
Найдя глазами кафедральный шпиль
И облака над алкогольной Камой,
Во мне гудит кармическая пыль
И у меня пока есть папа с мамой.*

Или у Владимира Лаврентьева:

*...Сырые паруса
развешены сушиться над Компросом.
Безумный дядя в розовых трусах
по набережной скачет, как опоссум.
Проспект прилёт трамплином...*

Фестиваль «Компрос» стал трамплином для молодых поэтов, дав им возможность подняться на новый уровень и расширить поэтический кругозор.

Размыкая круг

Стилиг на улице сейчас не встретишь, но молодые и прогрессивные никуда не делись. Более того, молодые поэты сегодня далеко не «отшельники», как это было раньше. Они смело выходят на публику, объединяются в арт-группы, студии и литературные кружки, которые и стали источниками «свежей поэтической крови» для пермского фестиваля.

«Любой фестиваль несет в себе опасность превращения в замкнутую «тусовку», в которой формируется круг поэтов, которые сами себя слушают, сами себя читают, и сами себя награждают. Чтобы преодолеть эту опасность нам показалось очень важным ввести в наш фестиваль механизм ротации состава и привлечения новых людей», — убежден поэт и программный директор фестиваля Павел Четчин.

На литературной карте Перми активно формируются новые очаги активности. Большая группа поэтов сформировалась вокруг кафе «Чехов», есть «Арт-резиденция», студия Владимира Кочнева и другие места, где поэты встречаются со зрителем. Новый поэтический

фестиваль предоставил им еще одну, более широкую площадку, демократичную и абсолютно открытую. Открытую не только для каждого, кто пишет стихи и хочет, чтобы они были услышаны, но и в прямом смысле слова, открытую — семи речным ветрам.

Буря эмоций

Порывы ветра и шум волн, пожалуй, лучший аккомпанемент словам поэта, поглощающий неуверенную речь и далеко разносящий отточенные, рвущиеся на свободу слова. «Слышны самые сильные, глубоко укорененные физиологические моменты — то есть то, что имеет для авторов наибольшую значимость», — так троицкий поэт Вадим Балабан описал звуковой фон поэтических чтений на Каме. Для полноты картины стоит процитировать некоторые строки, разносящиеся над рекой. Вместо многоточия в этих цитатах, как в чеховской пьесе, можно читать: «слышны крики чаек».

В словах юных поэтов гремит бунт, колетса несогласие с общепринятыми правилами:

*На отвагу выдано двадцать лет,
с двадцати у каждого не один скелет
в платяном шкафу, там еще жилет
и костюм фабричный
...ждем аванса, шанса, весны, зимы,
... выгядим прилично.*

К разочарованию во «взрослой» жизни примешивается, может быть, не первая, но еще наивная и острая любовь: «Если жизнь разрушает статика, от меня еще будет толк / Я могу тебя ждать, как Хатико, но загрызть, как голодный волк».

Морские лейтмотивы

Более опытные поэты тоже читали в основном о личном, а еще — сознательно или под действием особой атмосферы — о воде и реках.

*«...не спорь с волнами — тони в огне,
В кровь разбивши голос о Иордан».*

*«А водка здесь всегда палёна.
не больше, впрочем, чем вода,
обычная, да и святая...»*

*«Скучно тащится по Каме
Теплоходик с пермяками.
Ветер морщит гладь реки,
Замерзают пермяки»*

Пермяки на «лирико-философском пароходе» замерзали, но не скучали. Прямо на палубе строчили, придерживая рвущиеся из рук листы, новые творения, слушали музыку группы «Трамонтана», читали газету «Свежак» и кормили чаек.

Смена курса

*«Слышу сердца стук, бьющий в парходике.
Гончие по берегу погонят — не угонятся,
Лапами по гравию заскребнут отчаянно,
Не остановить им парходной вольницы,
Потому что к облаку она причалила.*

*... скажите мне те, кто рода дальнего,
Кто стоит теперь на Капитанском мостике?»*

Наверно, именно эти строки прозвучали особенно пронзительно. Сузив беспредельный вопрос поэта до размеров парохода-поэтического фестиваля, можно сказать, что на капитанском мостике теперь стоят «творческие силы Перми».

«Есть две точки зрения на искусство, — рассуждает Павел Четкин. — Одна: искусство — это то, что признается экспертами, другая — искусство должно быть таковым в силу некой самоочевидности. Сегодня мы придерживаемся второй».

Фактически это означает не только демократизацию фестиваля, но и переориентацию со столичных образцов поэзии на местные. Именно в этом состоит кардинальное отличие «Компроса» от фестиваля «СловоNova», который до недавнего времени аккумулировал пермские поэтические события и основывался, по мнению Четкина, на «экспертном» подходе к искусству.

Изменение курса горячо поддержал Юрий Асланьян. «Этот фестиваль очень важен тем, что организаторы повернулись лицом к пермским поэтам», — убежден пермский поэт. Юрий Асланьян высоко оценил творчество молодых авторов: «Уровень этого поколения не только не уступает, но в чем-то превосходит уровень нашего поколения. Конечно, здесь звучат стихи разного качества. По некоторым видно, что авторы только начинают пробовать себя. У них есть претензии и амбиции, а мастерства еще не хватает, но со временем оно придет».

Вадим Балабан дал юным пермским талантам более сдержанную оценку: «Могли бы ведь и по подворотням кошельки отбирать, а они пишут — это радует. Возможность читать на публике много дает поэту, это площадка для роста».

Погружение в поэтические пучины

Второе событие летнего сезона — краевой слет поэтов «Пилигрим» был призван максимально широко охватить все проявления и направления исканий пермской поэзии. В театре-студии «Пилигрим» Владислав Дрожачих, Юрий Асланьян, Ксения Гашева, Владимир Кочнев и другие признанные поэты провели мастер-классы для своих коллег по цеху

из Перми и других городов края. Кроме того, любой желающий мог прочесть свои стихи в формате «свободного микрофона» и получить экспертную оценку.

Воды здесь было, пожалуй, даже больше, чем на «Корабле поэтов», но уже не в окружающей атмосфере, а среди поэтических творений. «Звучащие сегодня стихи совершенно различны по уровню. Мы совершенно не стесняемся того, что многие из них далеки от профессионализма, — признался Павел Четкин. — Наша задача показать пермскую поэзию такой, какая она есть».

Судить о некоем общем уровне поэзии, глядя на мероприятия, где подойти к микрофону и прочесть стихи может любой желающий, действительно, не стоит. Летний сезон поэтического фестиваля «Компрос» сыграл роль некоего «отборочного тура», когда организаторы подняли на поверхность речной ил в поисках золотых песчинок. Они не сомневаются, что нашли их, но имен пока не называют.

Увидим и услышим о новых открытиях в ноябре — во втором сезоне пермского фестиваля. Осенью пермской публике покажут наиболее важную, качественную и актуальную поэзию. Форматы и стилистика событий будут перекликаться и взаимодействовать с другими сферами искусства. Планируются поэтические чтения, спектакли, творческие лаборатории, лекции, концерты, киноклубы, флэш-мобы и слэм.

На неведомых дорожках

Владимир Соколовский. Уникум Потеряева. — Пермь: Пермский писатель, 2013

В романе Владимира Соколовского «Уникум Потеряева» жутковатая российская реальность 1990-х годов растворяется в бескрайнем русском фольклоре, мифе, на бесконечной территории коллективного бессознательного.

Мы знакомы с Соколовскими, Катей и Володей, бесконечно долго. Кажется, всю жизнь. На протяжении целого ряда лет мы общались с Катей практически каждый день: и тогда, когда её муж активно писал детективные и фантастические рассказы и повести, считаясь одним из самых перспективных пермских литераторов, и тогда, когда он долго и тяжело болел, и после его смерти — такой безвременной в 66 лет. Казалось, я должна

была бы знать всё о них! Тем большим шоком стало для меня знакомство с романом «Уникум Потеряева», написанным Соколовским ещё в 1995 году, но изданным лишь в 2013. Оказалось, что Соколовский не только был самым многообещающим писателем Перми: он выполнил своё невысказанное обещание — написал то, что принято называть «романом века».

Сейчас, зная «Уникум Потеряева» и его историю, я понимаю, что Володю убили не инфаркты и неоднократные шунтирования, а жесточайшая несправедливость. Он написал, может быть, величайшую русскую книгу конца XX века и прекрасно понимал это. Но опубликовать этот роман он так и не смог, хотя «Уникум Потеряева» и оказался в шорт-листе «Букера» в 1996 году.

Масштаб и значение романа понимали не только автор и его близкие, но и все, кому повезло его прочитать, в том числе председатель Пермского отделения Союза писателей России Владимир Якушев. Благодаря поддержке программы «Пермская библиотека» ему удалось в прошлом году из-

дать «Уникум Потеряева», но лишь в количестве 150 экземпляров.

Прочитать «Уникум Потеряева» — не проблема: он есть в интернете, качай — не хочу, совершенно бесплатно. Да иначе и быть не могло: выдающееся произведение, которое каждый прочитавший немедленно сравнивает с «Мастером и Маргаритой», не могло не пробиться к читателю. Не печатают? Ну, так пираты будут работать, раз издатели мышей не ловят.

Екатерина Соколовская определяет жанр главной книги своего мужа как «роман-мениппея». Термин этот придумал Михаил Бахтин для обозначения многофигурных фантастических произведений с непременным элементом сатиры, и «Уникум Потеряева» идеально подходит под это определение.

Количество персонажей и сюжетных линий, мастерски, тщательно и причудливо переплетённых писателем, с трудом поддаётся подсчёту. Действие происходит в захудалейшей и обыденнейшей российской провинции начала девяностых, и её захудалость и обыденность гротескно преувеличенна —

впрочем, не вопиюще, а очень аккуратно, так, чтобы ни у кого не было искушения возмущённо завопить: «Так не бывает!» Гротеск у Соколовского — инструмент сатиры, но и способ выражения любви — современной, взрослой, стесняющейся пафоса и слегка самоироничной любви к Родине, большой и малой.

Среди этой обыденности — не отдельно от неё, но и не по-сказочному внедряясь, а как бы стыдливо прячась в уголке, существуют самые настоящие чудеса. Эти чудеса сродни тем, что живут в сказочной тайге из песни «Агаты Кристи» — эта песня то и дело возникает в голове, когда читаешь роман Соколовского.

Герои «Уникума» — «маленькие люди». У них маленькие мечты и маленькие амбиции. Их объединяют пошлейшие страсти и стремления: найти мужа, стать местным авторитетом, выпить, наконец; и у всех единая страсть — к наживе.

Все они ищут клад, зарытый где-то помещиками Потеряевыми в окрестностях их Потеряевки. Но, как это свойственно людям, истинного своего счастья они не понимают. Таинственные силы, управляющие ходом вещей в мироздании, вмешиваются в их жизнь и каждому дают по заслугам: кому — супруга, кому — ребёнка, кому — новую родину, а кому — внезапную гибель. Точно как всё в том же «Мастере и Маргарите»: каждый получает по своим делам и по своей вере.

Особое достоинство романа Соколовского — его язык. Писатель родом из Добрянки, где его родители, простейшие люди, образование которых исчислялось четырьмя классами, жили в «частном секторе» — типичной Потеряевке. Соколовский, часто навещая их, постоянно сталкивался с трогательным пермским диалектом, где «но» означает «да», а после каждой второй фразы добавляется

словечко «мо», что означает «мол». Читая эту книгу, я слышала свою бабушку Таисию Дмитриевну, родом из-под Усть-Качки, которая, как и родители Соколовского, окончила четыре класса земской школы и говорила точно таким же забавным языком.

Потеряевка внешне ничуть не напоминает Пермь. По описанию это среднерусский берёзовый городок, такая среднестатистическая российская провинция, но каждый, кто чуток к пермскому говору, немедленно признает её родной. В этом тексте есть какое-то особое обаяние, которое заставляет читать «Уникум Потеряева» не просто с интересом, но с чувством сродства, которое особенно остро ощущается по мере того, как со всё большим и большим изумлением следуешь по хитросплетениям сюжета и поражаешься сказочной фантазии Владимира Соколовского.

Юлия Баталина

Куда уходит детство?

Александр Фуфлыгин. Ангелы над Израилем. — Пермь: Титул, 2014

Дети вырастают неожиданно. И день, когда не только прошлогодние наряды, но и само детство становится им мало, проходит незамеченным. Однажды остается только вспоминать, как были дети детьми, как будили по

утрам холодными пятками, как смеялись и плакали, удивляясь запутанному и нелогичному взрослому миру. Из каких родительских воспоминаний, пропитанных светом и любовью, пермский писатель Александр Фуф-

лыгин сложил свою повесть «Ангелы над Израилем».

Сюжет книги определила, установив пределы бесконечной памяти, семейная поездка на святую землю. В то же время она — только эпизод из жизни мамы, папы

и двух дочек. Для родителя взрослых теперь детей не меньшей важностью обладают непримечательные эпизоды повседневной жизни, которые при взгляде из будущего приобретают дополнительный смысл. Прыгает, машет руками маленькая Ксюша, и это не просто шум и баловство — она «разгоняет сгустки и неравномерности, оставшиеся после ночи», и светлеет мир от ее усилий.

Автор наблюдает за своими детьми, и одновременно, следит за миром их глазами. Это позволяет на привычные, само собой разумеющиеся вещи, посмотреть иначе. В детском восприятии игрушечные пирамиды столь же настоящие, как и египетские, а фараоны плачут, стиснутые разноцветными кольцами пластмассовой пирамидки. Дочери спрашивают у папы, «отпущенного в отпуск»: «Кто тебя раньше не отпускал?». И представляется им важная, несговорчивая «работа», запирающая папу на ключик.

Девочкам трудно понять, как маме уже третий год

двадцать три года. Как прабабушка может не помнить свой возраст — ведь это так просто: Ксюше 4 года, Насте — невообразимо много — целых семь. И никаких тебе пробелов в ровном течении детства — каждый год прибавляется к остальным с нетерпением и гордостью. Им сложно справиться с растянутым родительскими обещаниями, ничего как будто бы не значащим «скоро». Близкая, по заверениям взрослых, поездка в Израиль постоянно ускользала из детских рук.

Едва начавшись, путешествие закружило Настю и Ксюшу в вихре впечатлений, ожиданий и разочарований. Девочки спешили в карету — дедушка Эдик так и сказал: «Карета подана!». Летели на бескрылых подземных самолетах, которые оказались всего лишь поездами в метро. Волновались за испуганную мышку, спрятанную в палочке строгой, бородатой «таможни», но самое главное — ждали встречи с ангелами. Обещала бабушка: «Израильское небо полно ангелов».

Рассказ об Израиле — повод по-детски наивно и требовательно посмотреть на христианскую историю. Однако взгляд этот у Фуфлыгина лишен иронии и не призван поставить в тупик носителей христианской идеологии, как например, вопросы Пятницы к Робинзону Крузо. Восприятие героев здесь ближе к восприятию селинджеровского

Холдена, верящего, что Иисус настолько добр, что не мог отправить Иуду в ад, но побаивавшегося вопросов строгих монахинь. Желание Ксюши и Насти увидеть ангелов столько же искренне, как желание увидеть перед домом карету вместо автомобиля, и разочарование их выражается беззлобно и естественно — плачем.

Все увиденное в Израиле не совпадало с рассказами взрослых. Экскурсоводы казались выдумщиками. Армагеддон «обыкновенен и прост», «долинообразен», усеян пучками кустарника и «озауряден». Какие здесь могут быть битвы? В Геенне Огненной негде развернуться грешникам. Усмирили, одомашнили Геенну — ни одного костерка, ни одного тлеющего уголька не осталось. Иордан был узок, зелен и почти неподвижен, но креститься детям было весело, потому что похоже было крещение «на игру в брызгалки». В Храме Благовещения полно ангелов, но все «они нарисованы красками, как в книжке».

Взрослые ангелов не ищут. Они шумят, лезут в святые места в шортах и разочаровывают монахов, но и эта их невоспитанность не заостряется. При выходе из пещеры, где был похоронен Иисус, становились их движения плавными, а лица одухотворенными, — отмечает автор. На заграничную жизнь вне экскурсионных маршрутов взрослые то и дело смотрят с наивным вос-

хищением: «Вот она какая, загранка!», «Надо же, здесь все машины импортные!». Однако они легко соглашались с непривычным: «Такое в Израиле положение вещей», — говорят родители, когда дети не устают всему удивляться: деревьям в песке, питающимся из трубочек, девушкам в модных босоножках с ридикулями и автоматами Калашникова. Дяде Мише, который перепутал день с ночью, увязнув в интернете, сплетенном электрическими пауками.

Показывая израильскую экзотику, Фуфлыгин пусть не прямо, но все-таки характеризует советскую действительность. Это сравнение зачастую даже не высказано, но неспроста же чистота улиц и обилие магазинов кажутся героям чем-то необыкновенным. Неспроста папа так долго покупал билеты на самолет, а сама поездка вызвала всеобщий ажиотаж — всем подъездом провожали. Тем не менее, историческое время имеет в книге второстепенное значение, уступая место семейному летоисчислению. Автор говорит, в первую очередь, о времени, когда его дети были маленькими, а не о времени, когда поездка за границу была редкостью и грандиозным событием.

Тема христианства, появившаяся между строчек описаний израильских храмов, также фокусируется в детях. Ангелы, разыскиваемые Ксюшей и Настей в небе Израиля, находятся в них

самых. Вполне ожидаемая развязка сюжета лишена драматического накала. Нет в сюжете неожиданных поворотов и кульминационных моментов — плавно течет рассказ. Драматургия книги становится вполне ощутимой только в контексте прошедших лет. Конфликт, потенциал которого в ней заложен, можно увидеть лишь с учетом того, что герои книги выросли. То не испорченное предрассудками восприятие, те трогательные моменты детства, которые составили сущность «Ангелов над Израилем», ушли безвозвратно.

Автор не говорит о том, какими стали Ксюша и Настя, но те взрослые, которым книга адресована — те, чьи дети закончили институты, устроились на работу и обзавелись собственными семьями — знают, как сильно меняется характер детей, как быстро он теряет легкость и мягкость. Дети же, взявшиеся за эту книгу, смогут увидеть некую черту между детством и взрослой жизнью. Метафоры, рождающиеся в сознании Ксюши и Насти, можно воспринимать, как загадку Маленького принца. Что вы видите: шляпу или удава, проглотившего слона? Металлодетектор или спрятанную в нем испуганно пищущую мышь? Ответ позволяет понять, насколько далека черта.

Александр Фуфлыгин свободно обращается со знаками препинания и питает труднообъяснимую страсть

к двоеточию. В его понимании оно разделяет не только главное и придаточное предложение, обобщающее слово и однородные члены, но и любые части внутри простого предложения, в том числе, главные члены предложения, и даже, части составного глагольного сказуемого. «Там, в подвальных недрах гроба господня, увидела Настя тот раскол: всю его ужасающую глубину и мощь. Шла трещина: под всем храмом — вглубь земли. Была трещина: зарешечена. Только сквозь решетку можно было: посмотреть на нее. Слово боялись люди этого места: и трещины. Слово можно было бы удержать трещину: решеткой. Слово было что-то, что нужно: удерживать решеткой».

Обилие двоеточий можно найти в любом отрезке текста, как в возвышенных иерусалимских пейзажах, так и в описании ужина в поезде. «Налегли дети со скуки: на разносолы. Стало у детей трещать: за ушами. Кушали дети колбасу: без хлеба; по очереди пили сок: из цветистых картонных пакетов; проливали дети сок: на майки, оставляя на майках — художества. Стали дети похожими: черт знает на что». Авторская пунктуация придает книге весьма своеобразное звучание. Члены предложения нанизываются друг на друга, словно бусины на нитку, меняя ритм перестука. Иногда часть, отделенная двоеточием звучит как затихающее эхо начала

предложения, а иногда в нем кроется весь смысл — большая бусина падает громким ударением.

Небольшой формат книги, заголовки, выведенные шрифтом, стилизованным под старательный, но неровный детский почерк и веселые, размашисто рас-

крашенные цветными карандашами иллюстрации придают «Ангелам над Израилем» внешнее сходство с детским дневником. Отсутствие в тексте единого драматического центра, фрагментарность и разбиение на главы, объединенные не только временем, но и тематикой —

«О сложностях с возрастными», «Философствования», «Приобщаемся к литературе» — делают повесть по форме похожей на сборник лирических эссе, объединенных идеей радости и беспечности ушедшего детства.

Кристина Суворова

Перед отплытием

Евгения Изварина. Дом для одной свечи. — М.: Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2013

Стихи Евгении Извариной похожи на короткие дневниковые записи, моментальные зарисовки, нечто среднее между дневником японской средневековой дамы и записями в ЖЖ. Нечто среднее между отточенной, резкой гравюрой и акварельным рисунком на мокрой бумаге. Совершенно несочетаемые, но почему-то точно соединяющиеся в моем сознании образы:

*Жизнь
в обмерзающей лохани*

*рубахой плещется
бесшовной —*

*так птица зимнего дыхания
влетает в куст
опустошённый:*

*где стены в тереме, где
окна? —
чересполосица,
решётка...*

*— Расшатывая прутья
шёпота,
ещё ты больше одинока.
(«Жизнь»)*

Их истинный смысл понятен, как мне кажется, только самому автору, читатель только может угадывать какие-то намеки на судьбу, боль, любовь, обыденность и чрезвычайность, на жизнь, происходящую и протекающую где-то глубоко внутри героини/автора, это что-то потаенное, что изредка только — невыносимо прекрасным образом, неожидан-

ной — всегда неожиданной концовкой — вырывается из внешней сдержанности стиха: «иней любого имени / падает вверх» («сон самолёт без воздуха»); смотрят будто в запасе у них века / но не друг на друга / а на рыбка («две рыбы»); по-русски credo / это никогда («по-царски на краю»); Ни одна молитва не безответна. / Но одной — всегда не хватает... (Будущее каждого — быть забытым»).

Это ощущение внешнего равновесия и внутренней дисгармонии в осознании того, что красота проникнута болью, ощущением ее недолговечности, желанием эту красоту остановить, почувствовать, овеществить и тем самым сохранить — на мой взгляд, одна из особенностей поэтики Извариной, ее «таинственность и невинность»:

*Как в океан весло,
прикосновение проросло,*

зелёные пустило побеги
в недозволённые обереги
твои —
таинственность и
невинность...

И лодка остановилась.
(«Как в океан весло»)

Это точно отражает и название книги Евгении Извариной «Дом для одной свечи» (по строке одного из текстов в книге). Название, на первый взгляд, простое, но, на самом-то деле, прячущее в себе, как матрешка в матрешке, много различных смыслов: дом — тепло-надежда-одиночество-единство-вера в чудо-нежность-любовь. И эти обычные, в общем-то, ничего незначающие слова, Евгения Изварина удивительным образом наполняет внутренним смыслом, как дом — светом свечи, пусть маленьким, однако — путеводным:

*По себе ни глотка
горечи не оставь:*

Если печаль — река,
две половины вплавь
солнечные лови,
как из окна ключи.

...Жизнь для одной любви.
Дом для одной свечи.
(«По себе ни глотка»)

Тексты в книге разделены на две части: первая — по названию всей же книги — «Дом для одной свечи», вторая — «Переправа», и ясно, что части эти логически взаимосвязаны: дом и путешествие, путешествующий и ожидающий, встреча и прощание, перетекающие друг в друга так, что иногда кажется, что встреча равна расставанию, а расставание — встрече: Воздух исчезновенья! — дай, / расколов янтарь, подышать тобой. («Электричество, трение янтаря»).

Это вечное ожидание, вечная встреча, вечное расставание настолько плотно переплетаются друг с другом, что Дом, Дом со свечой, из дома настоящего превраща-

ется в иллюзию, в пристанище временное — перед отплытием во вневременность:

*Эхо — всё ещё. Но ответа
не предвидится — кто
живой.*

*Поле вылеплено из пепла
стольких судеб, что Боже
мой.*

*Мурава на крови —
кудрявая,
волны ровных её кругов...*

*Это всё ещё переправа —
никаких тебе берегов.
(«Эхо — все еще.
Но ответа»)*

Стихи Евгении Извариной и сами безвременны. Они могли быть написаны и сто лет назад, и пятьдесят, и десять, и сто лет спустя — в этом их магия и их внутренняя цельность, единение с речью и сопротивляемость времени, точнее — безразличию и единообразию его потока.

Екатерина Симонова

Исчезнувшие, но не забытые

Антон Касимов. *Исчезнувшие. Повесть.* — Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2013

Антон Касимов, известный в Екатеринбурге как фронтмен группы «Невидимки, смотрящие на ботинки», написал автобиографическую повесть о детстве, журнал «Урал» ее частично опубликовал (2012, №2), издательство «Кабинетный ученый» переформати-

ровало публикацию в книжную, наконец, «Урал» же и Екатеринбургское отделение СПР организовали презентации и раскрутку издания. Далеко не всякому начинающему уральскому автору так везет с поддержкой, и причины здесь две: повесть

получилась качественной, за текст никому из поддерживавших не стыдно.

Повесть автобиографична и лирична в лучших традициях литературы такого рода, ставящей во главу угла документальность и искренность. Как пишет Марк Шатуновский,

«Антон Касимов предлагает нам немного посмотреть глазами. С непривычки это довольно-таки дискомфортно. Потому что, когда мы смотрим глазами, не защищенными дымчатыми стеклами стильных очков, то, на что мы смотрим, тоже заглядывает нам в глаза». Показательно, что «Урал» опубликовал «Исчезнувших» в рубрике «Почти без вымысла». Главным здесь становится «почти», поскольку мы имеем дело даже не с мемуарами, которые автору «за тридцать» писать не след, а художественной рецепцией времени и судьбы, сложным автобиографическим дискурсом, не имеющим изначальной установки на отражение или даже интерпретацию событий и создание портретов (хотя без событий и портретов повесть обойтись не могла). Основополагающая авторская интенция направлена, скорее, на реконструкцию общей атмосферы эпохи, самой ее сущности, невидимой ткани, состоящей из распадающихся связей, уже не явных отношений и, казалось бы, утраченных эмоций —

всего того, что делает эпоху уникальной и незабываемой, несмотря на ее эмпирическое исчезновение. Книга, и правда, получилась в высшей степени атмосферной.

«Мы вышли из клуба, и свежий майский воздух принял нас. Было три ночи. «Час волка», — подумал я. Все неразрешимые вопросы и слабости человека оголяются в этот момент. На смену уверенности и защищенности приходят сомнения и уязвимость. Это напоминает непостоянную уральскую весну, когда внезапные хлопья снега, огромные и щекотные, накрывают набухающие почки деревьев и только появившуюся редкую зеленую траву. Небо застилает серая, непрозрачная пелена, все вдруг становится гаражного цвета, напоминает жестяной бидон, в котором старушки несут свое молоко. Этот снег ровными медленными слоями ложится на землю и сразу же тает. Он превращается в темную грязь и лужи, вобравшие в себя ядовитые темно-малиновые и фиолетовые бензиновые пары от пугливых автомобилей. И совершенно непонятно, как это только что бывшее белым и хрупким вещество превращается в черную, отпалкивающую субстанцию.

Темное пространство этого звериного часа, пытающееся обезопасить себя электричеством, наполненное большими и маленькими предметами, таит в себе что-то пугающее. Каждый

шорох и скрип лишь нагнетает эту и без того наэлектризованную покорностью и отчуждением атмосферу».

На вопрос о конфликте и сюжетной линии этой лирической повести сложно дать однозначный ответ. Например, вариантом ответа может стать: повесть о типичном детстве. Не стоит ожидать от Антона Касимова душераздирающих картин бедствования, сиротства, семейных неурядиц, «похороните меня за плинтусом» и т.д. Детство героя абсолютно нормальное: с мамой, папой, братом, дедушкой, бабушками, тетей, кузенами, велосипедом, дворовым хоккеем. Типичны для поколения тридцатилетних реалии, сопровождающие юную жизнь героя: новогодние подарки и родители, уходящие в друзьям праздновать Новый год, дворовые кампании, войны район на район, родители отца в Коркино, первые песни Цоя, манящие ночные сеансы в коммерческих залах, где вместо экрана телевизор и видеоманитофон, и т.д. Так что предлагаемый вариант ответа не вполне годится, поскольку все эти реалии и антураж воспринимаются, скорее, как общее место в прозе молодых авторов. Конечно, есть прозаики, которые разрабатывают различные сценарии семейного неблагополучия, и иногда это получается убедительно, как например, в повести Елены Георгиевской «Луна высоко», у некоторых они имеют автобиографические

истоки, но это иная линия литературы, которую в данной рецензии мы затрагивать не собираемся.

Попробуем конкретизировать в случае «Исчезнувших»: повесть о свердловском детстве. В ней есть и Коркино, и Челябинск, но все-таки она насквозь пронизана тем неуловимым духом Свердловска, который хорошо известен по записям ранних «Наутилуса» (на концерт которого героя берет с собой отец), «Агаты», «Чайфа» и других не менее легендарных свердловских рок-групп. Сумрачный и опасный, но столь родной, присвоенный с самых юных лет город.

«В то кинематографическое лето 1989-го мы с Колей Цоеманом шатались по городу и частенько выруливали к просторной площади УПИ, официально называемой площадью Кирова. Здесь начиналась восточная окраина центра. Отсюда можно было идти прямо и прямо по главной улице Ленина, мимо гостиницы «Исеть» — магического конструктивистского серпа, по площади Парижской коммуны, где справа расположился Уральский университет, открывший вскоре мне свои тяжелые дубовые двери, а слева — оперный театр, построенный незадолго до революции, где три музы на фасаде торжественного здания печально смотрят на гранитного профессионального подпольщика Свердлова, указывающего — иди дальше по Ленина! И мы шли — мимо

мрачного желтого издательства «Уральский рабочий», где сейчас уже штампуют не книги и газеты, а сэндвичи и золотистые куриные крылья; мимо шестиэтажного «Океана», где весь первый этаж был отдан скудной советской рыбе и водорослям, — огромного гастронома с вечно мокрым полом и дорожущего ресторана, где приятели отца брали иногда водку в три цены у седусого мясистого швейцара. Остальные пять этажей занимала гостиница...»

В книге приведен целый ряд фотографий Свердловска 1980 — начала 1990-х гг. известного художника Александра Шабурова, которые визуально подтверждают то, что проговаривается или подразумевается в тексте Антона Касимова, также феноменологизируя эпоху.

Хронотоп «Исчезнувших» понятен, но для характеристики художественных особенностей повести важен герой и его сознание. Да, перед нами повесть о мальчике из литературной семьи. Самого литературного быта здесь не очень-то и много: эпизодическое появление в качестве персонажей литературных друзей Евгения Касимова: поэта Александра Еременко, в присутствии которого стакан, упавший с восьмого этажа, не то чтобы не разбился, но даже не повредился (мой вариант ответа: во время полета он превратился в стеклянную птицу, но после падения трансформировался в обычный стакан — такова ло-

гика метаметафоризма). Или поэта и писателя Александра Верникова, который однажды в летний полдень (температура +35), прошелся по центру города, одетый в зимнее пальто с овечьим воротником, кроличью шапку, плотно закутанный в длинный шарф из собачьей шерсти, обутый в черные валенки, с картонной табличкой, на которой было написано «Холодное лето 1989 года», после чего погода действительно кардинально испортилась. Позднейший по времени филфак самого Антона Касимова куда очевиднее, особенно в построениях по поводу русской классики, которые приписываются девушке Оле, осваивающей школьную программу по литературе.

Центральным литературным событием в повести становится факт восторженного письма Солженицына Шолохову по поводу «Тихого Дона», которое извлек из завалов книг и бумаг в своем «кубрике» Александр Еременко. Как известно, Солженицын в своих работах активно развивал версию о плагиате «Тихого Дона». Письмо не только опрокидывает версию, но и обнажает зазор между Солженицыным-литератором и Солженицыным-человеком, давая повод засомневаться в том, насколько писатель следовал своему ключевому тезису «жить не по лжи». С Солженицыным, может статься, все сложнее (почему бы не предположить, что его отношение к «Тихому Дону»

претерпело эволюцию?) — в этом плане очень жаль, что приведенное письмо не датировано. Интересно также было бы узнать у биографов писателя об обстоятельствах написания письма. В повести же Антона Касимова письмо становится символом противоречивости человеческой природы, неоднозначности и изменчивости самой жизни.

«Исчезнувшие» — это своего рода дань литературоцентризму, еще актуальному во времена детства Антона Касимова, еще инерционному в своей процессуальности во времена его юности и пока еще не вычеркнутому из памяти тех, кто некогда читал книги и верил художественному слову более, чем каким-либо иным вербальным построениям. Однако сознание главного героя не определяется исключительно литературой. Значительное место в «Исчезнувших» занимает музыка. Например, персонажем, объединяющим эпохи, становится знакомый главного героя Коля Цоеман. Именно Коля в конце 1980-х пробуждает у героя повести интерес к рок-музыке, и именно Коля, с которым герой случайно

встречается спустя много лет в Москве, пододвигает к его написанию блестящего эссе о современной русской песне, которое также становится частью повествования, встраиваясь в общий весьма лирический сюжет «Исчезнувших». Жалко только, что современные эпизоды в тексте с их противопоставлением одухотворенного «тогда» и офисного «сейчас» (когда Коля, по сути, перестал быть Цоеманом) — не самые удачные в повести, что особенно заметно на фоне прозы, например, Романа Сенчина, не однажды обращавшегося к этой теме (в том числе развивавшего ситуацию отказа от музыки и творчества). Музыка, тем не менее, делает существование героя осмысленным и тогда и сейчас. У героя в таком случае не просто есть почва (родной город, семья), но и «место для шага вперед», пространство для самореализации или, если хотите, воздух, который наполняет легкие и дает жизнь.

Эссе о музыке с его своеобразной публицистической формой — не единственный эксперимент в книге. В частности, группа Антона Касимова «Невидимки, смо-

трящие на ботинки» записала альбом «Исчезнувшие», куда вошли кавер-версии знаменитых песен перестроечной эпохи («Кино», «Алисы», «Наутилуса Помпилиуса» и др.), о чем читателю сообщается в небольших текстовых вставках от лица самого автора (в то время, как основное повествование отдается другу, уехавшему в Черногорию). Эти вставки оснащены названиями песен, информацией об авторах и исполнителях и ссылками на файлообменники, откуда песни можно скачать (я проверила — действительно, можно). Как представляется, смысл подобного синтеза текста и музыки — такой же, как, например, у стихотворений Юрия Живаго в романе Пастернака, с учетом того, что Пастернак через поэзию утверждал индивидуальное бессмертие автора, а Антон Касимов через прозу и музыку попытался воскресить целую эпоху. Исчезнувшие оказались хоть и исчезнувшими, но отнюдь не забытыми, продолжающими жить в пространстве памяти, что и доказывает эта повесть.

Юлия Подлубнова

Город гениев

Чусовой литературный / сост. А. М. Кардапольцева, В. Н. Маслянка. — СПб.: Маматов, 2013

Чусовой, тот, который увидишь, сойдя на станции Чусовской, — город не при-

мечательный. Образует его первый, в 1878 году завязанный железнодорожный

узел, соединивший горнозаводский Урал с центром России, и завод, более века про-

изводящий металл, копать и сажу. В этой саже, наряду с добросовестными рабочими, пьяницами и дебоширами, «охотно заводились» писатели, которые создали Чусовой литературный — город с неповторимым природным и человеческим обликом. Со творению его и посвящена одноименная книга.

Город в слиянии трех уральских рек порождал и притягивал гениев разного масштаба. Литературный Чусовой сложили произведения разные по уровню, творческой направленности, стилистике, форме и содержанию. Не трудно догадаться, что объединяет тексты сборника география — все они написаны о Чусовом или в Чусовом и создают его портрет. Портрет противоречивый, чудесным образом соединяющий серость улиц, нищету бараков и скудность жизни с величием природы, широтой человеческой души и радостным умиротворением, рождающимся в повседневных делах.

Преображает неказистый городок искренняя лю-

бовь пишущих о нем людей. Для них он стал воспоминанием о родительском доме, детстве, юности и взрослении, о добрых друзьях и первой любви, трудностях и радостях мирной жизни — для каждого о своем, но неизменно светла эта память. Ветер времени сглаживает острые углы, обнаруживает под слоем копоти ослепительно яркое солнце и присыпает образ Чусового вместо сажи сверкающей пылью.

Чусовские литераторы не изобретали сложных литературных конструкций и были далеки от модернистской игры и надстраиванию смыслов. Расцвет их литературной активности пришелся на послевоенные годы. Эпоха определяла правила и давала одну тему для всех сочинений — подвиги войны и восстановление страны самоотверженным трудом, но брался за нее каждый по-своему. Одними эти подвиги написаны крупно, красочно и без изъянов, а для других годы войны и заводские будни — лишь фон или бессознательное воспоминание, повод сказать о сокровенном. Для «Литературного Чусового» одинаково важны творения любого толка, поскольку все они — отражение истории.

«Зачуханный город, стоящий на одной из красивейших рек Европы, воспетой Маминым-Сибиряком и ныне погубленной до смерти... его всегда отличало какое-то старомодное чувство беско-

рытности, дружества и преданности друг к другу», — написал о Чусовом Виктор Астафьев в книге «Город гениев». С творчества Астафьева по праву начинается «Чусовой литературный», а с Чусового — литература Астафьева.

На Урал он приехал вслед за супругой-чусовлянкой — Марией Семеновной Корякиной, о добром нраве и делах которой мы узнаем из его воспоминаний. В следующей «главе» она уже не просто жена великого человека, но сама — писатель. Писатель любящий родную землю и находящий простые и искренние слова, чтобы выразить свою привязанность к Чусовому и рассказать о своей судьбе. Прозрачная глубина ее рассказа не замутнена ни злобой, ни жалобой, не разбавлена сомнением и иронией — как жилось, так и писалось. От Марии Корякиной мы узнаем новые детали к биографии ее мужа, а еще понимаем, что некоторые моменты жизни в Чусовом воспринимались Астафьевыми по-разному, несмотря на душевную близость.

Рассказы Корякиной сопровождаются рецензиями критика Валентина Курбатова. Далее читатель знакомится с самим Валентином Яковлевичем и его литературными произведениями. Он рассказывает о своем знакомстве с Астафьевым и Мишей Голубковым. Затем следуют произведения самого Михаила Голубко-

ва — короткие лирические зарисовки о природе и человеке. Так и сплетаются на наших глазах судьбы и тексты. Ставятся, обводятся и соединяются точки на литературной карте Чусового. И чем плотнее становится контекст, чем больше различных взглядов падает на каждое произведение, тем объемнее становится литературный город.

За прозаиками следуют поэты, за членами Союза писателей — члены первой литературной студии. Около семидесяти произведений более двадцати авторов вошли в биографию Чусового. Поэты столь же разнообразны, как и прозаики. Вот Юрий Беликов выходит из недр Чусовой реки, из окружения мотыльков, судаков и плотвы, и сразу к звездам — в облако человеческих душ. Беликов — поэт-бунтарь и часовой поэзии Чусового. Рядом с ним Сергей Балахон — поэт-труженик, воспевший нелегкий труд машинистов и путеобходчиков.

По форме «Чусовой литературный» напоминает необычную книгу Курбатова «Подорожник», которая собиралась им в течение десятков лет. Каждая встреча с интересным человеком отмечалась в «Подорожнике» автографом — записью на память, и сопровождалась рассказом Курбатова о знакомстве. В сборнике Кардапольцевой и Маслянки автографы — это целые произведения, а биография автора и воспоминания о

нем в письмах и публикациях заменяют личное знакомство.

Есть в сборнике и особенная виртуальность. Это ощущение создает большое количество переплетений, внутренних связей и переключек, с одной стороны, и четкая структурированность — с другой. На «странице» каждого писателя и поэта — фотография, личная информация, «любимые» цитаты, список наград и званий, «сообщения»-письма друзей. В заключении помещается библиография автора с указанием выходных данных книг, фотографиями обложек и короткими аннотациями.

Сборник имеет яркий, выдержанный в едином стиле дизайн. Из текста вынесены и выделены графически высказывания авторов о Чусовом, цитаты из произведений, отрывки писем. Отдельные страницы стилизованы под альбомные, тетрадные записи. Тексты сопровождаются иллюстрациями картин Евгения Широкова, Рафиля Исмагилова, Валерия Чаплыгина и других художников, фотографиями из семейных и музейных архивов. Изображения не только делают Чусовой еще более ощутимым, но и обладают собственной художественной ценностью. Чего стоит хотя бы застывшая на кончике травы «астафьевская капля», отражающая могильный крест, или фотография тридцатилетнего Виктора Астафьева на бе-

регу Яйвы с впечатляющего размера щукой.

Астафьев был заядлым рыбаком, все реки «проплыл и исходил». По одному только описанию, данному им в рассказе «Ягоды для папы», можно составить план путешествия по Чусовой и обогнуть самые крутые пороги. Подобных географических подробностей о городе, реках и окрестных деревнях в рассказах и воспоминаниях чусовлян немало. В контексте Астафьевских чтений, привлекающих в Чусовой поклонников писателя со всей страны, становится еще более очевидным туристический потенциал книги.

«Чусовой литературный» — энциклопедия, если не исчерпывающая (с надеждой на продолжение), то, во всяком случае, дающая ясное и глубокое представление о литературе края. Эта книга — бесценный источник достоверной информации для краеведов, филологов, студентов и школьников, изучающих региональную историю.

Валентин Курбатов в своих воспоминаниях об Астафьеве писал, что до самого знакомства с писателем не читал ни одного его произведения, хотя они к тому времени получили мировое признание. Изучал самиздат, «конспектировал Ницше и Ясперса» — признается он, но читать земляков не спешил. Мол, что напишет толкового человек, который с тобой стоит в очереди за хлебом? Если

его и печатают, то просто ради «экзотики» — а нам она зачем. «Чусовой литературный» дает каждому,

мыслящему как чусовской литературный критик в годы неопытной молодости, возможность исправиться и по-

знакомиться с творениями земляков.

Кристина Суворова

Веселый и наглый

Павел Чечеткин. Кот Несмеяны. — Пермь: Издательский центр «Титул», 2014

В новую книгу пермского поэта Павла Чечеткина вошли стихи, написанные за последние десять лет. Надо думать, за лирическим котом царевны Несмеяны стоит сам автор, который на первой же странице буквально декларирует:

*И от трона Несмеяны
наперед всех прочих дел
резал алые тюльпаны
в лица тем, кто гнал
туманы
и смеяться не умел.*

Да, посмеяться он любит, то на уровне иронии, то открытого хохота. Не каждый блаженный простит ему такие слова:

*С нами ангельская сила!
Таки выбрали Кирилла.
Слышишь: к каждому
теперь
благодать молотит
в дверь!
С медным бубном
на параде,
с секс-инструкцией
в кровати,
В школе вписана
в тетрадь —
с нами Божья благодать.*

Павел Чечеткин — автор книги «Небесный заяц» и соавтор книги «Павел и Анна», председатель Пермского отделения Союза российских писателей, редактор журнала «Вещь». Представитель того поколения, с которого началась поэзия третьего тысячелетия. И этим уже определяются отличия его творчества от того, что создавалось в России в предыдущем веке.

Вспомним с каким пафосом писалось при прежней власти о писательских съездах, художественных выставках и театральных премьерах. А теперь? Вы только вслушайтесь:

*Я жал во тьме коленко
Ленино
и дул настойку из горла.
По сцене бегала
Каренина
и ни хрена не умерла.*

Ни съезды, ни выставки, ни современный театр-театр не щадит автор, куражась над глупостью так называемых модернистов. Талант не щадит бездарность. И правильно делает, потому что в реальной жизни царят они — эпигоны творцов, жеманные

казнокрады. Все содержание книги Павла Чечеткина предельно современно, актуально и точно в своих оценках. При этом поэтическая речь его все чаще приобретает интонацию мастера.

Кроме того, приятно удивляет богатый лексический аппарат автора в диапазоне от Завета до Интернета. Хотя дело это порой опасное, поскольку текст может рассыпаться от обилия смыслов, снижающего до «коэффициента ассоциативной сопряженности». Думаю, с возрастом это пройдет. Сегодня главное в творчестве Павла Чечеткина все-таки то, что отличает его от нас, старших по опыту. Ведь он, веселый и наглый, пришел, чтобы посмеяться над нами.

Возьмем за отправную точку разговора стихотворение Павла «Сон», в котором лирический герой наблюдает военный парад — один самых ярких символов страны минувшей эпохи. Только глаза молодого человека уже не видят в происходящем ничего героического. Для него «мундир наполнен фаршем». Для него брусчатка

Красной площади — это пафос минувшего столетия:

*И я, глаза тарасса,
Глядел грядущим вслед;
Такой нескладный,
спящий,
Укутанный в послед.*

Павел Четкин — поэт мирного времени. Так он о себе заявляет. И подтверждает это своими текстами. Он сокращает название романа Льва Толстого до одного слова. Это слово — мир, многозначный символ, равный мирозданию.

Это не только Красная площадь с Кремлем, это и коммунальная квартира, где беспощадный взгляд автора видит то, что люди уже давно перестали видеть, хотя живут здесь, может быть, всю жизнь. Коммунальная квартира как образ страны в стихотворении «За стенкой». Там «протяжное пение течет из груди под мягкую поступь баяна».

Сострадание, милосердие и ужас слышны в этих строках:

*Седые ровесницы
страшной страны,
Витражных полотен
осколки,
Вы были печалью сюда
сметены
На приторный суд
барахолки.*

История страны, по автору, находится тут же, в настоящем времени, если не в будущем, когда читаешь его стихотворение «Селигерский мойдодыр». Павел умело использует здесь известный текст Чуковского, ставший символом счастливого советского детства. Можно с улыбкой и даже благодарностью думать о том времени, но возвращать его в день сегодняшний — это, конечно, не трагедия, скорее, дурная прихоть режиссера. И Павел доводит эту идею до абсурда:

*Пусть сияют светом
чистым
Все отхожие места —
Реконкиста!
Реконкиста!
Три нациста,
Три мэфисто,
Три танкиста,
Три кота!*

Видно, автор отличается не просто мирным характером, а демонстративно мирным, показывая мир с иронией и юмором, которые фактом своего существования закрывают двери в то прошлое, которое сегодня уже никому не нужно, и оставляют то, что всегда будет иметь абсолютную ценность:

*Представь себе: мы стали
словно боги,
Познавшие добро и зло,
В терновый куст сплетая
руки, ноги
И всё, что кроме naroslo.*

*Ложим во тьме.
Как тихо и взаимно!
Но вот уже очнувшаяся
власть
В глухих раскатах
утреннего гимна
Адама гонит сеять,
Еву — прясль.*

Так смотрит на мир автор третьего тысячелетия. Войны его не интересуют. Реконкиста тоже. Он воспринимает мир как ребенок, как первобытный поэт, как языческий ведун, создающий новые слова и образы. Он радуется полной весенней воде и делится этой радостью с другими:

*Быть воде четверопузой,
Семилапой — рыть вовсю!
И не быть воде обузой
Ни барже с осевшим гузом,
Ни весеннему гусю.*

Про образы — это обязательно. В них смысл поэзии. Для хорошего поэта всегда большое значение имеет форма поэтического произведения, потому что она является сутью текста. Сам Павел Четкин говорит, что над сегодняшними творцами тяготеет груз классических традиций. Только он тяготел всегда. И каждый творец освобождался от него по-своему. Один уходит в верлибр, другой — в разрушение

Авторы номера

Лев Авилкин родился в 1932 году в Самаре. Окончил Ленинградское Нахимовское военно-морское училище и штурманский факультет Высшего военно-морского училища им. М. В. Фрунзе в Ленинграде. Служил на боевых кораблях Балтийского флота. Плавал на гражданских судах морского флота, работал начальником морского порта Пярну (Эстония), преподавал морские дисциплины в Пермском речном училище и работал капитаном-наставником судов заграничного плавания Камской судоходной компании. Печатался в сетевых изданиях. Живет в Перми.

Римма Аглиуллина родилась в 1991 году в Озёрске. Участник раздела «Студия» сайта «Новая литературная карта» и литературного объединения «ЧТЗ». Публиковалась в журналах «Транзит-Урал», «Новые облака» (Эстония) и «TextOnly», сборниках «На достаточных основаниях» и «Острова и корабли» (переводы с английского). Живет в Челябинске.

Юрий Асланьян родился в 1955 году в городе Красновишерске Пермского края. Стихи и проза публиковалась в журналах и альманахах «Юность», «Огонек», «Смена», «Урал», «Дети Ра», «Пермь третья», «Лабиринт», «Вещь». Участник антологии «Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)». Автор книг прозы «Сибирский верлибр» (1990), «Территория Бога» (2006), «Последний побег» (2007), «Пчелиная королева» (2012) и поэтического сборника «Печорский тракт» (2010). Живет в Перми.

Вадим Балабан родился в 1978 году в городе Троицке Челябинской области. Печатался в журналах «Урал», «Зинзивер», «Гвидеон», «Белый Ворон», «Новая Реальность», «Вещь», в антологии «Современная Уральская Поэзия. 2004-2011 гг.». Шорт-лист фестиваля «Глубина» (Челябинск, 2011).

Елена Баянгулова родилась в Нижнем Тагиле в 1985 году. Стихи публиковались в журналах «Воздух», «Урал», «Урал-Транзит», «Дети Ра», в интернет-изданиях «Полутона», «Мегалит», «45 параллель» и др. Участник ряда всероссийских и региональных поэтических фестивалей. Лонг-лист премии «ЛитератураРентген-2009», «Дебют-2010» в номинации «Поэзия». Автор книги стихов «Треугольный остров: неправильные столбцы и другие тексты» (2006). Живет в Екатеринбурге.

Владимир Бекметьев родился в 1991 году в Перми. Учится на философско-социологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета. Принимал участие в поэтическом фестивале «Биармия» (Пермь, 2013). Ранее не публиковался.

Вячеслав Букур родился в 1952 году в городе Губаха Пермской области. Окончил филологический факультет Пермского университета (1979). Работал редактором в Пермском издательстве (1980-1984). Начинал как фантаст, публиковался в журналах и сборниках фантастики «Уральский следопыт» и «Поиск». С середины 80-х годов пишет совместно со своей супругой Ниной Горлановой. Живет в Перми.

Нина Горланова родилась в 1947 году в деревне Верх-Юг Чернушинского района Пермской области. Окончила филологический факультет Пермского университета (1970). Печатается как прозаик с 1980 года. Многочисленные публикации в толстых журналах. Автор книг прозы: «Радуга каждый день» (1987), «Родные люди» (1990), «Вся Пермь» (1997), «Любовь в резиновых перчатках» (1999), «Дом со всеми неудобствами» (2000). Произведения переводились на английский, испанский, немецкий, польский, французский языки. Первая премия Международного конкурса женского прозы (1992), специальная премия американских университетов (1992), премии журналов «Урал» (1981), «Октябрь» (1992), «Новый мир» (1995), Пермской области (1996). Живет в Перми.

Сергей Ивкин родился в 1979 году в Екатеринбурге. Окончил Российский государственный профессионально-педагогический университет. Работает дизайнером. Публиковался в журналах «Урал», «Знамя», «Крещатик», «Дети Ра», «ВОЛГА-XXI век», «Альтернатива», «Aesthetoscope» и др. Лауреат фестивалей «Пилигрим» (Пермь, 2003), «Новый Транзит» (Кыштым, 2006), «Глубина» (Челябинск, 2007), «Илья-премия» (Москва, 2007) и «Ad Libitum» (Пермь, 2008). Автор поэтических книг и сборников «Пересечение собачьего парка» (2007), «Конец оценок» (2008), «Воробьиные боги» (2009), «Йод» (2012).

Марк Квинтольский родился в 1972 году в Барнауле. Проза и опыты драматургии с 1988 года, стихотворные тексты — с 1989 года. С 1994 года — активный участник арт-коммуны ОДЕКАЛ, автор, инициатор художественных акций и проектов. Использовал множество псевдонимов. Участвовал в музыкальных и концептуальных проектах: «ПСУ / Пермьки солёны уши», «Медвежий угол», «Студент и Ко», «Чехов и Арцимович», «Холл Одец», «Мавзолей де Сада», «Пеликан принял люминал» и других. Участник группы «The Вершина Всего» (1994-2000). Живет в Перми.

Алексей Лукьянов родился в 1976 году в п. Тохтуево Соликамского района Пермской области, учился на филолога в Соликамском пединституте, после армии сменил несколько профессий, в том числе работал кузнецом. Публиковался в журналах «Уральская новь», «Октябрь», «Вещь». Лауреат Новой Пушкинской премии (2006) за повесть «Спаситель Петрограда». Автор книг «Спаситель Петрограда» (2008) и «Глубокое бурение» (2010). Живет в Соликамске.

Елена Меньшенина родилась в 1991 году в Липецкой области. В связи с военной службой отца проживала в Бурятии, Иркутской, Липецкой, Владимирской областях. Больше десяти лет живёт в Челябинске. Учится в ЮУрГУ по специальности «филолог-преподаватель». Публиковалась в сборниках «Электрический снег» (2011), «От четырех стихий природы» (2012), «На достаточных основаниях» (2013). Автор книг стихов «Алхимики дождя» (2011) и «От чаепития до надежды» (2012).

Любовь Мульменко родилась в Перми. Окончила филологический факультет Пермского государственного университета (2008) и курсы арт-журналистики Санкт-Петербургского института «Pro Arte» (2009). Для театра начала писать в 2009 году. В 2012 году по сценарию был снят полнометражный художественный фильм «Комбинат «Надежда». Автор пьес «Ноль один», «Призыв», «Антисекс». Постановки: «Алконовеллы» (Театр.doc), «Так-то да» (Театр на Спасской). Живёт в Москве.

Павел Новиков родился в 1986 году в городе Миассе. Эмигрировал с родителями в Израиль в 1998, в 2008 вернулся в Россию. В 2013 окончил ЧелГУ по специальности журналистика. Публикуется впервые. Живёт в Челябинске.

Ольга Роленгоф родилась в 1979 году. Окончила исторический факультет Пермского государственного университета. Публиковалась в журналах «Урал», «Дети Ра», «Интерпоэзия», «Литературная Пермь», сборниках «Стерн» (СПб), «@нтология» (Москва) и др. Автор книги стихов «Зрение» (2007). Автор документального фильма «Мама и ракеты». Переводила Маргерит Юрсенар и Симону Вейль. Автор идеи и организатор студенческого поэтического конкурса «Узнай поэта!».

Стефан Савелли родился в 1989 году в Перми. Окончил Пермскую академию искусства и культуры, факультет культурологии, специальность «Режиссер театрализованных представлений» (2013). Публиковался в сборнике «Действующие лица» (2013). Пьеса «Мама не спит» вошла в шорт-лист XI международного конкурса драматургов «Евразия-2013».

Роман Япишин родился в Челябинске в 1988 году. В 2010 окончил ЮУрГУ по специальности экономист, в настоящее время студент-заочник Литературного института им. Горького. В 2012 году вышла книга стихов «Ненастоящие декорации».

**Поддержка проекта была осуществлена
Министерством культуры, молодежной политики и
массовых коммуникаций Пермского края**

Вещь: Литературный журнал. — Пермь: Издательство «Сенатор», 2014. — 138 стр.

Редактор:
Павел Чечеткин

Выпускающий редактор:
Юрий Куроптев

Издатель:
Борис Эренбург

Дизайн обложки:
Иван Моисеенко

Верстка, дизайн:
Евгения Тесленко

Корректор:
Анна Лукьянова

Иллюстрации:
Вячеслав Смирнов (обложка, стр. 3, 6, 18, 25, 29, 49, 55, 61, 86, 96)
Из архива Семена Соснина (стр. 81-85)

Фото:
Анатолий Баскаков, Елена Соловьёва (стр. 101)
Юрий Баранов, Борис Эренбург (стр. 115, 117)

Рукописи для публикации принимаются по электронному адресу: senator@permplanet.ru

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вещь» обязательна.

Адрес редакции:
614000, г. Пермь, ул. Луначарского, 21
Тел. (342) 212-32-17
e-mail: senator@permplanet.ru

- © «Вещь», 2014
- © Авторы, 2014
- © Издательство «Сенатор», 2014

